

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ТЕРРИТОРИЙ РАН

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

5 (29) 2013

Журнал выходит по решению руководителей экономических институтов РАН:

Северо-Западного федерального округа

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН (Республика Коми)

Институт экономики Карельского научного центра РАН (Республика Карелия)

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Мурманская область)

Институт социально-экономического развития территорий РАН (Вологодская область)

руководства

Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Череповецкого государственного университета (Вологодская область)

других регионов РФ

Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН (Республика Башкортостан)

Институт экономики Уральского отделения РАН (Свердловская область)

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 года №6/6 журнал включён в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.

Редакционный совет:

академик РАН **В.Л. Макаров** (Москва, Россия)

академик РАН **В.В. Ивантер** (Москва, Россия)

академик РАН **В.В. Окрепилов** (Санкт-Петербург, Россия)

академик РАН **А.И. Татаркин** (Екатеринбург, Россия)

академик НАН Беларуси **П.А. Витязь** (Минск, Беларусь)

академик НАН Беларуси **П.Г. Никитенко** (Минск, Беларусь)

член-корреспондент РАН **В.Н. Лажнецов** (Сыктывкар, Россия)

проф. **Ж. Сапир** (Париж, Франция)

д.э.н., проф. **С.Д. Валентей** (Москва, Россия)

д.э.н., проф. **Д.А. Гайнанов** (Уфа, Россия)

д.э.н., проф. **А.Е. Дайнеко** (Минск, Беларусь)

д.э.н., проф. **В.А. Ильин** (Вологда, Россия)

проф. **М. Кивинен** (Хельсинки, Финляндия)

д.с.н., проф. **И.В. Котляров** (Минск, Беларусь)

д.э.н., проф. **С.В. Кузнецов** (Санкт-Петербург, Россия)

д.э.н., проф. **Ф.Д. Ларичкин** (Апатиты, Россия)

д.э.н., проф. **И.А. Максимцев** (Санкт-Петербург, Россия)

д.т.н., проф. **А.В. Путилов** (Москва, Россия)

д.т.н. **Ю.Я. Чукреев** (Сыктывкар, Россия)

д.т.н., проф. **А.И. Шишкин** (Петрозаводск, Россия)

доктор, проф. **Чжан Шухуа** (Пекин, Китай)

проф. **У Эньюань** (Пекин, Китай)

к.соц.н., доц. **Д.В. Афанасьев** (Череповец, Россия)

Главный редактор – В.А. Ильин

Редакционная коллегия:

д.э.н., проф. Л.А. Аносова

д.э.н., проф. А.Г. Воробьев, д.э.н., проф. Е.С. Губанова

д.э.н. К.А. Гулин (зам. главного редактора)

к.э.н. К.А. Задумкин, к.э.н. Г.В. Леонидова, к.э.н. М.Ф. Сычев (зам. главного редактора)

к.филол.н. О.В. Третьякова (зам. главного редактора, отв. секретарь)

к.э.н. С.В. Терехова, д.э.н. Т.В. Ускова, д.э.н. А.А. Шабунова

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES OF RAS

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

5 (29) 2013

The journal is published according to the decision of RAS economic institutions' administration in the North-West Federal District

Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre of the Ural RAS Department (Komi Republic)
Institute of Economics of Karelian Scientific Centre of RAS (Karelia Republic)
G.P. Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of RAS (the Murmansk Oblast)
Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS (the Vologda Oblast)

and according to the decision of the administration of

Saint Petersburg State University of Economics and Finance
Cherepovets State University (the Vologda Oblast)

and RAS institutions of other RF regions

Institute of Social and Economic Research of Ufa Science Centre of RAS (Bashkortostan Republic)
Institute of Economics of the Ural RAS Department (the Sverdlovsk Oblast)

The decision of Presidium of the Higher Attestation Commission of the Russian MES (No.6/6, dated 19.02.2010) the journal is included in the list of leading scientific editions, recommended for publication of the main results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences.

Editorial Council:

RAS Academician **V.L. Makarov** (Moscow, Russia)
RAS Academician **V.V. Ivanter** (Moscow, Russia)
RAS Academician **V.V. Okrepilov** (St. Petersburg, Russia)
RAS Academician **A.I. Tatarkin** (Yekaterinburg, Russia)
Belarus NAS Academician **P.A. Vityaz** (Minsk, Belarus)
Belarus NAS Academician **P.G. Nikitenko** (Minsk, Belarus)
RAS Corresponding Member **V.N. Lazhentsev** (Syktyvkar, Russia)
Professor **J. Sapir** (Paris, France)
Doctor of Economics, Professor **S.D. Valentey** (Moscow, Russia)
Doctor of Economics, Professor **D.A. Gaynanov** (Ufa, Russia)
Doctor of Economics, Professor **A.E. Dayneko** (Minsk, Belarus)
Doctor of Economics, Professor **V.A. Ilyin** (Vologda, Russia)
Professor **M. Kivinen** (Helsinki, Finland)
Doctor of Sociology, Professor **I.V. Kotlyarov** (Minsk, Belarus)
Doctor of Economics, Professor **S.V. Kuznetsov** (St. Petersburg, Russia)
Doctor of Economics, Professor **F.D. Larichkin** (Apatity, Russia)
Doctor of Economics, Professor **I.A. Maksimtsev** (St. Petersburg, Russia)
Doctor of Technics, Professor **A.V. Putilov** (Moscow, Russia)
Doctor of Technical Sciences **Yu. Ya. Chukreev** (Syktyvkar, Russia)
Doctor of Technics, Professor **A.I. Shishkin** (Petrozavodsk, Russia)
Doctor, Professor **Zhang Shuhua** (Beijing, China)
Professor **Wu Enyuan** (Beijing, China)
Ph.D. in Sociology, Associate Professor **D.V. Afanasyev** (Cherepovets, Russia)

Chief Editor – V.A. Ilyin

Editorial Board:

Doctor of Economics, Professor **L.A. Anosova**
Doctor of Economics, Professor **A.G. Vorobyov**, Doctor of Economics, Professor **E.S. Gubanova**
Doctor of Economics **K.A. Gulin** (Deputy Chief Editor)
Ph.D. in Economics **K.A. Zadumkin**, Ph.D. in Economics **G.V. Leonidova**
Ph.D. in Economics **M.F. Sychev** (Deputy Chief Editor)
Ph.D. in Philology **O.V. Tretyakova** (Deputy Chief Editor, Executive Editor)
Ph.D. in Economics **S.V. Terebova**
Doctor of Economics **T.V. Uskova**, Doctor of Economics **A.A. Shabunova**

*Opinions presented in the articles can differ from the editorial board's point of view.
Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.*

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<i>Ильин В.А.</i> Новая повестка дня и эффективность государственного управления	9
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	14
<i>Савченко Е.С.</i> О необходимости и содержании смены макроэкономической политики	21

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

<i>Поварова А.И.</i> Счетная палата РФ: проект бюджета 2014–2016 гг. не позволит выполнить майские (2012 г.) указы Президента	28
<i>Швецов А.</i> Российская академия наук – очередной объект разрушительных реформационных преобразований	34
<i>Ласточкина М.А., Шабунова А.А.</i> Возможности и ограничения модернизационного развития регионов Северо-Западного федерального округа	39
<i>Кириллова С.А., Кантор О.Г.</i> Управление регионами с позиций устойчивого развития	53

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

<i>Бурый О.В., Калинина А.А., Луканичева В.П.</i> Роль топливного сектора субарктических районов в экономике Республики Коми	65
<i>Гасникова А.А.</i> Роль традиционной и альтернативной энергетики в регионах Севера	77
<i>Васильев А.М.</i> Глубокая переработка уловов – фактор повышения экономической эффективности рыболовства.....	89

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

<i>Попова Л.А., Терентьева М.А.</i> Сравнительная характеристика динамики трудового потенциала регионов Северо-Западного федерального округа	98
<i>Теребова С.В.</i> Малый бизнес как фактор повышения уровня занятости и доходов населения региона	112

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

<i>Томилина Н.С.</i> Российская модель бюджетного федерализма: конкуренция или кооперация?	123
---	-----

ПРОБЛЕМЫ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

<i>Пьянкова С.Г.</i> Проектирование институционального развития монопрофильных территорий	133
--	-----

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

<i>Гун Цзяньвэнь.</i> Построение региональной инновационной системы и углубляющееся реформирование	142
---	-----

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

<i>Лобовиков А.О., Базылева Я.В.</i> Эколого-экономическая оценка эффективности технологии очистки выбросов тепловых электростанций	149
--	-----

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

<i>Анищенко А.Н., Селименков Р.Ю.</i> Оценка функционирования сельского хозяйства региона	156
<i>Стыров М.М.</i> Проблемы и перспективы финансирования социальной сферы в России	169
Summary	187
Сведения об авторах	191
Требования к оформлению статей	196
Информация о подписке	201

CONTENT

FROM THE CHIEF EDITOR

<i>Ilyin V.A.</i> New agenda and state management efficiency	9
Public opinion monitoring of the state of the Russian society.....	14
<i>Savchenko Ye.S.</i> On the necessity and content of the change in macroeconomic policy	21

DEVELOPMENT STRATEGY

<i>Povarova A.I.</i> Accounts Chamber of the Russian Federation: 2014-2016 draft budget will not allow Presidential Decrees of May, 2012 to be executed	28
<i>Shvetsov A.N.</i> Russian Academy of Sciences – another target of devastating reforms	34
<i>Lastochkina M.A., Shabunova A.A.</i> Opportunities for and constraints in the modernization development of the regions of the Northwestern Federal District	39
<i>Kirillova S.A., Kantor O.G.</i> Region management in terms of sustainable development	53

BRANCH-WISE ECONOMY

<i>Buryi O.V., Kalinina A.A., Lukanicheva V.P.</i> The role of the fuel sector of subarctic regions in the Komi Republic economy	65
<i>Gasnikova A.A.</i> The role of conventional and alternative energy in the regions of the North	77
<i>Vasilyev A.M.</i> Deep processing – the main direction in enhancing the efficiency of fish utilization	89

SOCIAL DEVELOPMENT

<i>Popova L.A., Terentyeva M.A.</i> Comparative characteristic of labour potential dynamics in the regions of the Northwestern Federal District	98
<i>Terebova S.V.</i> Small business as the factor increasing the employment rate and incomes of the population	112

SOCIAL FINANCES

Tomilina N.S. Russian model of fiscal federalism: competition or cooperation? 123

PROBLEMS OF MUNICIPAL ENTITIES

Piankova S.G. Institutional development planning of non-diversified territories 133

INNOVATION DEVELOPMENT

Gong Jianwen. Regional innovation system construction and deepening reformation 142

ENVIRONMENTAL ECONOMICS

Lobovikov A.O., Bazyleva Ya.V. Eco-economic evaluation of emission treatment technologies efficiency at thermal power stations 149

YOUNG RESEARCHERS

Anishchenko A.N., Selimenkov R.Yu. Assessment of the performance of the region's agriculture 156

Styrov M.M. Problems and prospects of social sphere financing in Russia 169

Summary 187

Information about authors 191

Requirements to manuscripts 196

Subscription information 201

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Владимир Александрович ИЛЬИН

д.э.н., профессор,
заслуженный деятель
науки РФ,
директор ИСЭРТ РАН
ilin@vscc.ac.ru

Новая повестка дня и эффективность государственного управления

Выступление Президента РФ В.В. Путина на пленарной сессии международного клуба «Валдай» многие эксперты сравнивают с его знаменитым выступлением в Мюнхене в 2007 году¹, в котором он подверг резкой критике доктрину однополярного мира и призвал отказаться от двойных стандартов в международной политике.

В 2012–2013 гг. Россия небезуспешно продолжает внешнеполитический курс, заявленный В.В. Путиным на Мюнхенской конференции.

Предвыборные статьи кандидата в Президенты В.В. Путина, облеченные в Указы Президента РФ от 7 мая 2012 г., ставят перед российским обществом, Правительством РФ масштабные задачи перехода к новой индустриализации России, конкретные цели, обеспечивающие повышение уровней безопасности и конкурентоспособности страны к 2020 г.

В речи на Валдайском форуме, через полтора года после публикации майских указов 2012 г., Президент призывает обсудить глубинные и внутренние проблемы, без решения которых России невозможно достичь необходимых стратегических рубежей.

Один из экспертов так охарактеризовал выступление Президента на этом форуме:

«Владимир Путин задал обществу новую повестку дня. Не на одну неделю, не на один политический сезон. Надолго. Он начал разговор о критериях национальной идентичности, о восстановлении исторической преемственности страны. Самые простые вопросы оказались, как ни странно, самыми важными и неожиданными: «Кто мы?», «Кем мы хотим быть?»»²

¹ Речь В.В. Путина в Мюнхене 10 февраля 2007 г. — Режим доступа: <http://okorplanet.su/politik/41120>

² Щипков А. Освобождение языка. О возможных последствиях валдайской речи Президента В. Путина // Литературная газета. — 2013. — №40. — 9 окт. — С. 9.

Президент высказал понимание того, что обеспечить стратегическую безопасность и конкурентоспособность в XXI веке *«невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения, иначе мы не сможем противостоять внешним и внутренним вызовам, не сможем добиться успеха в условиях глобальной конкуренции»* и для этого *«нужно быть сильным в военном, технологическом, экономическом отношении, но всё-таки главное, что будет определять успех, — это качество людей, качество общества интеллектуальное, духовное, моральное»*³.

Президент назвал причины сегодняшнего состояния российского общества: *«Последствия национальных катастроф XX века, когда мы дважды пережили распад нашей государственности. В результате получили разрушительный удар по культурному и духовному коду нации, столкнулись с разрывом традиций и единства истории, с деморализацией общества, с дефицитом взаимного доверия и ответственности. Именно в этом многие корни острых проблем, с которыми мы сталкиваемся»*⁴.

«После 1991 года была иллюзия, что новая национальная идеология, идеология развития, родится как бы сама по себе. Государство, власть, интеллектуальный и политический класс практически самоустранились от этой работы... Кроме того, отсутствие национальной идеи, основанной на национальной идентичности, было выгодно той квазиколониальной части элиты, которая предпо-

*читала воровать и выводить капиталы и не связывала своё будущее со страной, где эти капиталы зарабатывались»*⁵.

Президент России снова возвращается к обсуждению морального консенсуса в российском обществе. Он поднимал этот вопрос ещё в предвыборных выступлениях. Так, выступая 9 февраля 2012 г. на съезде РСПП, В.В. Путин отметил:

«...в том, что происходило в 1990-е годы. Мы с вами много говорили на этот счёт, когда бизнес нередко сводился к простому дележу государственного пирога»;

«...нам, конечно, и вот эту страницу тоже надо перевернуть...надо нам завершить этот период. Разные варианты предлагаются, надо с обществом, конечно, это обсуждать, с экспертным сообществом, но так, чтобы действительно общество приняло эти варианты закрытия проблем 1990-х годов: нечестной, прямо скажем, приватизации, всяких аукционов»;

*«...обеспечить общественную легитимность самого института частной собственности, общественное доверие к бизнесу, иначе мы не сможем развивать современную рыночную экономику и тем более мы не сможем создать здоровое гражданское общество...основные решения должны быть приняты уже в 2012 году»*⁶.

По всей видимости, Президент считает, что наступило время, когда необходимо снизить влияние той части правящей элиты, которая социально несправедливым путем достигла своего нынешнего положения и не связывает своё будущее со страной.

³ Путин В.В. Речь на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/19243>

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Выступление В.В. Путина на съезде РСПП 09.02.2012 // Официальный сайт В.В. Путина. — Режим доступа: <http://premier.gov.ru/events/news/18052/>

В.В. Путин вынужден демонстрировать неудовлетворенность темпами реализации стратегии преобразования, обозначенными в указах от 7 мая 2012 года.

Это было четко показано на совещании, проведенном Президентом РФ в Элисте 16 апреля 2013 г. Глава государства резко критиковал членов правительства и руководителей регионов за непрофессионализм при реализации майских указов 2012 г., в которых закреплены его предвыборные обещания: *«Как мы работаем? Качество работы — ничтожное, всё поверхностно делаем. Если будем работать так, то ни хрена не сделаем! А если будем работать более настойчиво и профессионально, то сделаем. Давайте повысим качество нашей работы. Это нужно сделать! Если мы этого не сделаем, надо будет признать, что либо я работаю неэффективно, либо вы все плохо работаете и вам нужно уйти. Обращаю ваше внимание на то, что на сегодняшний день я склоняюсь ко второму варианту. Думаю, что это понятно. Чтобы не было никаких иллюзий»*⁷.

Столь недвусмысленная реакция Президента на итоги деятельности российской исполнительной власти в послевыборный период рельефно показывает всю остроту складывающейся ситуации и выражает высокую степень тревоги Главы государства за судьбу конкретных обязательств, взятых им перед своим Избирателем. Тех самых обязательств, от исполнения которых будет зависеть повышение качества жизни, качества государства, качества развития гражданского общества и в конечном счете конкурентоспособность страны.

⁷ NEWSru.com. Новости России. Среда, 17 апреля 2013 года.

Содержание речи В.В. Путина в Валдайском клубе показывает, в чем видит Президент основную причину низкой эффективности современного государственного управления России — это отсутствие морального консенсуса в обществе, которого необходимо достигнуть на базе исторического творческого синтеза лучшего национального опыта.

Определенные доказательства влияния «квазиколониальной части элиты» на формирование бюджета страны 2014–2016 гг. дает Счетная палата РФ в своем официальном заключении на проект федерального бюджета 2014–2016 годов⁸. Сравнив это заключение с заключением на проект федерального бюджета 2013–2015 гг., сотрудники Института социально-экономического развития территорий РАН пришли к следующим выводам.

Правительством проигнорированы неоднократные рекомендации Счетной палаты РФ о необходимости подготовки конкретных мер, направленных:

- на развитие доходного потенциала бюджетной системы страны;
- сокращение теневого сектора экономики;
- ликвидацию уклонений от уплаты налогов и других обязательных платежей, включая использование трансфертного ценообразования и операций, проводимых через офшорные зоны;
- улучшение контрольной работы налоговых и таможенных органов;
- повышение результативности налогового контроля в части возмещения НДС из федерального бюджета;
- оптимизацию существующей системы льгот и преференций;

⁸ Заключение Счетной палаты Российской Федерации на проект федерального закона «О федеральном бюджете на 2014 год и плановый период 2015 и 2016 гг.» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ach.gov.ru>

- сокращение задолженности по налоговым и неналоговым платежам;
- увеличение доходов от управления и распоряжения федеральным имуществом;
- повышение эффективности государственного контроля в области регулирования производства и оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции;
- принятие мер по поддержанию умеренной долговой нагрузки как на федеральный, так и на региональные бюджеты;

— своевременное влияние на заемную политику корпоративного сектора, а также на повышение качества прогнозирования долговой устойчивости.

Следует отметить, что многочисленные эксперты, анализируя в своих публикациях социально-экономическую и политическую обстановку в Российской Федерации, указывали на неэффективность решений со стороны правительственной команды, которая под влиянием лоббистов от олигархических структур принимает решения не в интересах наполнения государственного бюджета⁹.

⁹ С учётом мер, предложенных рядом авторитетных экспертов, составлен расчёт, показавший потенциальную возможность увеличить доходы консолидированного бюджета страны на 8,0–12,8 трлн. рублей в год или на 20–33%.

Расчет возможного увеличения поступлений в бюджетную систему Российской Федерации, трлн. руб. в год

Источник	Фактическое значение	Предлагаемый вариант	Консолидированный бюджет РФ	Бюджеты гос. внебюджетных фондов	Федеральный бюджет	Бюджеты субъектов РФ
Отмена возмещения НДС экспортерам сырья, введение дифференцированных ставок возмещения НДС экспортерам полуфабрикатов	18%	0–6% ^{*1)}	1,5		1,5	
Отмена освобождений по уплате НДС для финансового сектора экономики	0%	18% ^{*2)}	3,0 – 5,0		3,0 – 5,0	
Отмена льгот по налогу на имущество для субъектов естественных монополий	0%	2,2% ^{*2)}	0,2			0,2
Повышение ставки налога на дивиденды	5 – 9%	13 – 15% ^{*1)}	0,2 – 0,5			0,2 – 0,5
Введение прогрессивной шкалы подоходного налога	13% ^{**}	13 – 50% ^{*3)}	2,0 – 4,5			2,0 – 4,5
Введение налога на вывоз валюты	нет	20% ^{*4)}	0,5		0,5	
Отмена предельной величины годового дохода, выше которой не берутся страховые взносы	568 тыс. руб.	0 ^{*5)}	0,6	0,6		
Итого			8,0 – 12,8	0,6	5,0 – 7,0	2,4 – 5,2

^{*1)} Д.э.н. Н.А. Кричевский (полная отмена), ИСЭРТ РАН (отмена для экспортеров сырья, введение дифференцированных ставок).
^{*2)} ИСЭРТ РАН.
^{*3)} Академик РАН Р.И. Нигматулин, д.э.н. В.Л. Иноземцев, д.э.н. Н.А. Кричевский, А.В. Багаряков, политические партии «Справедливая Россия», КПРФ.
^{*4)} Партия «Справедливая Россия», председатель Палаты налоговых консультантов Д. Черник.
^{*5)} Д.э.н. В.Л. Иноземцев, Экономическая экспертная группа.

Одним из главных посылов речи Президента является необходимость создания в стране, в российском обществе обстановки политического и экономического, морального консенсуса. Национальные ценности, общественная этика, по мнению В.В. Путина, являются определяющим стержнем вертикали власти — как политической, так и экономической, как в федеральном центре, так и в регионах, муниципалитетах. Только такой подход и может привести к консолидации российского общества.

Но эта задача коренного изменения сложившейся за последние десятилетия социально несправедливой, аморальной ситуации в российском обществе.

63,6% избирателей проголосовали за В.В. Путина на выборах Президента РФ 6 марта 2012 г. Нет сомнения, что подавляющее большинство граждан России поддерживает реализацию идей, изложенных Президентом РФ в международном клубе «Валдай», связанных с верховенством национальных ценностей и общественной этики в реальной жизни всех слоев населения. Пример реальных действий в решении этих задач **должна показывать вертикаль власти, очищаясь от «квазиколониальной части элиты, которая предпочитала воровать и выводить капиталы и не связывала своё будущее со страной, где эти капиталы зарабатывались»¹⁰.**

¹⁰ Путин В.В. Речь на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/19243>

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ИСЭРТ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области в среднем за последние 6 опросов (период с декабря 2012 по октябрь 2013 г.) в сопоставлении с данными за 2012 г., а также за 2011 год, когда шёл к окончанию срок пребывания в должности Президента РФ Д.А. Медведева, и за 2007 год, когда завершился второй срок президентской деятельности В.В. Путина.

Результаты опросов показывают, что в 2012–2013 гг. оценки деятельности Президента РФ и губернатора области улучшаются, однако темпы позитивных изменений незначительны. Ситуация по-прежнему остается менее благоприятной, чем в 2011 и 2007 гг. Сохраняются негативные тенденции общественного мнения в отношении деятельности Правительства РФ.

Одновременно с отсутствием позитивных изменений в оценке работы властных структур, во всех социальных группах отмечается устойчивый рост показателей социального настроения и запаса терпения, снижается уровень протестного потенциала. Данная динамика оценок говорит о том, что население всё меньше связывает свои ожидания и надежды с деятельностью органов власти. Происходит концентрация интересов людей на своей личной, семейной, частной жизни, что является тревожной тенденцией, поскольку усиливает разобщенность между государством и обществом.

Оценка деятельности власти

В среднем за последние 6 опросов по сравнению с 2012 г. несколько улучшились оценки деятельности Президента РФ и губернатора Вологодской области (доля положительных отзывов увеличилась соответственно на 3 и 2%).

В то же время с февраля 2013 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ не растет, оставаясь в районе 55%, что ниже на 20 п.п., чем к концу второго президентского срока В. Путина в 2007 г. (75%). Доля неодобренных оценок в среднем за последние 6 опросов по сравнению с 2007 г. возросла почти на такую же величину (на 20 п.п. — с 11 до 30%).

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса — анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности — 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ИСЭРТ РАН, можно найти на сайте <http://www.vscac.ru/>.

Таблица 1. Динамика ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..?», в % от числа опрошенных

Показатель	2007	2011	2012	Окт. 2013	Среднее за последние 6 опросов (декабрь 2012 – октябрь 2013 г.)	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
						2012	2011	2007
Президент РФ								
Одобрю	75,3	58,7	51,7	54,3	54,7	+3	-4	-21
Не одобряю	11,5	25,6	32,6	28,7	30,4	-2	+5	+19
Председатель Правительства РФ*								
Одобрю	-	59,3	49,6	49,0	48,4	-1	-11	-
Не одобряю	-	24,7	33,3	30,6	33,4	0	+9	-
Губернатор								
Одобрю	55,8	45,7	41,9	45,9	44,2	+2	-2	-12
Не одобряю	22,2	30,5	33,3	32,4	33,3	0	+3	+11

* Вопрос задается с 2008 г.

Оценка деятельности Президента РФ в различных социальных группах

Незначительное улучшение оценок деятельности главы государства за последние 6 опросов по сравнению с 2012 г. отмечается во всех социально-демографических группах населения (на 1–5 п.п.). Однако во всех категориях ситуация остается заметно более негативная, чем в конце второго президентского срока В. Путина (уровень одобрения деятельности Президента РФ снизился на 19–24 п.п.).

Таблица 2. Динамика уровня одобрения деятельности Президента РФ в различных социальных группах населения, в % от числа опрошенных

Категории населения	2007	2011	2012	Окт. 2013	Среднее за последние 6 опросов (декабрь 2012 – октябрь 2013 г.)	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
						2012	2011	2007
Пол								
Мужской	73,6	55,6	48,9	48,1	51,9	+3	-4	-22
Женский	76,7	61,2	53,9	59,3	56,9	+3	-4	-20
Возраст								
До 30 лет	76,6	58,3	49,7	53,4	52,5	+3	-6	-24
30-55 лет	75,1	57,6	50,9	54,1	55,0	+4	-3	-20
Старше 55 лет	74,6	60,7	54,6	55,1	56,0	+1	-5	-19
Образование								
Н/среднее и среднее	70,3	54,9	46,0	47,5	49,4	+3	-6	-21
Среднее специальное	76,4	59,8	51,8	54,3	55,3	+4	-5	-21
Н/высшее и высшее	80,1	61,3	56,6	61,4	59,3	+3	-2	-21
Доходные группы								
20% наименее обеспеченных	65,1	45,7	40,9	50,7	45,2	+4	-1	-20
60% среднеобеспеченных	78,0	60,4	53,8	54,4	55,9	+2	-5	-22
20% наиболее обеспеченных	82,6	68,9	59,4	60,8	63,9	+5	-5	-19
Территории								
Вологда	74,1	58,3	51,6	52,7	52,9	+1	-5	-21
Череповец	82,8	68,5	62,3	63,8	63,4	+1	-5	-19
Районы	72,2	53,9	46,3	49,8	50,9	+5	-3	-21

Оценка успешности решения Президентом РФ ключевых проблем

Возможность зафиксировать некие «критические точки» в общественном мнении позволяет использование индексного метода, сущность которого состоит в выявлении соотношения позитивных и негативных настроений в обществе².

В 2007 г. уровень оценок успешности решения Президентом РФ ключевых проблем страны был значительно выше, чем уровень оценок неуспешности. В период президентства Д. Медведева наблюдалась противоположная ситуация: по большинству позиций удельный вес негативных суждений превалировал над положительными оценками.

В среднем за последние 6 опросов преобладание отрицательных характеристик сохраняется, однако общественное мнение несколько улучшилось по сравнению с 2012 г. И это отражается в оценках почти всех социальных групп.

Таблица 3. Оценка успешности решения Президентом РФ проблемы укрепления международных позиций России (индекс в социальных группах, в пунктах)

Категории населения	2007	2011	2012	Окт. 2013	Среднее за последние 6 опросов (декабрь 2012 – октябрь 2013 г.)	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
						2012	2011	2007
Пол								
Мужской	131,9	109,1	101,2	106,7	104,2	+3	-5	-28
Женский	134,8	115,1	108,4	119,9	111,8	+3	-3	-23
Возраст								
До 30 лет	138,5	113,6	108,6	118,4	109,7	+1	-4	-29
30-55 лет	133,6	112,6	105,6	112,1	110,3	+5	-2	-23
Старше 55 лет	128,8	111,3	101,8	113,4	104,4	+3	-7	-24
Образование								
Среднее и неполное среднее	123,6	106,0	97,5	110,1	102,3	+5	-4	-21
Среднее специальное	131,8	112,8	103,8	113,1	107,8	+4	-5	-24
Высшее и незаконченное высшее	147,7	118,6	113,3	118,7	114,8	+2	-4	-33
Доходные группы								
20% наименее обеспеченных	103,4	83,9	80,9	95,5	84,8	+4	+1	-19
60% среднеобеспеченных	137,7	117,2	109,6	117,9	113,4	+4	-4	-24
20% наиболее обеспеченных	155,2	128,7	122,2	128,7	122,0	0	-7	-33
Территории								
Вологда	130,6	114,0	99,6	116,6	106,1	+6	-8	-25
Череповец	158,2	131,4	121,5	117,3	114,2	-7	-17	-44
Районы	122,6	102,2	99,6	110,6	106,5	+7	+4	-16
Область	133,5	112,5	105,2	114,0	108,4	+3	-4	-25

² База данных ВЦИОМ: индексы социального самочувствия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/178/>. Для расчета большинства индексов из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, положительные – 200, равновесие первых и вторых выражает значение индекса 100, являющееся, по сути, нейтральной отметкой. У индекса социальной напряженности – обратный порядок значений: отметка 0 пунктов является абсолютно положительной величиной, 200 пунктов – абсолютно отрицательной величиной.

В среднем за последние 6 опросов по сравнению с 2012 и 2011 гг. несколько возрос удельный вес жителей области, считающих, что Президент РФ успешно справляется с проблемой наведения порядка в стране. Стабильные позитивные изменения отмечаются в большинстве социально-демографических групп населения, особенно среди жителей районов (индекс успешности увеличился на 8–9 пунктов). Негативные тенденции наблюдаются только в группе 20% наименее обеспеченных (индекс ниже на 1 п. по сравнению с 2012 и 2011 гг. и на 29 п. по сравнению с 2007 г.), а также среди жителей Вологды (индекс ниже на 13 п. по сравнению с 2011 г. и на 35 п. по сравнению с 2007 г.).

Таблица 4. Оценка успешности решения Президентом РФ проблемы наведения порядка в стране (индекс в социальных группах, в пунктах)

Категории населения	2007	2011	2012	Окт. 2013	Среднее за последние 6 опросов (декабрь 2012 – октябрь 2013 г.)	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
						2012	2011	2007
Пол								
Мужской	118,6	84,4	82,1	88,3	86,8	+5	+2	-32
Женский	119,5	89,9	86,7	100,5	92,2	+6	+2	-27
Возраст								
До 30 лет	129,1	91,7	87,8	99,7	91,7	+4	0	-37
30-55 лет	119,4	85,1	83,9	90,9	89,0	+5	+4	-30
Старше 55 лет	109,7	87,7	83,3	97,7	89,5	+6	+2	-20
Образование								
Среднее и неполное среднее	111,9	81,3	78,8	91,6	85,8	+7	+5	-26
Среднее специальное	118,6	90,2	85,6	97,9	90,8	+5	+1	-28
Высшее и незаконченное высшее	128,5	90,8	88,9	95,6	92,9	+4	+2	-36
Доходные группы								
20% наименее обеспеченных	98,6	70,8	70,3	75,3	69,4	-1	-1	-29
60% среднеобеспеченных	121,6	91,1	86,7	96,9	93,2	+7	+2	-28
20% наиболее обеспеченных	136,7	92,9	98,3	114,2	102,3	+4	+9	-34
Территории								
Вологда	118,5	96,1	82,8	90,3	83,2	0	-13	-35
Череповец	136,8	94,1	94,2	106,5	97,6	+3	+3	-39
Районы	110,6	80,0	80,7	91,1	89,0	+8	+9	-22
Область	119,1	87,4	84,7	95,0	89,8	+5	+2	-29

Менее позитивно население области оценивает деятельность главы государства по решению проблемы защиты демократии и укрепления свобод граждан. В среднем за последние 6 опросов увеличение индекса успешности в большинстве социально-демографических групп отмечается только по сравнению с 2012 г., прежде всего у людей со средним и неполным средним образованием, а также жителей районов (индекс выше на 8 и 11 пунктов соответственно).

Сохраняются негативные тенденции в оценках у лиц со средним специальным образованием, жителей Вологды и Череповца. Индекс успешности в среднем за последние 6 опросов снизился в этих группах на 1–7 п. по сравнению с 2012 г., на 9–17 п. по сравнению с 2011 г. и на 24–43 п. по сравнению с 2007 г.

По сравнению с 2011 и особенно с 2007 гг. по большинству групп населения наблюдается ухудшение значений индекса.

Таблица 5. Оценка успешности решения Президентом РФ проблемы защиты демократии и укрепления свобод граждан (индекс в социальных группах, в пунктах)

Категории населения	2007	2011	2012	Окт. 2013	Среднее за последние 6 опросов (декабрь 2012 – октябрь 2013 г.)	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
						2012	2011	2007
Пол								
Мужской	107,0	80,9	72,8	77,0	76,8	+4	-4	-30
Женский	107,7	87,4	79,4	87,1	81,8	+2	-6	-26
Возраст								
До 30 лет	115,0	84,7	79,0	82,8	79,5	+1	-5	-35
30-55 лет	106,3	81,9	74,6	78,2	79,7	+5	-2	-27
Старше 55 лет	102,4	88,6	77,4	88,9	79,4	+2	-9	-23
Образование								
Среднее и неполное среднее	100,4	78,1	69,5	80,8	77,5	+8	-1	-23
Среднее специальное	109,0	87,0	78,8	82,5	78,2	-1	-9	-31
Высшее и незаконченное высшее	113,9	88,3	80,3	84,7	83,1	+3	-5	-31
Доходные группы								
20% наименее обеспеченных	94,3	62,6	61,9	73,5	67,3	+5	+5	-27
60% среднеобеспеченных	108,7	89,0	78,2	80,8	80,3	+2	-9	-28
20% наиболее обеспеченных	122,3	93,8	87,3	97,1	86,8	0	-7	-35
Территории								
Вологда	98,6	91,3	76,8	76,9	74,8	-2	-17	-24
Череповец	122,0	91,8	85,9	85,4	79,2	-7	-13	-43
Районы	104,3	77,6	71,6	84,1	82,3	+11	+5	-22
Область	107,4	84,5	76,5	82,6	79,6	+3	-5	-28

В декабре 2012 – октябре 2013 г. по сравнению с 2012 г. заметно улучшилось мнение жителей районов о деятельности главы государства по подъему экономики и росту благосостояния граждан (индекс увеличился на 9 пунктов). В то же время продолжают негативные тенденции в оценках жителей Вологды и Череповца (по сравнению с 2007 г. в среднем за последние 6 опросов индекс снизился на 34 и 53 п. соответственно). Не улучшается общественное мнение в возрастной группе старше 55 лет (как и в 2012 г., индекс составил 74 п., в 2007 г. – 98 п.).

В целом по сравнению с 2012 г. индекс успешности в большинстве социально-демографических групп увеличился на 1–6 п., что является незначительным, если сравнивать данные за последние 6 опросов и период окончания второго президентского срока В. Путина (2007 г.). За это время индекс успешности решения Президентом такой жизненно важной проблемы, как рост благосостояния граждан, существенно снизился во всех группах населения (на 25–45 пунктов).

Таблица 6. Оценка успешности решения Президентом РФ проблемы **подъема экономики и роста благосостояния граждан** (индекс в социальных группах, в пунктах)

Категории населения	2007	2011	2012	Окт. 2013	Среднее за последние 6 опросов (декабрь 2012 – октябрь 2013 г.)	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
						2012	2011	2007
Пол								
Мужской	106,6	73,0	67,5	72,9	73,4	+6	0	-33
Женский	109,5	76,5	72,9	75,2	74,4	+1	-2	-35
Возраст								
До 30 лет	117,9	77,3	69,1	82,2	74,1	+5	-3	-44
30-55 лет	109,2	71,5	69,1	72,3	74,0	+5	+3	-35
Старше 55 лет	97,8	78,4	74,0	71,3	73,7	0	-5	-24
Образование								
Среднее и неполное среднее	102,2	72,1	68,8	63,0	71,6	+3	-1	-31
Среднее специальное	108,8	76,3	71,1	78,4	73,4	+2	-3	-35
Высшее и незаконченное высшее	114,8	76,5	71,1	82,1	77,0	+6	0	-38
Доходные группы								
20% наименее обеспеченных	99,0	58,0	57,5	58,6	59,9	+2	+2	-39
60% среднеобеспеченных	106,5	77,4	72,9	73,3	74,4	+1	-3	-32
20% наиболее обеспеченных	129,8	83,8	81,0	91,8	85,2	+4	+1	-45
Территории								
Вологда	99,3	77,9	67,5	69,1	65,7	-2	-12	-34
Череповец	124,3	79,0	72,3	77,9	70,8	-1	-8	-53
Районы	104,3	71,5	71,0	74,9	79,8	+9	+8	-25
Область	108,2	74,9	70,5	74,2	74,0	+3	-1	-34

Оценка социального состояния

Доля позитивных оценок социального настроения и запаса терпения продолжает увеличиваться, несмотря на более негативные суждения о деятельности главы государства в среднем за последние 6 опросов по сравнению с 2007 г., а также рост доли жителей области, относящих себя к «бедным» и «нищим».

Таблица 7. Оценка социального состояния, в % от числа опрошенных

Варианты ответа	2007	2011	2012	Окт. 2013	Среднее за последние 6 опросов (декабрь 2012 – октябрь 2013 г.)	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
						2012	2011	2007
Настроение								
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	67,3	71,5	68,3	+1	+5	+5
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	27,0	24,0	26,5	-1	-2	-1
Запас терпения								
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	76,6	81,6	78,7	+2	+4	+5
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	15,8	12,3	14,5	-1	-1	+1
Социальная самоидентификация								
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	44,7	45,7	43,8	-1	+1	-4
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	44,5	45,4	46,9	+2	+3	+5
Индекс потребительских настроений								
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	91,5	90,4	90,9	-1	+1	-1

Отношение населения к политическим партиям

В динамике поддержки партии власти не наблюдается позитивных изменений. Как и в 2007, и в 2011 гг., в среднем за последние 6 опросов её уровень составил 29–30%. При этом продолжает увеличиваться доля жителей области, которые не находят среди представленных на сегодняшний день политических партий ни одной соответствующей их интересам (в 2007 г. – 18%, в 2011 г. – 29%, в 2012 г. – 31%, в среднем за последние 6 опросов – 35%).

Таблица 8. Динамика ответов на вопрос: «Какая партия выражает Ваши интересы?», в % от числа опрошенных

Партии	2007	Выборы в ГД РФ 2007 г., факт	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	Окт. 2013	Среднее за последние 6 опросов (декабрь 2012 – октябрь 2013 г.)	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
								2012	2011	2007
Единая Россия	30,2	60,5	31,1	33,4	29,1	26,9	29,5	0	-2	-1
КПРФ	7,0	9,3	10,3	16,8	10,6	11,9	11,4	+1	+1	+4
ЛДПР	7,5	11,0	7,8	15,4	7,8	8,4	7,1	-1	-1	0
Справедливая Россия	7,8	8,8	5,6	27,2	6,6	4,0	4,8	-2	-1	-3
Другая	1,8	–	1,9	–	2,1	1,0	2,8	+1	+1	+1
Никакая	17,8	–	29,4	–	31,3	37,3	34,6	+3	+5	+17
Затрудняюсь ответить	21,2	–	13,2	–	11,7	10,5	9,9	-2	-3	-11

От редакции. Публикуемое ниже интервью с Е.С. Савченко воспроизводится по тексту, помещенному в «Российском экономическом журнале» (№4 за 2013 год, с. 40-45).

Е.С. Савченко работал агрономом колхоза, директором совхоза, затем в районных и областных партийных органах, в ЦК КПСС и Министерстве сельского хозяйства РСФСР. С 1993 года – глава администрации, а затем бессменный губернатор Белгородской области. Последнее избрание его вновь губернатором области состоялось в октябре 2012 года.

В своем блоге Е.С. Савченко пишет: «Жизнь подтвердила правильность наших оценок и действий. Подтвердилась и правильность выбранных нами ориентиров в экономике области. Сделав упор на производство мяса и молока – в АПК, на индивидуальное жилищное строительство – в строительном комплексе, на модернизацию горно-металлургической промышленности и активизацию малого бизнеса, мы заложили ту основу, которая помогает преодолевать трудности и развиваться... Сегодня нам удалось реализовать многие программы, направленные на улучшение качества жизни земляков... Но главным нашим приоритетом считаю создание такой духовно-нравственной среды в обществе, которая поднимает на новый уровень качество человеческих взаимоотношений» (цитируется по: [http://www/savchenko.ru/info](http://www.savchenko.ru/info)).

Савченко Е.С.

О необходимости и содержании смены макроэкономической политики

Факты таковы, что об императивности этой смены ныне начинают открыто говорить (и предлагать ее содержательные варианты, созвучные рекомендациям, появившимся и на страницах нашего журнала) даже отдельные представители «властной вертикали», тринадцатилетний социально-экономический курс которой и в условиях

сохранения высоких мировых цен на нефть привел народное хозяйство России в состояние, описываемое спорами «еще стагнация или уже рецессия?» Подобного рода соображения обнаруживаются, в частности, в публикациях в СМИ и в научных журналах одного из российских губернаторов – главы известной своими достижениями по*

* Принципиальные характеристики этого состояния и обоснование предложений по его изменению см., в частности, в следующих публикациях «Российского экономического журнала» текущего года: Ершов М., Татузов В., Урьева Е. Ориентиры инновационного развития: «воспоминания о будущем»? (Макроэкономическая динамика-2013 опровергает докризисные прогнозы). – 2013. – №2; Жуковский В. «Нефтегазовый «Титаник» на исходе первого года «нового старого» политического цикла (комментарий к официальной макроэкономической статистике). – Там же; Глазьев С. Снова к альтернативной системе мер государственной политики модернизации и развития отечественной экономики (предложения на 2013–2014 гг.). – 2013. – №3.

*профильной экономической специализации (аграрно-животноводческой) Белгородской области Евгения Степановича Савченко, члена-корреспондента Россельхозакадемии**.* Они воспроизводятся в его помещаемом ниже интервью.

— **Каков Ваш диагноз ситуации, устоявшейся в отечественной экономике?**

— Не открою большого секрета, заявив, что в стране сложился классический сырьевой (неоколониальный) тип экономики, основными чертами которого являются: растущий экспорт сырьевых товаров — нефти, газа, железорудного сырья, угля, леса, зерна, рыбы; потеря конкурентоспособности; доминирование на внутреннем потребительском рынке импортных товаров и услуг; нарушение баланса интересов и рост противоречий между национальными товаропроизводителями и потребителями (при этом доминируют интересы потребителей).

Относительная экономическая стабильность последних лет объясняется исключительно благоприятной конъюнктурой на экспортные товары и сырье, хотя и она уже не спасает от фиксируемой Росстатом фактической остановки народнохозяйственного роста. А наше присоединение к Всемирной торговой организации юридически закрепляет сырьевой статус-кво России в глобальной экономике.

Таким образом, состояние национальной экономики в большой степени определяется действием внешних факторов. Мелчайшие их изменения, в каком бы регионе мира они ни происходили, отражаются на России, причем не только на экономической, но и на социальной и внутриполитической ситуациях в стране.

** См., в частности: Савченко Е. Макроэкономическая политика России: проблемы и решения // АПК: экономика и управление. — 2013. — №6.

— **В чем Вы усматриваете главные причины столь удручающего состояния народного хозяйства России? Нельзя ли, не повторяя хорошо известные сюжеты касательно «лихих 1990-х», ограничиться в указанном аспекте постдефолтным периодом, охватывающим годы второго, третьего и начала четвертого («нового старого») постсоветских политических циклов?**

— Полагаю, что эти причины связаны с неверной макроэкономической политикой, проводившейся, начиная с рубежа двух столетий. Знаменитый постдефолтный экономический рост России определялся и тогдашним резким повышением мировых цен на углеводородные энергоносители как основной наш экспортный товар, и, причем в первые после событий-1998 годы даже в большей мере — постдевальвационным эффектом. Резкий рост цен на импорт сделал наших товаропроизводителей конкурентоспособными, особенно на внутреннем рынке, что дало импульс развитию прежде всего несырьевого сектора экономики, процессов импортозамещения, в частности, — в индустрии народного потребления, в производстве продовольствия. К огромному сожалению, данное преимущество Россия затем полностью утратила, и то, что называют экономической стабильностью, повторяюсь, поддерживают лишь высокие экспортные цены на нефть и газ.

Механизм этой утраты в течение десяти с лишним лет во многом был связан с парадоксом, заключавшимся в том, что внутренняя инфляция в данный период неуклонно укрепляла валютный курс рубля. Поскольку средняя ежегодная инфляция за последние 13 лет составила примерно 12%, легко посчитать: суммарно за указанный срок она достигла 400%. Но поскольку официальный курс доллара США в 2000 и в 2013 гг. оставался неизменным, равным примерно 30 руб., это привело к росту затрат на производство одного и того

же товара (при в принципе неизменной технологии) вчетверо, причем не только в рублях, но и в долларах.

Это означает только одно — конкурентоспособность российской экономики за 13 лет снизилась по отношению к мировой в четыре раза (за небольшим минусом, связанным с инфляцией доллара США). Так, если в 2000 г. затраты на производство условной единицы продукции в России были в твердой валюте в полтора—два раза ниже, чем на аналогичную продукцию в западных странах, то в начале 2013 г. они стали во столько же раз выше. Итог очевиден: российская экономика за данный исторический период прошла путь от устойчивой конкурентоспособности к полной ее потере.

Не буду вдаваться в рассуждения о мотивах принятия в «тучные нефтедолларовые» годы соответствующих макроэкономических решений, хотя очевидно: лица, ответственные за их принятие, прежде всего стремились во что бы то ни стало уравнивать внутренние цены на товары и услуги естественных монополий с мировыми, обеспечить присоединение России к ВТО и в целом «интеграцию страны в глобальную экономику», одновременно облегчить положение банков и корпораций, набравших огромные внешние валютные обязательства. Факт есть факт: российская экономика ныне находится в макроэкономическом тупике, некая стабильность зиждется только на зыбком фундаменте конъюнктуры мировых цен на товары российского экспорта, прежде всего на нефть и газ. Эту констатацию представляется необходимым дополнить еще несколькими констатирующими и аналитическими позициями.

Во-первых, вследствие инфляции при неизменном валютном курсе российская экономика «потяжелела» не только в рублях, но и в долларах. Доллароемкость ее

за эти годы увеличилась минимум в восемь раз, в том числе в связи с инфляцией — вчетверо, а с реальным ростом — вдвое. В условиях едва ли не десятикратного удорожания углеводородов страна стала резервуаром для связывания долларов США, ежегодная эмиссия которых превышает в последнее время 1 трлн. Данное обстоятельство послужило мощным фактором сохранения стабильности мировой финансовой системы, но Россия заплатила за это утратой конкурентоспособности своей национальной экономики.

Во-вторых, если бы в течение рассматриваемого периода реальная стоимость рубля по отношению к доллару (валютный курс) была такой же, как и в 2000 г., то только по линии экспорта наша страна получила бы дополнительно порядка 200 трлн. руб., что равно почти трем годовым ВВП или десяти консолидированным российским бюджетам. Иными словами, вследствие удорожания рубля три года из тринадцати лет наша страна работала на чужую экономику.

В-третьих, хотя главным инвестором любой экономики, как известно, является рядовой покупатель, три четверти российского розничного оборота из-за ревальвации рубля в настоящее время формируются на основе импортных товаров, а это более 10 трлн. руб. (или свыше 300 млрд. долл.), ежегодно уходящих из страны на поддержку зарубежных товаропроизводителей. Плюс утечка капитала — около 100 млрд. долл. в год. Это еще одна составляющая той цены, которую мы платим за избыточное удорожание рубля.

В-четвертых, все эти годы российские банки кредитовали нашу экономику под 12—18% годовых, объясняя столь высокую процентную ставку уровнем инфляции. Аналогичные объяснения давал Банк России в отношении зашкаливавшей ставки рефинансирования. Но при этом банки-

рами разных уровней, мягко говоря, не акцентировалось главное: в условиях неизменного валютного курса рубля рублевая процентная ставка остается тождественной долларовой. Следовательно, в течение 13 лет наши коммерческие банки ссужали юридических и физических лиц на условиях втрое–впятеро более жестких, чем банки на Западе. А центробанковская ставка рефинансирования фактически в десятки раз превышала цену денег, устанавливавшуюся аналогичными мировыми финансовыми регуляторами. Непонятно только, зачем в этой ситуации БР размещал золотовалютные резервы страны за рубежом под 1–2% годовых? Ведь за эти годы, кредитую нашу финансовую систему хотя бы под 8–10% годовых в рублях, при неизменном валютном курсе национальной валюты, можно было выручить не менее 1 трлн. долл.! В итоге доходность банковской системы страны за последние годы увеличилась как в рублях, так и в валюте почти на порядок, но оборотной стороной этого стали рост производственных затрат, повышение цен на товары и услуги, а главное, – все та же потеря конкурентоспособности. Таким образом, замораживание валютного курса рубля запустило мощный «финансово-насосный» механизм в отношении стимулирования не только утечки капитала за рубеж, но и перекачивания капитала из реального сектора в сектор финансовый.

В-пятых, представляется уместным обратиться в этой связи к опыту других стран, где наблюдалась и наблюдается куда более гибкая макроэкономическая политика. Взять ту же «Поднебесную», где в короткий исторический период создана вторая по объему экономика мира с мощным экспортным потенциалом. Можно называть немало причин «китайского чуда», но одним из фундаментальных его факторов стала девальвация в конце прошлого столетия национальной валюты – с 0,40 до

0,12 долл. США за 1 юань, т.е. в 3,3 раза. И лишь в последнее время под мощным давлением Соединенных Штатов курс китайской валюты незначительно ревальвирован – достиг 16 центов за юань.

В свое время аналогичное поведение продемонстрировала Япония, которая в условиях выгодного валютного курса йены добилась «экономического чуда». Лишь после долгого «выламывания рук» американцы вынудили японцев подписать в 1985 г. «Соглашение отеля Плаза», вследствие которого курс йены был почти вдвое ревальвирован. Спустя четверть века японцы вынуждены вновь девальвировать национальную валюту, чтобы вывести страну из долговременной экономической стагнации. Напомню, кстати, и о том, что накануне вступления в Таможенный союз Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации первая втрое девальвировала национальную валюту, в связи с чем белорусские товары, особенно продовольственные, успешно теснят аналогичную продукцию российских производителей на наших рынках.

В-шестых, хотя от рассматриваемой макроэкономической политики выиграли не только «олигархи», сырьевики и банкиры, но и другие слои российского общества, доходы которых, включая среднезарплатные, догоняя инфляцию не только в рублях, но и в долларах, росли (при всех справедливо критикуемых изъянах показателя среднемесячной зарплаты по стране, скрывающего запредельное доходное расслоение граждан, он все-таки увеличился в разы – со 150 до 1000 долл.), следует сделать ряд принципиальной значимости оговорки. Во-первых, это оказалось возможным благодаря тем высоким ценам на экспортные товары, которые могут в одночасье рухнуть, прецедент чего, кстати заметить, продемонстрировал глобальный кризис 2008–2009 гг. Во-вторых, значительная

доля доходов населения уходила и уходит за рубеж (покупка импортных товаров, приобретение товаров и недвижимости непосредственно за границей, «утечка» капитала и т.п.); в общей структуре выручки нашей долларизованной экономики доля доходов населения вряд ли превышает 25%. В-третьих, повышение доходов российских граждан в последние годы — результат не столько роста национальной экономики, не говоря уж о росте ее эффективности, сколько ревальвационного курса рубля. И эта данность не могла не отразиться на внутривалютной ситуации в России, поскольку она спровоцировала противоречие между интересами национальных потребителей и национальных товаропроизводителей, что вылилось в открытые социальные и политические эксцессы конца 2011—2012 г. И при сохранении критикуемого макроэкономического курса противоречие между потребителями и товаропроизводителями, на мой взгляд, будет только нарастать.

Соответственно его разрешение, а шире — перевод нашей экономики с «матрицы» гипертрофированно-сырьевого на «матрицу» быстрого, устойчивого и сбалансированного роста — требуют смены этого курса.

— Как конкретно Вам видится эта смена, каковы содержание и субординация соответствующих предлагаемых мер?

— Коль скоро возникает проблема стимулирования развития любой экономики рыночного типа, не уйти прежде всего от задачи стимулирующего воздействия на совокупный платежеспособный спрос и на его структуру. В нынешних российских обстоятельствах речь, на мой взгляд, должна идти не только или даже не столько о расширении общего спроса со стороны населения, бизнеса и государства, сколько о его переориентации на импортозамещающие, т.е. отечественного происхождения, товары и услуги. Между тем для создания должной среды активизации российских

производителей сегодня почти невозможно широкомасштабно применять административные методы, прямо противоречащие нормативной базе ВТО. Использование той группы экономических методов, которые непосредственно сопряжены с повышением эффективности производства, производительности труда, требует затрат крупных денежных ресурсов и длительного времени, а задействование методов институциональных, связанных в первую очередь с улучшением инновационного климата, в сложившейся ситуации вообще малоуспешно. Исходя из этого и в контексте всего сказанного ранее, первоочередным и наиболее эффективным способом переориентации спроса с внешнего рынка на рынок внутренний представляется девальвация российского рубля.

Однако ограничиться удешевлением национальной валюты ни в коем случае нельзя: это чревато прежде всего неукротимым взлетом инфляции и обвалом доходов, а значит, и уровня жизни россиян, как, собственно и произошло в августе-1998 и в первые месяцы после дефолта. Однако, на мой взгляд, существует принципиальная возможность мощно сдмпфировать эти негативные процессы, дополнив указанную исходную меру комплексом других. Не претендуя в данном случае на исчерпывающий перечень подобного рода сопряженных мер, укажу лишь на главные линии соответствующих действий.

Удешевление рубля необходимо, во-первых, сопроводить рядом шагов по контролю за ценами на товары и услуги (как оптовыми, так и розничными), хорошо известными из практики развитых стран. Здесь следует признать, что такой запущенности дела регулирования ценообразования, как в России, нет, наверное, нигде, и именно это обстоятельство — исключительная слабость контроля госрегуляторов за издержками производства,

рентабельностью, межотраслевыми затратами и т.п., накладывающаяся на неразвитость «саморегулирующей» рыночно-конкурентной среды, провоцирует гипертрофирование банально-наглого стремления товаропроизводителей и посредников «накручивать» цены в погоне за сверхдоходами, особыми по норме и массе прибылями. И неудивительно, к примеру, что та подлинная драма, которую испытывает мясная отрасль сельского хозяйства вследствие снижения после присоединения России к ВТО закупочных цен на 30–40%, никоим образом не отразилась на цене мяса и продуктов из него в торговле: последняя, реализуя свои монопольные возможности, по-прежнему получает сверхприбыли.

Если же оптимизировать и взаимно гармонизировать в нашей экономике издержки на посреднические услуги, администрирование и управление и на обеспечение безопасности бизнеса, размер арендных платежей за использование недвижимости и земли, стоимость услуг многочисленных контролирующих и разрешительных организаций, платежи кредиторам, затраты на доступ к инфраструктуре и т.п., если, кроме того, ограничить уровень рентабельности для всех хозяйствующих субъектов на внутреннем рынке потолком хотя бы в 25%, можно, полагаю, добиться снижения стоимости на товары и услуги в целом на 30–40%. В условиях неизбежности роста цен на импортные товары при девальвации рубля это стало бы серьезным экономическим и социальным амортизатором на потребительском рынке страны.

Во-вторых, центробанковскую ставку рефинансирования следовало бы ограничить величиной 0,5–1,0% в год, а выдачу кредитов коммерческих банков – 3–5% годовых. До этого уровня важно было бы пересмотреть ставки по всем ранее выданным коммерческим кредитам, включая

ипотечные, а кредиты, предоставленные в валюте, – перевести в рублевые по курсу на момент выдачи. При этом действующую практику субсидирования государством процентных ставок для отдельных отраслей и хозяйствующих субъектов представляется необходимым отменить, а сэкономленные несколько сотен миллиардов бюджетных средств – направить на временное поддержание ставки по депозитным вкладам денежных средств населения.

Нет смысла пространно разъяснять, к какому мощному оживлению экономической жизни в стране привело бы наведение элементарного порядка в финансовой сфере. При этом возможный временный дефицит ресурсов в банковской системе стоило бы покрывать за счет кредитов Банка России, тем более что у него образовалась бы значительная рублевая ликвидность по итогам переоценки золотовалютных резервов вследствие девальвации национальной валюты.

В-третьих, государство призвано выступить мощным «драйвером» в стимулировании экономического роста и внутреннего спроса по линии активного направления средств на развитие транспортной инфраструктуры, прежде всего – автомобильных дорог. При этом предстоит установить контроль за ценообразованием в дорожном строительстве. Так, стоимость четырехполосной дороги, соответствующей всем современным стандартам, не должна превышать 3–4 млн. долл. за километр. До 2020 г. реально построить не менее 50 тыс. км современных автобанов, соединив ими не только областные центры, но и большинство районных. Источником финансирования дорожного строительства могли бы стать целевые инфраструктурные центробанковские займы регионам РФ, которые окупились бы в течение 10–12 лет ежегодным ростом ВВП на 4–6% только вследствие повышения качества дорог.

Другое перспективное направление экономического роста, стимулируемого государством, – индивидуальное жилищное строительство и развертывание сопутствующей инфраструктуры. На основе умело выстроенной системы взаимодействия и партнерства между государством, регионами, застройщиками и банками вполне возможно довести в стране ежегодный объем индивидуального строительства жилья до 1 млн. загородных домов, или 130–150 млн. кв. м в год. Поддержка только этих двух направлений сгенерировала бы мощный мультипликационный эффект экономического роста во всех отраслях на ближайшие 10–15 лет с несомненными позитивными последствиями в плане укрепления социальной стабильности консолидации российского общества.

В-четвертых, исходя из того, что любые действия по стимулированию экономического роста обречены на провал без наличия на рынке труда должной качествен-

но-количественной структуры кадров, в стране необходимо в срочном порядке разворачивать реформу профессионального образования, нацеленную на его возрождение и его максимальную в отношении количественно-качественной структуры адаптацию к народнохозяйственным потребностям. Здесь императивно сбалансирование интересов государства, работодателей, учебных заведений и учащихся.

– **Очевидно, что подобного характера перемены в государственной экономической политике предполагают, как принято формулировать, «должное проявление высшей политической воли»...**

– Да, экономическое оздоровление немислимо без консолидированных солидарных действий всех членов общества, которые в идеале способны обеспечить лишь пользующееся доверием населения высшее должностное лицо государства. Предлагаемые перемены суть преобразования президентского уровня.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

УДК 336.14(470)

ББК 65.261.3(2Рос)

© Поварова А.И.

Счетная палата РФ: проект бюджета 2014–2016 гг. не позволит выполнить майские (2012 г.) указы Президента

В статье дается сравнительный анализ заключений Счетной палаты на законопроекты о федеральном бюджете, сделанных в 2013 и 2012 гг. Характеризуются особенности заключения на законопроект о федеральном бюджете на 2014–2016 гг. Выделяются критические замечания Счетной палаты РФ по этому законопроекту, в частности в отношении экономических и финансовых параметров, связанных с реализацией указов Президента РФ от 7 мая 2012 года.

Счетная палата РФ, проект федерального бюджета, экономические параметры, доходы и расходы, риски.

**Анна Ивановна
ПОВАРОВА**

старший научный сотрудник ИСЭРТ РАН
aip150663@yandex.ru

В соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации, законом «О Счетной палате Российской Федерации» и иными актами законодательства Российской Федерации Счетная палата РФ ежегодно готовит заключения на законопроект о федеральном бюджете на предстоящий и два последующих года.

14 октября 2013 года Счетная палата подготовила и направила федеральным органам власти заключение на законопроект о бюджете РФ на 2014–2016 гг. Нами изучено содержание данного документа и сделано его сопоставление с заключением, выполненным в 2012 году.

Сравнительный анализ основных тезисов заключений Счетной палаты РФ на законопроекты федерального бюджета на 2013–2015 и на 2014–2016 гг., показал, что замечания, высказанные главным контрольным органом страны, во многом идентичны.

Прежде всего, это касается таких аспектов бюджетной политики, как:

- наличие системных рисков исполнения бюджета, связанных с замедлением темпов роста российской экономики, возможными кризисными явлениями на мировых товарных и финансовых рынках, высокой зависимостью экономики и

бюджетной системы от внешнеэкономической конъюнктуры, ограниченностью внутренних финансовых ресурсов и недостаточным уровнем развития финансовой инфраструктуры;

- низкое качество макроэкономических прогнозов, что проявляется в существенных расхождениях динамики прогнозных и отчетных макроэкономических показателей за ряд лет;

- не реализованные Правительством РФ отдельные положения Бюджетного послания Президента;

- имеющиеся риски неисполнения указов Президента от 07.05.2012 г., на которые указывает негативная динамика отдельных целевых показателей, характеризующих состояние экономики (производительность труда, инвестиции в основной капитал);

- не обоснованные соответствующими расчетами доходы, составляющие ежегодно более 400 млрд. рублей, или около 3% суммы прогнозируемых доходов, что снижает прозрачность бюджета и превышает показатели предыдущего бюджетного цикла;

- рост процентных платежей, превышающих многие важные направления финансирования;

- отсутствие прогнозирования долговой устойчивости РФ;

- необеспечение требуемого финансирования на реализацию федеральных целевых программ;

- ежегодное сокращение бюджетных средств на реализацию адресной инвестиционной программы, что сопровождается адекватным уменьшением вводимых в эксплуатацию объектов (с 11,6% подлежащих вводу за 8 месяцев 2012 г. до 1,8% за аналогичный период 2013 г.);

- сохранение рисков в обеспечении устойчивости территориальных бюджетов,

связанных с растущим объемом долговых обязательств субъектов РФ и ежегодным сокращением межбюджетных трансфертов.

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на принципиально новые моменты, содержащиеся в заключении на законопроект о бюджете на 2014–2016 гг.

1. Впервые Счетная палата пришла к выводу, что **прогнозы, на основе которых верстается бюджет, недостаточно достоверны и надежны.**

«Динамика макроэкономических показателей, данная в прогнозе, не соответствует динамике соответствующих показателей ни в одном из сценариев, приведенных в прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г.», — пишется в заключении.

2. **Счетная палата сомневается в достижении запланированных параметров внутренних заимствований и доходов от приватизации.** В 2012 г. на внутреннем рынке было привлечено лишь 911,9 млрд. руб., или 69,6% прогнозируемого объема, а поступления от приватизации составили 43,9 млрд. руб., или 74,7%. Исполнение за 8 месяцев 2013 г. по заимствованиям на внутреннем финансовом рынке составит 42,8% и по поступлению средств от приватизации — 38,7%. Можно заключить, что в случае недопоступления средств от приватизации правительству необходимо будет искать дополнительные источники с целью покрытия дефицита в 2014–2016 гг.

3. У аудиторов Счетной палаты **вызывает обеспокоенность рост внешнего госдолга России:** за 2012 г. он увеличился с 28,3 до 31,6% ВВП, за девять месяцев 2013 г. — до 33,5% ВВП. Это соответствует уже средней степени риска, в то время как в 2011 г. значение данного показателя составляло около 29% и соответствовало низкой степени риска в системе оценки МВФ.

4. Более подробно, чем в предыдущем заключении, **перечислены недоработки отдельных положений Бюджетного послания**, в частности:

✓ не утверждена долгосрочная бюджетная стратегия до 2030 г.;

✓ не внесены изменения в Налоговый кодекс в части регулирования налогообложения недвижимости;

✓ не сформирована полноценная система госпрограмм, позволяющая с помощью комплекса взаимосвязанных мероприятий и межотраслевого взаимодействия достигать поставленных целей и решать стратегические задачи социально-экономического развития. Структура, состав и содержание большинства госпрограмм нуждаются в доработке. Переход к программно-целевому бюджетированию на данном этапе в большинстве госпрограмм подменен финансированием от достигнутого, и большинство сформированных программ в значительной степени являются набором расходных требований, недостаточно подкрепленных обоснованными целями, задачами, показателями¹;

✓ не решена задача консолидации субсидий, выделяемых региональным бюджетам, и передачи достоверной информации регионам об объемах межбюджетных трансфертов до начала формирования территориальных бюджетов.

¹ Из тезисов выступления председателя Счетной палаты РФ Т.А. Голиковой на парламентских слушаниях по проекту федерального бюджета на 2014–2016 гг. (08.10.2013 г.): «Сегодня параметры бюджета существуют сами по себе, государственные программы и их паспорта, которые сопровождают как дополнительные материалы проект бюджета на 2014–2016 годы, существуют самостоятельно и никаким образом не пересекаются. Да, Антон Германович Силуанов говорил о том, что эти программы в установленный срок (срок – 29 октября) должны быть доработаны, но тем не менее объем их доработки настолько велик (поскольку они не соответствуют ни показателям, которые в них заявлены, ни бюджетным ассигнованиям, которые на них предполагается потратить в бюджете 2014–2016 годов), что сегодняшним периодом – одним месяцем, скорее всего, полностью закрыть недочеты государственных программ не удастся».

5. **Дана оценка выпадающих доходов федерального бюджета в случае изменения макроэкономических показателей:** от уплаты налога на прибыль – 380,1 млрд. руб.; НДС – 2142,6 млрд. руб.; экспортных пошлин – 71,9 млрд. руб. Всего бюджет рискует недополучить 2,6 трлн. руб.

6. Подчеркнуто, что **в представленном законопроекте не приведена оценка влияния на объем поступлений доходов от уплаты налога на прибыль организаций особого порядка исчисления данного налога консолидированными группами налогоплательщиков** (на наш взгляд, причины понятны: уже первый год работы КГН показал неэффективность данного института).

7. Более полно представлен раздел заключения, посвященный субфедеральным бюджетам. Обращается внимание на **изменение структуры государственного долга регионов в сторону увеличения кредитов**, полученных у коммерческих банков (за 2011–2012 гг. доля заимствований выросла с 25,6 до 32,4%). В дальнейшем это может отрицательно повлиять на устойчивость не только бюджетной, но и банковской системы.

Количество субсидий регионам сокращается на 10 против уровня 2013 г. (с 93 до 83). **И только по 10 субсидиям есть распределение в разрезе субъектов РФ. По остальным распределения нет**, что, безусловно, отразится на качестве формирования территориальных бюджетов.

8. **Высказаны претензии к методологии формирования федерального бюджета:** не разработаны методические указания по расчету доходов; не внесены изменения в бюджетную классификацию с точки зрения отражения программных расходов²;

² Из тезисов выступления председателя Счетной палаты РФ Т.А. Голиковой на парламентских слушаниях по проекту федерального бюджета на 2014–2016 гг. (08.10.2013 г.): «К сожалению, на сегодняшний день та бюджетная классификация, которая применена в отношении государственных программ, не получилась. Для неспециалистов сопоставление показателей 2014, 2015 и 2016 годов с показателями 2013 года практически невозможно».

не утверждены целевые показатели оценки результативности предоставления единой субвенции регионам. Все это снижает прозрачность бюджета.

Правительством РФ проигнорированы неоднократные рекомендации Счетной палаты о необходимости подготовки ком-

плекса конкретных мер, направленных на развитие доходного потенциала бюджетной системы страны.

В приложении к настоящей статье представлено сравнение заключений Счетной палаты на законопроекты о федеральном бюджете на 2013–2015 и 2014–2016 гг.

Приложение

Сравнение основных тезисов заключений Счетной палаты РФ на законопроекты федерального бюджета

Заключение на проект бюджета на 2013–2015 гг.	Заключение на проект бюджета на 2014–2016 гг.
Прогнозируемые объемы инвестиций в основной капитал могут оказаться недостаточными для решения поставленных Президентом Российской Федерации задач по модернизации, техническому перевооружению и переводу экономики на инновационный путь развития. Основные производственные фонды в значительной степени физически устарели, а процесс их обновления идет крайне медленно. При этом большая часть инвестиций направляется не в высокотехнологичные виды деятельности, а в отрасли, связанные с производством товаров с низким удельным весом добавленной стоимости.	Прогнозируемые объемы инвестиций в основной капитал недостаточны для решения поставленных Президентом Российской Федерации задач по модернизации, техническому перевооружению экономики и ее переводу на инновационный путь развития. Принимая во внимание состояние основных производственных фондов, необходимо подчеркнуть, что недостаточные объемы и эффективность инвестиций в основной капитал снижают темпы совершенствования структуры экономики, роста производительности труда и не позволяют преодолеть сырьевую направленность экспорта.
Сравнительный анализ динамики макроэкономических показателей, сложившейся за последние годы, показывает их существенное отклонение от прогнозируемых значений.	Сравнительный анализ динамики прогнозных и отчетных макроэкономических показателей за ряд лет указывает на существенные расхождения их значений, что свидетельствует о недостаточной степени достоверности и надежности разрабатываемых прогнозов.
Сопоставление прогнозов Правительства Российской Федерации и ведущих международных экономических организаций свидетельствует о том, что позиции России относительно экономически развитых стран по важнейшим макроэкономическим параметрам в ближайшей перспективе качественно не улучшатся. Кроме того, Россия заметно уступает по динамике макроэкономических показателей ряду развивающихся стран, в том числе и некоторым странам СНГ.	Сопоставление прогнозов Правительства Российской Федерации и ведущих международных экономических организаций свидетельствует о том, что позиции России относительно экономически развитых стран по важнейшим макроэкономическим параметрам в ближайшей перспективе качественно не улучшатся. Более того, динамика макроэкономических показателей, характеризующих социально-экономическое развитие Российской Федерации, заметно уступает динамике соответствующих показателей ряда развивающихся стран, в том числе некоторых стран СНГ.
Вместе с тем при формировании проекта федерального бюджета на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов не завершена работа по реализации отдельных положений Бюджетного послания (по данным на 1 октября 2012 года).	Вместе с тем при формировании проекта бюджета не завершена работа по реализации отдельных положений Бюджетного послания (по данным на 1 октября 2013 года).
Правительством Российской Федерации, федеральными и региональными органами исполнительной власти проводилась работа по выполнению указов Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года. Вместе с тем по отдельным макроэкономическим показателям (доля инвестиций в основной капитал в объеме ВВП и темпы роста производительности труда) достижение установленных Президентом Российской Федерации параметров на долгосрочную перспективу представляется затруднительным.	Правительством Российской Федерации, федеральными и региональными органами исполнительной власти проводилась работа по выполнению указов Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года. Вместе с тем прогнозируемая на период 2014–2016 годов динамика отдельных целевых показателей, например, характеризующих состояние экономики (производительность труда, инвестиции в основной капитал), позволяет сделать вывод о рисках их недостижения в установленные сроки.
В составе материалов к законопроекту не представлены расчеты по доходам, доля которых составляет в 2013 году 2,8% суммы прогнозируемых доходов федерального бюджета, в 2014 году – 2,7%, в 2015 году – 2,6%.	В материалах и документах, направленных одновременно с законопроектом, не представлены расчеты по доходам, которые составляют ежегодно более 400 млрд. рублей , или около 3% суммы прогнозируемых доходов, что снижает прозрачность бюджета и превышает показатели предыдущего бюджетного цикла.

Продолжение таблицы

Основные риски исполнения доходов федерального бюджета в 2013–2015 годах в прогнозируемых объемах связаны с возможным снижением бюджетных доходов в связи с более низкими ценами на нефть марки «Юралс» и нефтепродукты по сравнению с предусмотренными в прогнозе.	Существуют риски непоступления в федеральный бюджет ряда доходов, в том числе доходов от уплаты налога на прибыль (380,1 млрд. рублей в 2014 году), НДС на товары (работы, услуги), реализуемые на территории Российской Федерации (2 142,6 млрд. рублей), в случае изменения параметров ВВП и других макроэкономических показателей; экспортных пошлин на нефть и нефтепродукты, поставляемые в Республику Казахстан и Республику Беларусь, в случае неурегулирования вопроса с беспошлинными поставками российской нефти государствам Таможенного союза (71,9 млрд. рублей). Риски непоступления доходов в прогнозируемых объемах также связаны с, возможно, более низкими ценами на нефть марки «Юралс», нефтепродукты и природный газ по сравнению с предусмотренными в прогнозе, недостижением прогнозируемых объемов ВВП и экспорта товаров.
Объем расходов на погашение и обслуживание государственного долга в процентах к общему объему заимствований (коэффициент покрытия) составит в 2013 году 87,5% , в 2014 году – 91,9%.	Объем расходов на погашение и обслуживание государственного долга в процентах к общему объему заимствований (коэффициент покрытия) составит в 2014 году 81% , в 2015 году – 79,7%, в 2016 году – 75,1%.
Государственный внутренний долг по государственным гарантиям в 2015 году увеличится по сравнению с 2012 годом на 1,6 трлн. рублей, или в 2,5 раза , и составит 2,7 трлн. рублей ; государственный внешний долг по государственным гарантиям – в 1,8 раза и составит 30,4 млрд. долларов США (1 024,5 млрд. рублей).	Государственный внутренний долг по государственным гарантиям в национальной валюте в 2016 году увеличится по сравнению с 2013 годом на 63,8% , государственный внешний долг по государственным гарантиям в иностранной валюте – на 33% .
Расходы на обслуживание государственного долга увеличатся с 383,3 млрд. рублей в 2012 году до 508,0 млрд. рублей в 2015 году. Указанные расходы существенно превысят общий объем бюджетных ассигнований, которые будут направлены в 2015 году на жилищно-коммунальное хозяйство, охрану окружающей среды, культуру и кинематографию, физическую культуру и спорт, средства массовой информации (327,6 млрд. рублей), здравоохранение (373,1 млрд. рублей), и сопоставимы с расходами на образование (591,9 млрд. рублей).	Расходы на обслуживание государственного долга увеличатся с 408,4 млрд. рублей в 2013 году до 568,6 млрд. рублей в 2016 году (в 1,4 раза) и существенно превысят общий объем бюджетных ассигнований, которые будут направлены в 2016 году на жилищно-коммунальное хозяйство, охрану окружающей среды, культуру и кинематографию, физическую культуру и спорт, средства массовой информации, а также на здравоохранение.
Сложившийся объем совокупной долговой нагрузки требует постоянного мониторинга, анализа и оценки возможных рисков, связанных с ростом задолженности, в связи с чем необходимо установить механизм оперативного влияния на заемную политику корпоративного сектора, в том числе порядок принятия государственными корпорациями решений о заимствованиях в иностранной валюте.	Ожидаемое в ближайшие годы дальнейшее увеличение объемов заимствований обуславливает необходимость реальной оценки и прогнозирования долговой устойчивости Российской Федерации, осуществления мониторинга всех видов долга и требует более значительного влияния Правительства Российской Федерации на заемную политику корпоративного сектора.
В перечне ФЦП, включенных в законопроект на 2013 год, в 26 программах из 50-ти (46,4% общего количества) объемы бюджетных ассигнований не соответствуют объемам финансирования, предусмотренным паспортами программ. Несмотря на неполное использование выделенных бюджетных средств по отдельным ФЦП в 2011 году, недостижение целевых индикаторов, низкое освоение средств в истекшем периоде 2012 года, законопроект предусматривает увеличение ассигнований на 2013–2015 годы по этим программам.	На 2014 год практически во всех ФЦП (в 45 из 46) объемы бюджетных ассигнований не соответствуют объемам финансирования, предусмотренным в паспортах ФЦП, и значительно ниже уровня прошлых лет. Несмотря на неполное использование выделенных на ФЦП бюджетных средств в 2012 году, недостижение целевых индикаторов, низкое освоение средств в истекшем периоде 2013 года, законопроект по отдельным программам предусматривает увеличение бюджетных ассигнований на 2014–2016 годы.
Расходы федерального бюджета на Федеральную адресную инвестиционную программу в 2013 году предусмотрены в объеме 854,3 млрд. рублей, что ниже уровня предыдущего года на 55,5 млрд. рублей, или на 6,1% , в 2014 году – 749,0 млрд. рублей, в 2015 году – 781,1 млрд. рублей. Доля ФАИП в общем объеме ведомственной структуры расходов федерального бюджета снижается с 7,4% в 2013 году до 6,4% в 2014 и 2015 годах. За 8 месяцев 2012 года , по данным Минэкономразвития России, из 1387 объектов, подлежащих к вводу, введен в эксплуатацию 161 объект, или 11,6%.	Расходы федерального бюджета на ФАИП в 2014 году по сравнению с предыдущим годом снижаются на 11,3% , в 2015 году увеличиваются на 9,4%, в 2016 году предусмотрено снижение на 12,1%. Доля ФАИП в общем объеме расходов федерального бюджета снижается с 6,8% в 2014 году до 6,1% в 2016 году. За 8 месяцев 2013 года , по данным Минэкономразвития России, из 978 объектов, подлежащих вводу, введено в эксплуатацию 18 объектов, или 1,8%.

Окончание таблицы

<p>Риски в обеспечении устойчивости региональных и местных бюджетов, связанные с существенным объемом долговых обязательств, сохраняются. Объем общего долга бюджетов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, по данным Минфина России, на 1 августа 2012 года составил 1 319,25 млрд. рублей (по сравнению с докризисным 2008 годом увеличился в 1,9 раза), в том числе государственный долг субъектов Российской Федерации – 1 111,1 млрд. рублей (в 1,85 раза).</p>	<p>Сохраняются риски в обеспечении устойчивости региональных и местных бюджетов, связанные с существенным объемом долговых обязательств. Объем общего долга бюджетов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований на 1 августа 2013 года составил 1 599,9 млрд. рублей (по сравнению с 2008 годом увеличился в 2,3 раза), в том числе государственный долг субъектов Российской Федерации – 1 352,9 млрд. рублей (в 2,3 раза). При этом в 2012 году более чем у трети регионов указанный долг превысил 50% объема дохода регионального бюджета без учета межбюджетных поступлений.</p>
<p>В 2013–2015 годах сохранится существенная нагрузка на региональные и местные бюджеты по возврату ранее предоставленных бюджетных кредитов. Общая сумма возврата по бюджетным кредитам составляет 400,3 млрд. рублей.</p>	<p>В 2014–2016 годах сохранится существенная нагрузка на региональные и местные бюджеты по возврату ранее предоставленных бюджетных кредитов. Общая сумма возврата по бюджетным кредитам за три года составляет 341,2 млрд. рублей.</p>
<p>Рост доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации обеспечивается за счет увеличения поступлений налоговых и неналоговых доходов при одновременном сокращении объема межбюджетных трансфертов, предоставляемых федеральным бюджетом. В 2015 году объем указанных межбюджетных трансфертов по сравнению с 2012 годом сократится на 14,9%.</p>	<p>Рост доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации обеспечивается за счет увеличения поступлений налоговых и неналоговых доходов при одновременном сокращении объема межбюджетных трансфертов, предоставляемых федеральным бюджетом. В 2016 году объем указанных межбюджетных трансфертов по сравнению с 2013 годом сократится на 6,1%, а в виде финансовой помощи (без учета субвенций) – на 15,2%.</p>
<p>Межбюджетные трансферты в общих доходах бюджета ПФР в 2013 году составят 46,7% (в 2012 году – 49,4%), в 2014 году – 44,7% и в 2015 году – 45,1%, что свидетельствует о сохранении на достаточно высоком уровне зависимости бюджета ПФР от бюджетных ассигнований из федерального бюджета.</p>	<p>Доля межбюджетных трансфертов в общих доходах бюджета ПФР в 2014 году составит 38,9%, в 2015 и в 2016 годах – 41,2% (в 2012 году – 49,4%, в 2013 году – 46,8%), что свидетельствует о сохранении на достаточно высоком уровне зависимости бюджета ПФР от бюджетных ассигнований из федерального бюджета.</p>
<p>По мнению Счетной палаты, назрела необходимость подготовки комплекса мер по развитию доходного потенциала бюджетной системы Российской Федерации в объемах, позволяющих обеспечить долгосрочную сбалансированность и устойчивость бюджетной системы.</p>	<p>По мнению Счетной палаты, назрела необходимость подготовки комплекса мер по развитию доходного потенциала бюджетной системы Российской Федерации в объемах, позволяющих обеспечить долгосрочную сбалансированность и устойчивость бюджетной системы.</p>

От редакции. В предыдущем выпуске журнала был опубликован ряд материалов по поводу проекта федерального закона о реорганизации Российской академии наук. Связанные с этим проблемы были емко изложены в опубликованном «Открытом письме Президенту РФ В.В. Путину академика Ж.И. Алферова». Как известно, в ходе дальнейшей проработки законопроекта по целому ряду острых вопросов удалось достичь компромисса. В сентябре закон был принят палатами Федерального Собрания и подписан Президентом РФ. Согласно этому закону, учреждено Федеральное агентство научных организаций (ФАНО), которое должно стать структурой, управляющей академическим имуществом. Сформирована рабочая группа по разработке положения об агентстве, в которую вошли представители РАН, Госдумы, Совета Федерации и Минобрнауки. Проект положения вынесен на общественное обсуждение. Концептуальные аспекты организации деятельности реорганизуемой Российской академии наук требуют тщательного учета высказанных в ходе состоявшихся дискуссий мнений. Среди них высокой аргументированностью отличается статья заместителя директора Института системного анализа доктора экономических наук, профессора А.Н. Швецова «Российская академия наук — объект разрушительных реформационных преобразований», опубликованная в «Российском экономическом журнале», №4, 2013. Несмотря на то, что предложения были сформулированы автором до принятия закона, ряд их, особенно в заключительной части статьи, имеют важное значение в развернувшейся работе по реализации закона. Эта часть статьи А.Н. Швецова воспроизводится ниже.

Швецов А.

Российская академия наук — очередной объект разрушительных реформационных преобразований

4. Скандальный федеральный законопроект — приговор не только РАН, но и российской фундаментальной науке

В завершение настоящих размышлений о судьбе российской академической науки хотелось бы непосредственно высказаться по этому правительственному проекту («О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»), под занавес весенней сессии-2013 принятому Госдумой во втором чтении. Весьма вероятно, что он скоро обретет силу закона, и все рассуждения на сей счет вроде бы приобретут чисто исторический интерес. Не исключено, однако, что этого по каким-то причинам не произойдет и что будет при-

нято решение о кардинальной переработке законопроекта или даже о принятии принципиально иного правового акта по проблемам реформирования РАН. И в том, и в другом случаях потребуются экспертные оценки и предложения, а значит, соображения по существу данного более чем спорного документа могут оказаться бесполезными.

Экспертируемый вариант законопроекта, обнародованный по итогам его второго чтения в Думе, по легко прогнозируемому содержанию своих последствий для нынешней РАН не отличается от первоначально внесенного в федеральный парламент варианта. Главное: документ и в новой редакции «работает» все на ту же цель реформы — на развал Академии

как единой самоуправляемой системы посредством выделения из нее коллектива действительных членов РАН (которым, правда, и в новых условиях предстоит фигурировать под ее маркой), обособления этого новообразования от научных институтов и лишения его ответственности за организацию, проведение и результативность научно-исследовательской деятельности, осуществляемой в сети нынешних академических учреждений.

Все рассуждения о «новой роли» РАН суть ничем не подкрепленное пустословие, ибо она не наделяется полномочиями и ресурсами для решения даже тех задач, которые формулируются в рассматриваемом законопроекте. Академия превращается в «клуб по интересам», лояльное поведение которого обеспечивается серьезными мерами вмешательства в его внутренние дела.

Слияние трех академий превратит общее собрание в неработоспособный, легко управляемый орган уже хотя бы ввиду отсутствия внутреннего исторически сложившегося единства между тремя составляющими его участниками и в силу их связанности с различными вышестоящими органами (аграрии, как известно, «курируются» Минсельхозом, медики – Минздравом, собственно «рановцы» – Минобрнауки России). А сама РАН в новом виде превратится в полностью подотчетную исполнительной власти малоавторитетную структуру (причем, скорее, даже не правительственную, а ведомственную). Она потеряет свой общегосударственный статус, утратит возможности проведения более или менее независимой экспертизы; ее отрыв от собственных институтов сделает проблематичной обоснованность выборов новых членов и повысит вероятность попадания случайных людей по протекции чиновников.

Все это очень быстро приведет также к снижению международного авторитета РАН, и ее перестанут рассматривать в качестве репрезентативного агента российской науки на международной арене

Принятие законопроекта в правовом смысле будет означать ликвидацию существующей РАН; согласно элементарной логике, должны исчезнуть и члены ликвидированной организации (академики). Однако документом предусматривается созыв некоего общего собрания, состоящего неизвестно из кого и в неизвестно каком количестве; кроме того, не сообщается, в каком порядке этот орган станет функционировать, как ему предстоит принимать устав (который, собственно, и должен определять, кто такие суть академики и в каком порядке они должны собираться). Подобная антилогика и пренебрежение юридической корректностью, по-видимому, свидетельствуют не столько о низком профессионализме авторов законопроекта, сколько о том, что вопрос образования новой Академии, с их точки зрения, – второстепенный. А главное для них – организационное разъединение РАН как субъекта управления (общего собрания, президиума, аппарата) и научных институтов как объекта руководства.

При этом участь отечественных фундаментальных исследований и научных организаций, в которых они проводятся, может оказаться даже более плачевной, чем самой РАН. Данный прогноз базируется на следующих двух группах соображений. Соображения первого рода касаются того, что резкие изменения в нынешней (реформируемой) системе сами по себе наверняка приведут к сбоям в реализации всех функций обеспечения ее жизнедеятельности – в финансировании, материально-техническом снабжении, техническом обслуживании, в выполнении

договорных работ, заключении новых контрактов и т.д. Бюджетное финансирование не будет открываться до тех пор, пока не прояснится ситуация со статусом институтов; но и обретение статуса не приведет к немедленному открытию финансирования, ибо оно подчиняется еще и своим, специфически бюджетным, правилам и процедурам. Печально, что авторы документа не прописали никаких переходных мер, обязательных при проведении подобного рода радикальных преобразований.

Далее, дисфункция неизбежно усугубится намечаемой законодателями градацией институтов, т.е. проведением проверок, работой комиссий и прочими мероприятиями с последующим применением организационных мер. С точки зрения степени болезненности их последствий в выигрышном положении окажутся институты, которые подпадут под немедленную реорганизацию (ликвидацию). Институтам, переподчиняемым другим ведомствам, предстоит тяжелый период поиска места в новых структурах и решения вопросов финансирования, материально-вещественного обеспечения, взаимоотношений с новыми вышестоящими организациями. А на долю оставшихся институтов выпадут аттестации, структурные изменения, перетряхивание кадров, рост напряжения в трудовых коллективах и т.д., и т.п., причем все это затянется на неопределенно протяженный период. Понятно, что наиболее активная, работоспособная и востребованная часть исследователей и персонала, обслуживающего сложные технические устройства, постарается найти себе другие места работы, ибо в подобных условиях не будет смысла терять лучшие годы (коих и так немного в научной жизни), и что молодежь вряд ли обретет в описываемой ситуации какие-либо стимулы для выбора научной стези.

Сюда примыкают еще несколько легко прогнозируемых коллизий, почему-то вообще не упоминаемых при обсуждении спроектированной реформы. Речь идет прежде всего об утрате работниками институтов ранее весьма престижного статуса сотрудника Академии наук. Хотя этот статус сильно поблек в постсоветский период, он все-таки отчасти компенсировал и невысокие зарплаты, и далекие от международных стандартов условия научного труда, и прочие негативные моменты, а также оставлял надежду на радикальные улучшения в принципиально значимой для страны организации.

Еще «нюанс»: пресловутое «избавление от балласта возрастных работников» чревато размыванием особенной академической культуры общения, утратой специфических взаимоотношений и способов обеспечения профессиональных честности и репутации.

Таким образом, утверждение пореформенной научной системы начнется «на пустом месте» – без истории, традиций, опыта старших поколений, что «синергетически» наложится на упомянутую обстановку финансовой, материальной и организационной неразберихи. А ведь такого рода стагнационные ситуации крайне благоприятны для авантюристов, карьеристов и прочих проходимцев, в них зачастую торжествуют наглость, подлость, ложь, предательство, лицемерие – все то, что категорически противопоказано поддержанию нормальной научной среды. Если наше общество в целом до сих пор психологически не может полностью восстановиться после «лихих 1990-х», то особо «деликатная» научная его страта, уже пострадавшая сильнее прочих, теперь еще и обретает описанную удручающую перспективу. Не стоит, кстати, забывать трагический прецедент Германии: немецкая наука, занимавшая в первой трети

прошлого века лидирующие в мире позиции, после гитлеровского погрома так и не смогла вернуть свое лидерство, несмотря на выдающиеся успехи в политическом и экономическом развитии страны.

Вторая группа опасений в отношении не только развития, но и самого существования фундаментальной науки в России связана с тем, что реформаторы не предъявили абсолютно никаких доказательств того, что результаты реформы окажутся позитивными. Ее обоснование «без остатка» сводится к вышеупомянутому упреку в неэффективности РАН, но не прозвучало ни слова о том, по каким конкретно причинам новая система организации науки окажется лучше ныне действующей. Можно сколь угодно долго спорить о том, способны ли в принципе академики эффективно управлять научной собственностью, но, будьте добры, докажите, что «новый федеральный орган исполнительной власти», функции и статус которого в законопроекте не прописаны, станет распоряжаться этой собственностью рачительнее.

О том, как фактически осуществляется управление государственной собственностью в целом, мы имеем возможность наблюдать уже более 20 лет: по сути нет примеров эффективного ее задействования в общенациональных интересах¹. Мягко говоря, сомнительность утверждения, согласно которому «новый орган» будет использовать госимущество эффективнее, нежели существующая РАН, усугубляется в контексте нормы о передаче ему «ведения» всеми институтами (пункт 9 статьи 18, главы 6 законопроекта), т.е. о возложении на него ответственности не только

за эффективное распоряжение собственностью, но и за научные исследования. Какими, риторический вопрос, ресурсами, в первую очередь интеллектуальными, может обладать пресловутое «агентство» для обеспечения эффективности научных исследований хотя бы на прежнем уровне?

Трудно уйти от предположения, что такое вообще не собирается заниматься организацией научных исследований. После того, как закончится эпопея разделения институтов на три категории, агентство проинвентаризирует собственность первых двух из них и изымет выявленные «излишки». Затем институты, оставшиеся в сфере РАН, будут переданы университетам по профилям: физические – МФТИ, МИФИ, МГУ и МЭИ, химические – МГУ и некоторым другим, обществоведческие – НИУ «ВШЭ». Сибирское отделение РАН волеется в НГУ, Дальневосточное – в ДВФУ (камни острова Русский заждались своего интеллектуального обрамления!) и т.д. Хотя реальным следствием этого маневра станет исчезновение исторического феномена РАН, можно будет распиарить на весь мир невиданные темпы развития университетской науки!

Таким образом, реализация рассматриваемого реформационного законопроекта приведет к краху российской фундаментальной науки как целостной государственной системы. В лучшем случае она окажется сильно сжатой и фрагментированной; может быть, сохранятся ее отдельные очаги – в некоторых университетах (к примеру, мехмат и физфак МГУ) и в оборонно-промышленном комплексе. Она все в большей мере станет трансформироваться в науку прикладную, ибо для успешного развития фундаментальных исследований необходима особая интеллектуальная и организационная среда, способствующая свободному выдвижению и обсуждению научных проблем; «оборонка» же в отсутствие РАН

¹ Шокирующие новейшие примеры ее использования в интересах прямо противоположных приведены, в частности, в статье: Дмитриева О. Особенности управления государственной собственностью в Российской Федерации // Российский экономический журнал. – 2013. – №2.

обеспечить такую среду, конечно, не сможет. Прогнозируемая эволюция системы будет усугубляться уходом и отъездом за рубеж активной и работоспособной части исследователей, включая молодежь, утратой академических традиций и культуры, замещением уходящих ученых авантюристами, карьеристами, проходимцами и прочей человеческой «пеной», неизбежно всплывающей в периоды безвременья и смуты, провоцируемые широкомасштабно-разрушительными реформами.

5. Резюмирующие выводы и рекомендации

Главные из них, адресуемые лицам, принимающим государственные решения в сфере научного развития нашей страны, сводятся к следующему. Не следует обожаемо и завистливо смотреть на «Запад» и стремиться слепо, без ясного понимания достоинств, и, главное, недостатков, заимствовать чужую, в частности американскую систему организации науки. Такой подход неминуемо усугубит ситуацию: свои собственные проблемы умножатся серьезными изъянами зарубежной системы, которая при всем великолепии ее фасада сама испытывает непростые трудности. Единственно разумными стали бы

усилия по сохранению и развитию (разумеется, вовсе не игнорируя зарубежного опыта) уникальной отечественной научно-исследовательской сферы, принципиальные отличия которой от западных моделей выступают отнюдь не ее недостатком, а важнейшим конкурентным преимуществом. При этом принципиально важно нацелить российскую науку на увеличение ее вклада в развитие, прежде всего российской экономики, российской промышленности, российских наукоемких отраслей. И нельзя вслед за попытками копировать чужие формы организации научной деятельности отдавать безусловный приоритет и публикации научных результатов в иностранных журналах; об отечественных научных достижениях следует писать на русском языке и в отечественных изданиях, а если эта информация вызовет интерес за рубежом, то сами пусть переводят нужные статьи на английский, как это практиковалось в прошлом.

В заключение остается лишь воспроизвести заголовок настоящей статьи и вслед за многими другими экспертами призвать общественность к адекватной реакции на очередную готовящуюся геростратову акцию.

УДК 338.1(470.2)

ББК 65.050.11(2Рос-12)

© Ласточкина М.А., Шабунова А.А.

Возможности и ограничения модернизационного развития регионов Северо-Западного федерального округа*

Модернизация в масштабе страны невозможна без модернизации ее регионов, именно в них она реализуется. А при разработке планов модернизации страны (регионов) вполне закономерным представляется их сопоставление по ключевым параметрам модернизации с развитыми странами, странами-лидерами инновационного развития. Вследствие существенных территориальных различий в развитии России существует необходимость дифференциации подхода к определению уровня модернизации регионов. Требуется научно обоснованная стратегия конкретно для каждого федерального округа и региона (поддержанная населением и осуществляемая органами управления), которая учитывала бы проблемы, препятствующие модернизации данной территории.

Модернизация регионов, социально-экономическое развитие, уровни модернизации, технологический уклад, НИОКР.

**Мария Александровна
ЛАСТОЧКИНА**

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИСЭРТ РАН
mashkop@mail.ru

**Александра Анатольевна
ШАБУНОВА**

доктор экономических наук, зам. директора по научной работе, зав. отделом ИСЭРТ РАН
aas@vscc.ac.ru

Модернизация приобрела масштаб всемирного процесса и представляет собой объективно сложившийся глобальный вызов каждой стране. В последнее время в России активизировалась работа по осмыслению параметров этого вызова и формированию стратегии действий, кото-

рая позволит обеспечить безопасность и устойчивость развития страны. О модернизации много говорилось и в политических выступлениях, и в периодической печати, и в научных исследованиях; лидерами страны ставились задачи, определялись ориентиры дальнейшего развития.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект №13-06-00898.

С целью содействия устойчивому технологическому развитию национальной экономики России, совершенствованию государственного управления программами модернизации в 2009 г. при Президенте РФ была создана Комиссия по модернизации и технологическому развитию экономики России [12], впоследствии переименованная в Совет [13]. Данные шаги ориентированы не только на модернизацию экономики и инновационное развитие, но и на совершенствование государственного управления в данной сфере, а это значит – улучшение инвестиционного климата в стране, налаживание частно-государственного партнерства. Однако до сих пор так и не произошло формирования благоприятной деловой обстановки, активизации инвестиционной политики государства, научно-технического и экономического прогресса.

Россия в мировом пространстве

Рассматривая модернизацию России с точки зрения перспектив долгосрочного развития экономики и общества, следует отметить, что это прежде всего процесс преобразования страны в инновационную державу, продукция которой конкурентоспособна на международных рынках. Причем каждый новый этап модернизации основан на технологических, организационных и социальных инновациях, на сменах технологических укладов (ТУ). Как считает С.Ю. Глазьев, шестой уклад, приходящий на смену пятому, открывает для России возможности технологического рывка и опережающего роста на гребне новой длинной волны экономического роста [4]. При этом основополагающими факторами служат своевременное создание заделов для формирования ядра шестого ТУ и опережающая модернизация его стержневых отраслей: электронной промышленности, программного обеспечения, информационных технологий, нанотехнологий, генной инженерии.

Однако, как показывает анализ экономического климата, существует очень большая диспропорция между Россией и развитыми странами, одной из причин которой является ее технологическая многоукладность, унаследованная со времен СССР. Развитие четвертого ТУ происходило в СССР с запаздыванием на 30 лет по сравнению с глобальной траекторией топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) [5].

Кроме того, в России в годы политических и социальных преобразований мало внимания было уделено пятому технологическому укладу, связанному с телекоммуникациями, микроэлектроникой, малотоннажной химией. Так, например, по сравнению с другими странами Россия значительно отстает по количеству и качеству компьютеров. Доля нашей страны по количеству суперкомпьютеров в 2013 г. составляла 1,6%, что в 4 раза меньше, чем в Японии, и в 31 раз меньше, чем в США (табл. 1). Хотя в РФ и отмечается положительный рост внедрения компьютерных технологий, однако его темпы недостаточны для достижения доминирующих позиций. На мировое лидерство претендует Китай, который постоянно наращивает темпы роста и за последние 13 лет поднялся с 15 места на 2-е. Россия же в 2013 г. занимает 9 место в рейтинге стран-обладательниц суперкомпьютеров, хотя значительно отстает по производительности – в 25 раз ниже, чем в Китае, и в 44 раза – чем в США.

В России низкими темпами развивается и коммуникационная составляющая научно-технического прогресса: число патентов в области информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) не только в 75 раз ниже, чем у лидирующей тройки (Япония, США, Евросоюз), но и в период с 2006 по 2009 г. снизилось еще на 11%.

Таблица 1. Крупнейшие обладатели суперкомпьютеров (500 самых мощных общественно известных компьютерных систем мира) [3]

№ п/п	10 лидирующих стран	1997		2000		2004		2007		2013**	
		Кол-во, шт.	TFlops*	Кол-во, шт.	TFlops	Кол-во, шт.	TFlops	Кол-во, шт.	TFlops	Кол-во, шт.	TFlops
1.	США	265	10	258	57	262	782	280	4436	252	152701
2.	Китай	н/д	н/д	2	0,135	14	43	13	175	66	85176
3.	Япония	87	0,381	62	12	35	124	23	393	30	24501
4.	Великобритания	24	0,607	28	6	34	108	44	526	29	11032
5.	Франция	19	0,677	20	3	19	39	13	198	23	10881
6.	Германия	45	0,187	65	11	37	69	23	317	19	13521
7.	Индия	н/д	н/д	н/д	н/д	6*	10*	8*	87*	11	3518
8.	Канада	7	0,124	9	0,941	7*	23	10*	80	9	2288
9.	Россия	1*	0,024*	н/д	н/д	2*	2*	5*	44*	8	3475
10.	Швеция	8	0,215	5	0,580	3	6	10	88	7	1534

TFlops (*Trillion Floating point OPeration* TFlops = 10¹² Flops Терафлопс) – пиковая производительность – теоретический предел производительности (выражаемый через операции с плавающей точкой) для данных процессоров.
 * В данном году страна не входила в десятку лидеров.
 ** Отсортировано по количеству в 2013 г.

Таблица 2. Число патентов в области ИКТ – заявки, поданные в соответствии с Договором о патентной кооперации [2]

Страна	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Япония	4761	11764	11986	11997	11001	12000	15189
США	18825	19514	20867	19238	15743	14714	15001
ЕС (27)	12524	13233	13723	13939	13103	12232	11942
Китай	231	1936	2671	3378	3207	4589	5932
Германия	3960	3994	4038	4204	3896	3780	3817
Франция	1498	2065	1890	1995	2022	1956	1995
Великобритания	2171	2063	2238	2149	1922	1641	1561
Канада	924	1139	1166	1310	1042	982	1046
Швеция	1216	850	1085	1229	1180	1029	941
Россия	179	210	211	191	173	187	203

Все больше расширяют сферы своего доминирования азиатские страны. Япония в 2010 г. догнала беспрецедентного лидера – США; судя по темпам роста, в ближайшие 10 лет это намерен сделать и Китай (табл. 2).

Анализ расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) на душу населения по паритету покупательной способности (ППС) показал, что Россия в 5–6 раз отстает от Швеции, Японии, Германии, в 2,7 раза – от Евросоюза (табл. 3). И хотя за исследуемое десятилетие в нашей стране

произошло увеличение указанных расходов почти в 3 раза – с 71,6 до 235,9 доллара на душу населения, все же темп роста ниже, чем в Китае (за 9 лет расходы увеличились более чем в 6 раз), который также имеет низкое значение этого показателя.

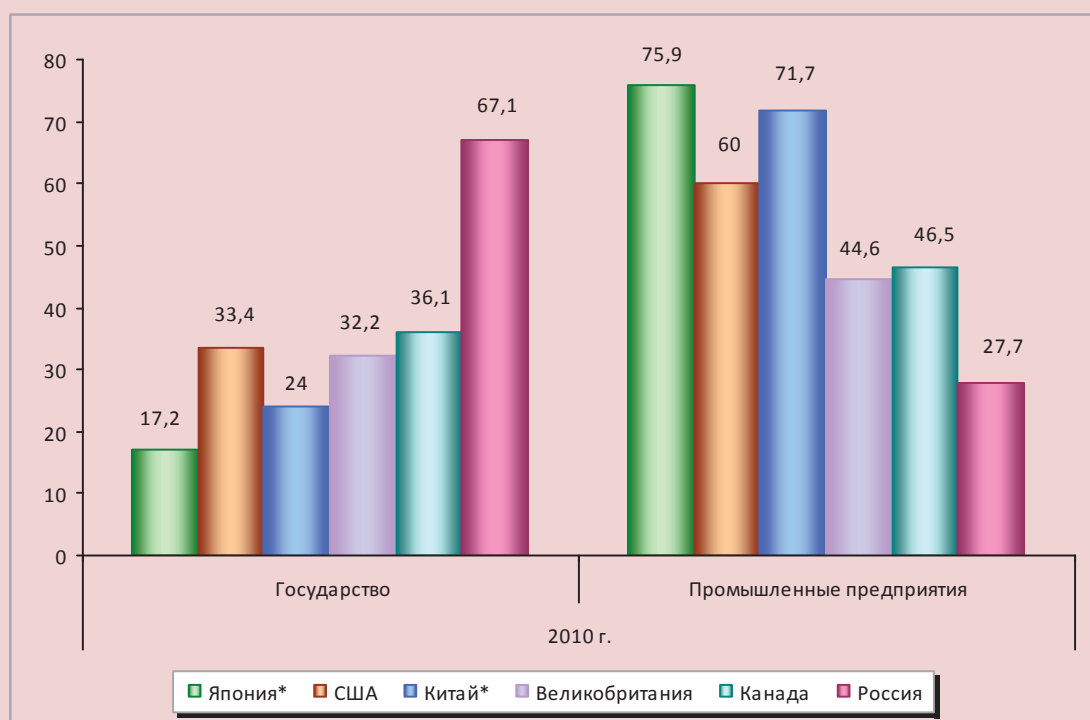
В развитых странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), а также Китае (рис. 1) доля расходов частного сектора на НИОКР в 3–5 раз выше доли государственных расходов. В России же, наоборот, данное соотношение составляет 1 к 2,5, что идет вразрез с мировой тенденцией.

Таблица 3. Валовые внутренние расходы на НИОКР на душу населения в текущих ценах по ППС, долларов [2]

Страна	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.*
Швеция	–	1313,6	1305,5	1463,8	1340,1	1331,4	1399,7
США	949,4	1182,4	1259,8	1334,0	1318,4	1319,2	1330,6
Япония	777,4	1082,7	1156,0	1164,7	1076,4	1100,7	–
Германия	636,9	851,2	899,8	998,2	1005,9	1055,3	1121,8
Франция	542,8	661,6	690,0	725,8	767,4	770,3	796,2
Канада	543,9	739,1	753	747,7	732,7	722,3	703,5
ЕС (27)	381,7	512,5	544,2	588,3	595,2	607,8	632,9
Великобритания	473,1	610,4	635,1	641,7	634,6	634,5	631,7
Россия	71,6	159,8	185,9	210,6	234,7	229,5	235,9
Китай	21,5	65,9	77,4	90,9	115,4	132,9	–

* Отсортировано по 2010 г.

Рисунок 1. Доля валовых внутренних расходов на НИОКР, финансируемых государством и промышленными предприятиями, % [2]

* Данные за 2009 г.

При этом государство финансирует свыше половины НИОКР, выполняемых частным сектором. Для стран ОЭСР этот показатель составляет всего 7%, для Китая – менее 5% [11]. Главная причина такого положения РФ заключается в отсутствии

у частного капитала стимулов к инвестированию в научные исследования и разработки. Доля бюджетного финансирования за десятилетие не только не сократилась, а, напротив, увеличилась – с 54,8% в 2000 г. до 67,1% в 2010 г.

Это свидетельствует о том, что бизнес не ощущает нужды в технологических инновациях и не имеет определяющего значения в отборе и внедрении новых технологий в производство, являющихся ядром инновационной политики. То есть отсутствует здоровая конкурентная среда, в которой увеличение объема продаж ведет к росту финансирования осуществляемых научных исследований и разработок.

Методологические аспекты оценки уровня модернизации территорий

В свете рассмотренных выше аспектов особую значимость приобретают вопросы, связанные с инновационным и модернизационным развитием России и каждого ее региона. Достаточно успешные попытки подъема экономики и повышения своего престижа на мировой арене демонстрирует в последние годы Китай, который любой ценой пытается выйти на ведущие мировые рынки, совершая переход от аграрно-индустриального общества к информационному, основанному на знаниях. В связи с этим китайскими учеными проводится немало аналитических и прогнозных работ.

В начале XXI века Китайская академия наук (КАН) особое внимание уделяет вопросам модернизации в мире и собственной стране (Хэ Чуаньци [14]). Центром исследований модернизации (ЦИМ) КАН предложен комплексный набор количественных ориентиров развития, отвечающих мировому уровню модернизации экономики 20-ти наиболее развитых стран. С 2001 г. ЦИМ КАН ежегодно рассчитывает индексы и фазы двух стадий модернизации (первичная и вторичная) и их интегрированный индекс для 131 страны (включая Россию), осуществляя также их ранжирование и прогнозирование основных ориентиров эволюции модернизации в мире. Отметим, что имеются основания для применения методики ЦИМ КАН к измерению состояния и динамики процессов модернизации в регионах России.

Основной вклад в адаптацию методики китайских ученых к измерению этих процессов в российских регионах внес Центр изучения социокультурных изменений Института философии (ЦИСИ ИФ) РАН (Н.И. Лапин [7]), дополнив типологию качественных состояний модернизированнойности регионов типами модернизированнойности, которые включают измерения и оценки как уровня, так и фазы первичной и вторичной стадий модернизации.

Модель количественной оценки первичной модернизации (ПМ) была разработана с учетом показателей, предложенных А. Инкелесом и Д. Смитом [1]. В ней учитываются 10 индикаторов, характеризующих три области жизни индустриального общества: экономическую, социальную, уровень знаний. В качестве стандарта были приняты средние значения индикаторов, которые были достигнуты к 1960 г. в 19 наиболее развитых индустриальных странах мира. Отношение фактического значения показателя к стандартному в том или ином году принимается за значение оценочного индикатора. Модель оценки вторичной модернизации (ВМ) относится к информационному обществу или обществу, основанному на знаниях. Процесс ВМ начался около 30 лет назад, но его законы и характерные черты все еще формируются. Оценка ВМ включает в себя четыре группы индикаторов (инновации в знаниях, передача знаний, качество жизни и качество экономики), включающие 16 отдельных показателей. Интегрированная модернизация (ИМ) понимается как совокупность состояния двух указанных ранее стадий, фиксирующая характер их взаимной координации в той или иной стране (регионе) и отличие от передового мирового уровня. В модели оценки индекса ИМ учитываются 12 индикаторов: 10 из них используются в моделях ПМ и ВМ, а 2 введены дополнительно (табл. 4).

Таблица 4. Набор индикаторов, используемых при расчете индексов и фаз ПМ, ВМ и ИМ

№ п/п	Индикаторы	Принадлежность к индексам и фазам									
		ПМ	ВМ				ИМ			ПМ-фаза	ВМ-фаза
			KI	KT	LQ	EQ	EI	SI	KI	PFM	PSM
1.	Валовой региональный продукт (ВНП) на душу населения, в долл. США	+				+	+				
2.	Доля лиц, занятых в сельском хозяйстве, к общему числу занятых, в % *	+								+	
3.	Доля добавленной стоимости в сельском хозяйстве по отношению к ВВП*	+								+	
4.	Доля добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВВП, в %	+					+				
5.	Доля городского населения во всем населении, в %	+			+			+			
6.	Число врачей на 1000 человек	+			+			+			
7.	Младенческая смертность (в возрасте до 1 года), на 1000 родившихся*	+			+						
8.	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	+			+			+			
9.	Уровень грамотности среди взрослых, в %	+									
10.	Доля студентов, обучающихся в вузах, среди населения от 18 до 22-х лет, в %	+		+					+		
11.	Доля затрат на НИОКР в ВРП (ВВП), %		+						+		+
12.	Число ученых и инженеров на 10 тыс. чел.		+								
13.	Число жителей, подавших патентные заявки, на 1 млн. человек		+						+		
14.	Доля обучающихся в средних учебных заведениях среди населения 12-17 лет, в %			+							
15.	Число телевизоров на 100 домохозяйств			+							
16.	Число персонал. компьютеров на 100 домохозяйств			+					+		
17.	Энергетическая эффективность: ВВП (ВРП) на душу / стоимость потребления энергии на душу, раз				+						
18.	Валовой региональный продукт (ВНП) на душу населения по ППС, в долл. США					+	+				
19.	Доля добавленной стоимости материальной сферы (с\х и промышленность) в ВРП (ВВП)*, в %					+					+
20.	Доля занятых в материальной сфере в общей занятости*, в %					+					+
21.	Доля занятых в сфере услуг в общей занятости, в %						+				
22.	Экологическая эффективность: ВВП на душу / расходы энергии на душу (цена в долл. США), в %							+			
23.	Отношение добавленной стоимости в сельском хозяйстве к добавленной стоимости в промышленности, раз									+	
24.	Отношение занятости в сельском хозяйстве к занятости в промышленности									+	
25.	Доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженной продукции, в %										+

Обозначения: + – показатель участвует в расчете данного индекса.
 Субиндексы ВМ и ИМ: KI – инновации в знаниях, KT – трансляции знаний, LQ – качества жизни, EQ – качества экономики, EI – экономический индекс, SI – социальный индекс, KI – индекс знаний.
 * Обратный индикатор.
 Источник: таблица разработана авторами на основе [7, 14].

Уровень модернизации федеральных округов России

Согласно расчетам (проведены авторами в специально разработанной ИСЭРТ РАН и запатентованной Информационно-аналитической системе «Модернизация») оценка индексов первичной модернизации показывает положительную динамику роста индекса на протяжении всего анализируемого периода (2000–2010 гг.) в 4-х федеральных округах РФ: Центральном, Северо-Западном, Дальневосточном и Уральском. Для Приволжского, Сибирского, Южного, Северо-Кавказского федеральных округов 2009–2010 годы оказались временем незначительного снижения ПМ-индекса (с 0,2 до 1,7 п.п.), причиной этого, очевидно, послужил финансово-экономический кризис, который характеризовался спадом социально-экономических показателей. По истечении 10 лет разрывы в уровне первичной модернизации между округами стабильно остаются на уровне 6 п.п., а общероссийский уровень превышает лишь Центральным ФО. К 2008 г. все рассматриваемые территории достигли уровня первичной модернизации выше среднего (индекс в интервале от 91 до 99,9), следовательно, до полной реализации первичной модернизации федеральным округам недостает от 6,4 до 0,1 п.п. Как показывают результаты проведенного анализа, осуществлению первичной модернизации в

большинстве федеральных округов препятствует недостаточная продолжительность жизни населения.

Анализ второго периода региональной модернизации, более наукоемкого, включающего в себя экологизацию и глобализацию, выявил неготовность большей части территорий России соответствовать мировым стандартам. В 2000–2010 гг. российский тренд индексов ВМ вырос с 61 до 72, тем самым был преодолен рубеж срединного уровня и Российская Федерация «поравнялась» с Чехией. Пролонгация данных показывает, что к 2020 г. наша страна может войти в группу развитых, в которой индекс ВМ находится в интервале от 81 до 120. Однако одновременно с этим повышаются и применяемые стандарты, так как ежегодно растут индикативные социально-экономические показатели развитых стран.

Тем самым, с учётом конкуренции стран за преодоление порога темп роста в России может оказаться недостаточным для модернизационного прорыва, поскольку региональные разрывы между индексами ВМ более широки, чем в индексах ПМ. В 2010 г. лидерами (так же, как и по индексу ПМ) являлись города Москва и Санкт-Петербург, список дополнили Московская, Томская области и Центральный ФО. Значительная часть регионов имели средний уровень ВМ, причем половина из них занимали коридор ниже срединного уровня (табл. 5).

Таблица 5. Иерархия уровней вторичной модернизации регионов России (2010 г.)

Уровень	Низкий	Средний			Высокий
		Ниже срединного	Срединный	Выше срединного	
Индекс	30–50	51–60	61–70	71–80	Более 81
Федеральный округ	–	Южный (59) Северо-Кавказский (54)	Уральский (66) Приволжский (64) Сибирский (63) Дальневосточный (62)	Северо-Западный (79)	Центральный (84)
Число регионов РФ	3	38	30	9	4
Источник: составлено авторами с использованием Информационно-аналитической системы мониторинга параметров модернизации регионов России (ИС «Модернизация», патент №2012661285, 2012 г.), в соответствии с методологическими разработками ЦИСИ Института философии РАН.					

Таким образом, процесс региональной модернизации в России неравномерен и асимметричен: зачастую между соседними территориями имеется значительная разница в индексе ВМ. Например, Санкт-Петербург опережает Ленинградскую область на 29 пунктов, Москва опережает Московскую область на 23 пункта. Казалось бы, разница велика в обоих случаях, однако Ленинградская область занимает лишь 33 место в общероссийском рейтинге и соответствует только срединному уровню ВМ (индекс ВМ равен 63), тогда как Московская область — 3 место (индекс ВМ равен 84). В первом случае предстоит приложить немалые усилия, чтобы повысить уровень ВМ, а именно:

- увеличить долю затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в ВРП (в 2–2,5 раза);
- увеличить число ученых и инженеров, полностью занятых в НИОКР, на 10 000 человек населения (в 2–2,5 раза);
- увеличить число жителей страны, подавших патентные заявки, на 1 млн. человек населения (в 6–8 раз);
- увеличить число персональных компьютеров на 100 домохозяйств (в 2 раза);
- увеличить ВРП на душу населения (в 4–5 раз);
- увеличить ВРП на душу населения по паритету покупательной способности (в 2,5–3 раза);
- уменьшить долю добавленной стоимости материальной сферы (в 2 раза);
- уменьшить долю лиц, занятых в материальной сфере (в 1,5–2 раза).

Так как интегрированная модернизация представляет координированное взаимодействие обеих стадий, то рейтингование регионов России во многом соответствует их распределению в двух предыдущих случаях. В лидеры снова вышли Центральный и Северо-Западный федеральные округа,

достигнув среднего уровня (интервал от 64 до 77) к 2005 и 2008 годам соответственно. Начиная с 2009 г. данному стандарту стала отвечать Россия; остальные 6 федеральных округов (Уральский, Дальневосточный, Приволжский, Сибирский, Южный, Северо-Кавказский) соответствуют уровню ниже среднего (интервал от 48 до 63).

Определение в России фазы первичной модернизации обнаруживает, что за 10 лет ее уровень повысился на 0,5, и она перешла из фазы зрелости в переходную к вторичной модернизации. Еще три федеральных округа имеют схожие со страной значения индекса ВМ, однако ВМ-фазы их существенно дифференцированы: от 1,5 в Центральном ФО до 0 в Уральском ФО. По России в целом и Северо-Западному ФО значения равны 1, этому соответствует фаза начала. Однако не все федеральные округа осуществили такой скачок, большая часть из них (Дальневосточный, Приволжский, Сибирский, Южный, Северо-Кавказский) находятся в фазе зрелости, т.е. первичная модернизация еще не вошла в фазу, переходную к вторичной. Ограничением, которое не позволяет вступить в нее, служит относительно высокая занятость в сельском хозяйстве, не отвечающая стандартам индустриальных стран начала 1960-х годов.

Уровень модернизации в регионах Северо-Западного федерального округа

В целях получения более детальной картины модернизации регионов внутри федерального округа обратимся к изучению и сравнению уровня первичной, вторичной и интегрированной модернизации в субъектах Северо-Западного федерального округа. Индекс первичной модернизации СЗФО за 10 лет увеличился почти на 8% и в 2010 г. составил 99,7, что соответствует второму месту в общем рейтинге федеральных округов России (первое место занимает Центральный ФО).

Таблица 6. Перспективы модернизации регионов Северо-Западного федерального округа

Показатель	Факт				Прогноз	
	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.
Число регионов, осуществивших ПМ менее чем на 99%	11	11	6	7	4	3
Число регионов, осуществивших ПМ на 99%	–	–	4	3	5	5
Число регионов, осуществивших ПМ на 100%	–	–	1	1	2	3

Источник: расчеты авторов с использованием Информационно-аналитической системы мониторинга параметров модернизации регионов России (ИС «Модернизация», патент №2012661285, 2012 г.), в соответствии с методологическими разработками ЦИСИ Института философии РАН.

В целом по округу 9 из 10 учитываемых индикаторов ПМ были реализованы на 100%. Полной реализации (достижение 100%) препятствует недостаточно высокая ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) населения (в основном из-за высокой смертности мужчин трудоспособного возраста). Подобная ситуация наблюдается в Мурманской области. В Вологодской, Калининградской, Новгородской, Псковской областях и Республике Карелия сдерживающим модернизацию фактором служит не только ОПЖ, но и низкие доходы на душу населения. К этим факторам в Архангельской, Ленинградской областях, Ненецком АО и Республике Коми относятся низкая ОПЖ и высокая доля добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВВП (ниже 45% по стандартам ПМ). Избавление от этих «тормозов модернизации», даже при больших усилиях, вероятно не ранее 2020 г. Единственная территория, которая уже к 2008 г. достигла полной реализации ПМ, — это Санкт-Петербург.

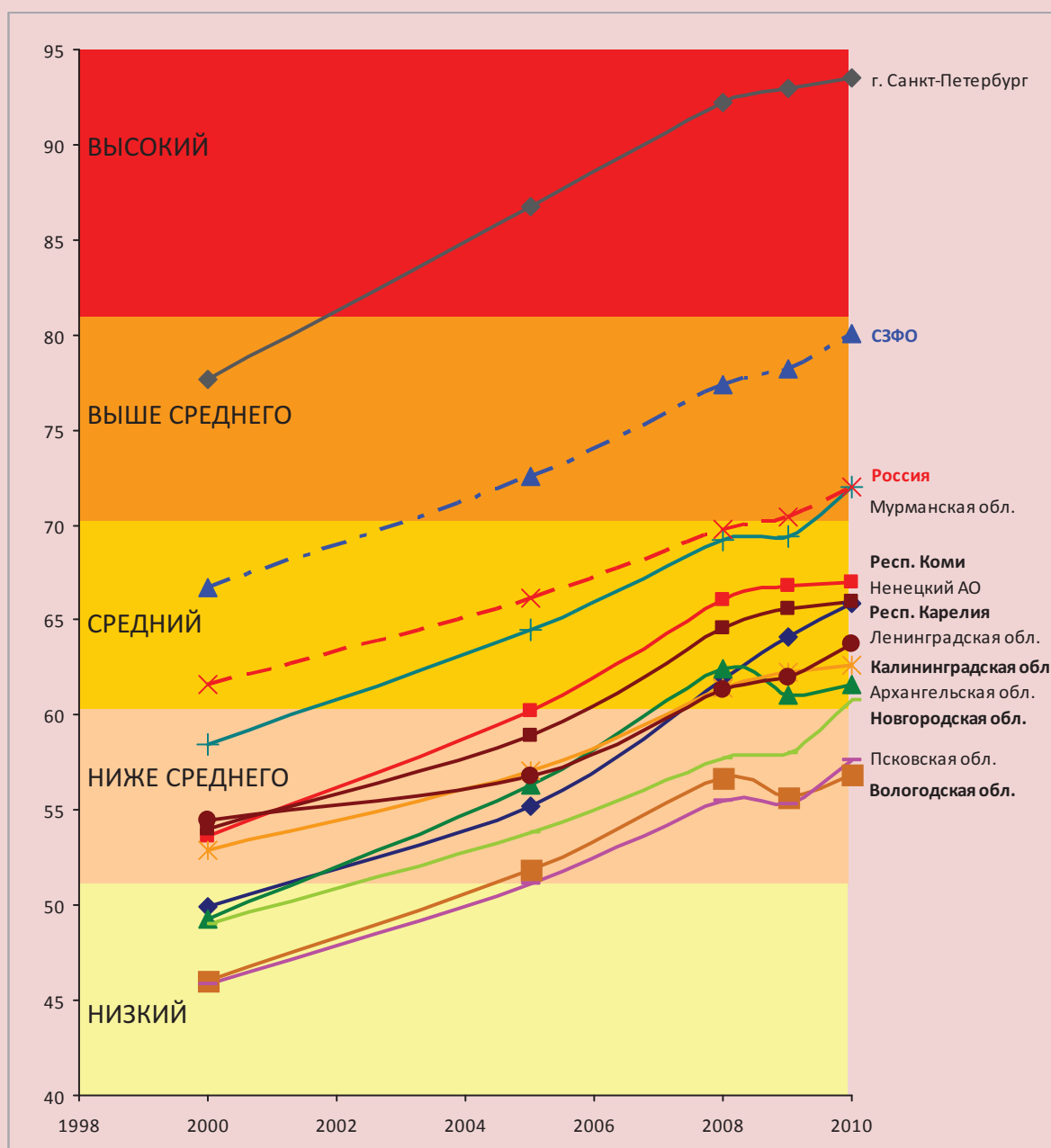
В 2010 г. по сравнению с 2009 г. у восьми субъектов округа произошло снижение индексов ПМ на 0,1–0,7 единицы. Следует отметить, что в ряде регионов (Псковская область, Республика Карелия, Ненецкий автономный округ) при низких значениях индекса и темпы его роста являются невысокими. Так, например, у региона-аутсайдера — Ненецкого автономного округа — индекс ПМ равен 92, а прирост за 10 лет составил всего 1 пункт. При сохранении существующих тенденций скорое завер-

шение данного этапа модернизации проблематично, что показывают прогнозные расчеты (по инерционному сценарию; табл. 6)

Продолжая анализировать уровни второй модернизации регионов СЗФО, отметим, что еще 5 территорий соответствуют срединному уровню ВМ; один регион (Мурманская область) находится выше срединного уровня; Санкт-Петербург имеет высокий уровень, а в группу с уровнем ниже срединного входят 3 региона (рис. 2).

Очевидна позитивная динамика уровня ВМ субъектов СЗФО в период с 2000 по 2010 г. — на всех территориях он повысился. В итоге пять регионов (Республика Карелия, Архангельская, Новгородская, Вологодская, Псковская области) вышли из группы регионов с низким уровнем и поднялись сначала до уровня ниже срединного (2005 г.), а в 2010 г. в трех из них (Республика Карелия, Архангельская, Новгородская области) уровень ВМ стал соответствовать срединному. За 10 лет из группы с уровнем ниже срединного 2 региона (Ленинградская область, Республика Коми) перешли в группу со срединным уровнем, а один регион (Мурманская область) — в группу с уровнем выше срединного. Лишь в Калининградской области, хотя и имеющей положительную динамику, из года в год соответствует уровню ниже срединного. Значимо выделяется среди всех территорий федерального округа Санкт-Петербург, поскольку ни один регион СЗФО не смог достигнуть планки,

Рисунок 2. Тренды индексов вторичной модернизации регионов Северо-Западного федерального округа России

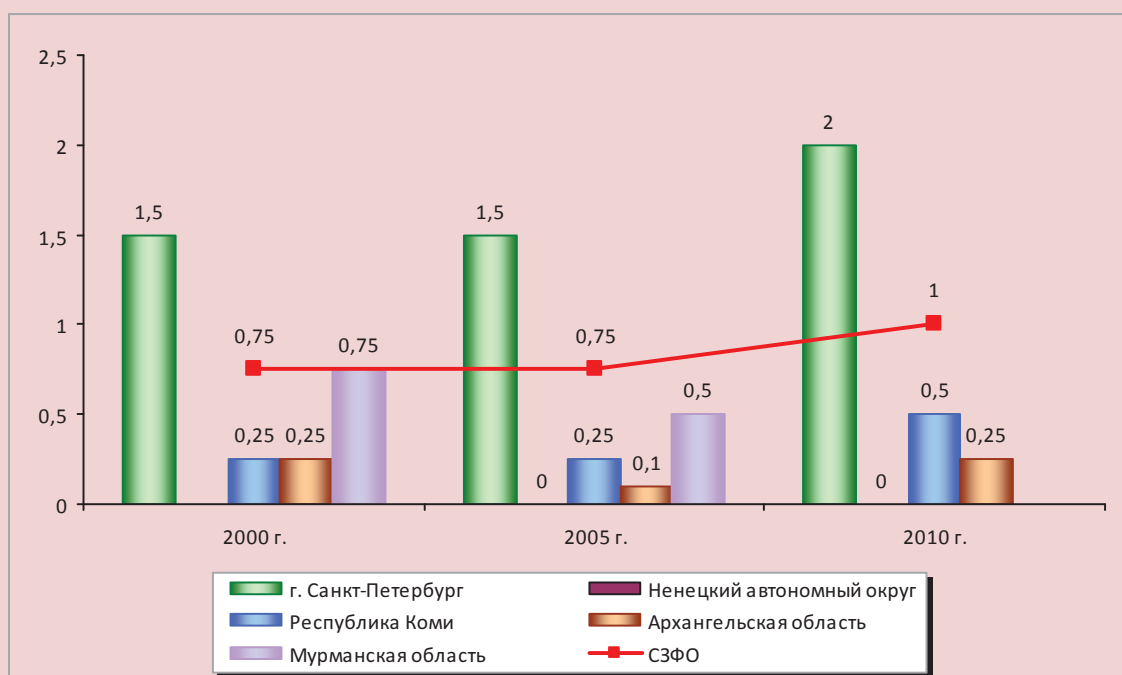

Источник: составлено авторами с использованием Информационно-аналитической системы мониторинга параметров модернизации регионов России (ИС «Модернизация», патент №2012661285, 2012 г.), в соответствии с методологическими разработками ЦИСИ Института философии РАН.

которую имел город в 2000 г. Это обеспечивается за счет высокого индекса инноваций в знаниях, который в 3–12 раз превышает показатели других регионов.

Принципиальное значение имеют фазы модернизации (первичной и вторичной). По правилам используемой методики определение фазы ВМ возможно только при

Рисунок 3. Фазы вторичной модернизации территорий Северо-Западного федерального округа, достигнувших переходной фазы первичной модернизации

Источник: составлено авторами с использованием Информационно-аналитической системы мониторинга параметров модернизации регионов России (ИС «Модернизация», патент №2012661285, 2012 г.), в соответствии с методологическими разработками ЦИСИ Института философии РАН.

условии вхождения территории в переходную фазу ПМ. В 2000 г. СЗФО в целом и еще 5 субъектов соответствовали фазе перехода к ВМ, однако ежегодно происходило сокращение их числа и к 2010 г. остались 3 региона (рис. 3). Подобные тенденции обусловлены увеличением отношения добавленной стоимости в сельском хозяйстве к ВРП, которое должно быть меньше 5%, а также увеличением доли занятости в сельском хозяйстве (примерно на 10%). Таким образом, только Республика Коми, Архангельская область и СЗФО в целом к концу анализируемого периода находились в подготовительной фазе ВМ, а Санкт-Петербург — в фазе развития, на более высокой степени.

Наблюдается незначительная позитивная динамика индекса интегрирован-

ной модернизации СЗФО: в период с 2000 по 2010 г. его значение выросло с 59 до 71, что соотносится с уровнем средне-развитых стран (интервал от 53 до 83). Наименее благоприятна ситуация в экономической сфере (индекс равен 56%). Однако при детальном рассмотрении региональной модернизации отметим, что наименьшие величины имеет индекс трансляции знаний (от 41 до 59) у всех территорий, за исключением г. Санкт-Петербурга (93). Такой диссонанс получается в результате того, что «северная столица» обладает достаточно большими долями затрат на исследования и разработки в ВРП и числа жителей, подающих заявки на патенты на 1 млн. человек, — это в 6–13 раз превышает показатели соседних областей.

В большинстве субъектов округа (за исключением г. Санкт-Петербурга) основными ограничениями модернизации являются низкий ВРП и невысокий уровень научных исследований и инноваций. В современных условиях крайне важным становится интеллектуальное, исследовательское развитие, сохранение и укрепление элементов инновационной инфраструктуры. При этом значимы не только количественные, но и качественные характеристики.

Например, Вологодской области для достижения уровня региона-лидера – Мурманской области – необходимо увеличить в 5–10 раз показатели НИОКР, а также качественные параметры вологодского интеллектуального присутствия: степень наукоемкости исследовательских институтов, качество фундаментальных и практических разработок [8].

Курс на реализацию новых мегапроектов должен создать мощный импульс и в ведущих отраслях областной промышленности – машиностроении, металлургии, деревопереработке, и в отраслевых научно-исследовательских институтах [9]. В основу стратегии развития области должен быть положен принцип наращивания и концентрации научного знания, а затем и производственного потенциала в наиболее перспективных направлениях, формирующих центры социально-экономической эффективности [15].

Темпы и направленность инновационной модернизации в Мурманской области, где промышленный сектор формируют несколько крупных и средних ресурсных корпораций, в значительной степени зависят от внутренней корпоративной политики. Здесь успех инновационной модернизации зависит от совместных действий местной власти и бизнес-сообщества. Меньше всего финансовых ресурсов

для инновационной модернизации в регионах-реципиентах федерального бюджета. Поэтому им следует активно использовать возможности российских и международных институтов развития, чтобы динамично осуществлять процесс интеллектуальной трансформации экономической системы [10]. Необходимо создание такой программы развития северных регионов в эру экономики знания, которая была бы обращена к вызовам инновационного развития, упрощению обмена информацией и знанием внутри СЗФО, между центром и периферией.

Таким образом, у всех субъектов СЗФО (наверняка, и России) существуют схожие барьеры, заключающиеся в низкой инновационной модернизированности. Приоритетом региональной политики должно стать создание условий для всемерной кооперации регионов в развитии территорий, решения общих проблем и реализации совместных проектов [10]. Для успешного формирования инновационной экономики нужна национальная инновационная система институтов, социальных практик, укрепляющая достигнутые результаты и создающая реальные возможности движения по инновационному пути развития. При этом для преодоления главного препятствия, состоящего не в нехватке финансов, а в отсутствии квалифицированных управленцев, необходима совместная работа ученых, предпринимателей, инноваторов и представителей властных структур.

Модернизация – это стратегическая задача не только национального, но и регионального развития. Как показал анализ, ниже общероссийского тренда «стоят» все регионы СЗФО, за исключением Санкт-Петербурга, который один «вытягивает» федеральный округ на позицию выше среднероссийского уровня.

Основными принципами модернизации субъектов СЗФО в ближайшие годы должен стать переход от первичной модернизации к вторичной. Естественно допустить, что для этого даже соседствующим территориям понадобятся разные сроки.

Инновации, знания и человеческие ресурсы должны стать главными источниками энергии, необходимой для непростой конкурентной борьбы регионов за осуществление модернизации [6]. Подчеркнем, что это должна быть модернизация смешанного типа с органичным использованием как передовых зарубежных достижений, так и возможностей собственного научно-инновационного потенциала.

Заключение

Оценка модернизации, проведенная для каждого региона и федерального округа России, показала, что:

- модернизационные процессы в регионах протекают очень неравномерно;
- первичная модернизация в большинстве территорий осуществлена на 95–99%;
- стержневые сложности связаны со вторичной и интегрированной модернизацией; их слабые зоны – это процессы экономической и культурно-когнитивной модернизации.

Учитывая базовые факторы пространственного развития России, можно отметить, что перспективы социально-экономических преобразований российских регионов будут иметь инерционный характер. Быстрых изменений в ближайшее десятилетие не произойдет в силу несформированности приоритетов региональной политики. Точками роста останутся те же территории (Москва, Санкт-Петербург, ведущие регионы топливно-энергетического комплекса), которые на данный момент занимают лидирующие позиции в пространственной модернизации России. Сохранится многочисленная группа средних по уровню развития регионов, с возможным незначительным перемещением вниз или вверх. Слаборазвитые субъекты РФ будут отягощать бюджет страны. В общем региональное неравенство будет увеличиваться. Инвестиции в более развитые территории будут обеспечивать модернизационное развитие России в целом. Решение проблем отстающих регионов должно осуществляться не только за счет стимулирующей региональной политики, но и, в первую очередь, за счет социальной политики, направленной на рост человеческого капитала.

Литература

1. Inkeles A., Smith D. Becoming Modern – Individual Changes in Six Developing societies / Cambridge, Mass. – Harvard University Press, 1974.
2. OECD iLibrary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecd-ilibrary.org/statistics>
3. TOP 500 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://top500.org/>
4. Глазьев, С.Ю. Возможности и ограничения технико-экономического развития России в условиях структурных изменений в мировой экономике [Электронный ресурс] / С.Ю. Глазьев. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/glaziev.htm>
5. Глазьев, С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития / С.Ю. Глазьев. – М.: ВладДар, 1993.
6. Гулин, К.А. К вопросу о социально-экономической модернизации российских регионов / К.А. Гулин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – №4. – С. 42-58.
7. Лапин, Н.И. Об опыте стадийного анализа модернизации / Н.И. Лапин // Общественные науки и современность. – 2012. – №2. – С. 53-57.

8. Ласточкина, М.А. Социокультурные факторы модернизации региона / М.А. Ласточкина // *Фундаментальные исследования*. – 2012. – №3(2). – С. 346-351.
9. Пилясов, А.Н. Контурь Стратегии развития Арктической зоны России / А.Н. Пилясов // *Арктика. Экология и экономика*. – 2011. – №1. – С. 38-47.
10. Пилясов, А.Н. Прогнозное развитие регионов российской Арктики: трансформация пространства, внешние связи и уроки зарубежных стратегий / А.Н. Пилясов // *Арктика. Экология и экономика*. – 2011. – №2. – С. 10-17.
11. Семенова, Е.А. Роль государства в стимулировании инноваций / А.Е. Семенова // *Проблемы национальной стратегии*. – 2010. – №4. – С. 119-133.
12. Указ №579 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по модернизации и технологическому развитию экономики России» от 20 мая 2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/95621/>
13. Указ №878 «О Совете при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России» от 18 июня 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/70190762/#block_1000
14. Хэ Чуаньци. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001 2010) / пер. с англ. под общ. ред. Н.И. Лапина ; предисл.: Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. – М.: Весь Мир, 2011.
15. Шабунова, А.А. Через кризис к модернизации / А.А. Шабунова, М.А. Ласточкина // *Философские науки*. – 2012. – №7. – С. 20-31.

УДК 332.05

ББК 65.050.2

© Кириллова С.А., Кантор О.Г.

Управление регионами с позиций устойчивого развития*

Рассмотрен подход к совершенствованию управления региональным развитием, в основе которого определение характера и направленности влияния ряда факторов на развитие регионов путем применения метода главных компонент. Апробация предложенного подхода на статистических данных регионов Российской Федерации за 2000–2010 гг. в разрезе основных подсистем региона позволила установить отсутствие прогрессивных тенденций в развитии, а также определить характер и направленность влияния исследуемых факторов, учет которых в практике регионального управления позволит вывести регионы на траекторию устойчивого развития.

Устойчивое развитие, безопасное и сбалансированное развитие, управление региональным развитием, метод главных компонент, вектор обобщенного влияния, вектор развития, факторы региональной эффективности.

**Светлана Александровна
КИРИЛЛОВА**

кандидат экономических наук, доцент, ученый секретарь,
старший научный сотрудник Института социально-экономических
исследований Уфимского НЦ РАН
kirillova_sa@mail.ru; isei@anrb.ru

**Ольга Геннадиевна
КАНТОР**

кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник
Института социально-экономических исследований Уфимского НЦ РАН
o_kantor@mail.ru

Активизация процессов глобализации, возрастание межстрановой и межрегиональной конкуренции в сочетании с ростом ограничений дальнейшего развития как следствия накопившихся проблем экономического, экологического и социального характера определяют необходимость пере-

вода российских регионов на траекторию устойчивого развития. Важным требованием этого перевода выступает совершенствование системы управления территориями, ориентированное на достижение основной цели развития — выживание региона, повышение его жизнеспособности.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №13-12-02013-р_Урал_а) «Устойчивое развитие территорий в условиях постиндустриальной экономики: оценка и управление»).

Несмотря на кажущуюся простоту, существует множество толкований термина «устойчивое развитие». В классической формулировке, предложенной в 1987 г. в докладе «Наше общее будущее», «устойчивое развитие» определено как «развитие, которое удовлетворяет потребностям настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [7, с. 50].

По мнению А.П. Тяпухина и А.Т. Раимовой, под «устойчивым развитием» понимается социально-экономическое и экологическое развитие, направленное на сохранение мира на всей планете, на разумное удовлетворение потребностей людей при одновременном улучшении качества жизни ныне живущих и будущих поколений, на бережное использование ресурсов планеты и сохранение природной среды» [11, с. 21]. Т.В. Ускова устойчивость социально-экономической системы определяет как ее способность стабильно функционировать и развиваться в долгосрочной перспективе [12].

В Словаре современной экономической теории Макмиллана «устойчивое развитие» (sustainable development) трактуется как «максимизация чистых выгод экономического развития при условии сохранения природных ресурсов. Под последним экономисты, предложившие эту концепцию..., понимают использование возобновляемых природных ресурсов с интенсивностью, не превосходящей их регенеративную способность, а невозобновляемых ресурсов — с оптимальной эффективностью, что предполагает замещение использования природных ресурсов техническим прогрессом» [9, с. 481].

По мнению В.А. Коптюга, концепция устойчивого развития «предполагает достижение разумной сбалансированности социально-экономического развития

человечества и сохранение окружающей среды, а также резкое сокращение экономического диспаритета между развитыми и развивающимися странами путём как технологического процесса, так и рационализации потребления» [6].

Следует отметить эволюцию представлений о категории «устойчивое развитие» от ее трактовки с позиций экологических аспектов и необходимости обеспечения воспроизводства ограниченных возобновимых и невозобновимых ресурсов до рассмотрения устойчивости преимущественно с позиций ее социально-экономических аспектов.

Авторам в большей степени близка позиция О.К. Цапиевой, считающей основным императивом устойчивого развития сбалансированное, безопасное и эффективное развитие, обеспечивающее достижение намеченных целей и приоритетов социального, экологического и экономического характера [13].

Понимая сущность устойчивого развития с позиций безопасного и сбалансированного развития основных подсистем региона — экономики, экологии, социальной сферы — совершенствование системы управления региональным развитием должно осуществляться с учетом, с одной стороны, соотношения результирующих параметров развития основных подсистем региона (экономической, социальной и экологической) с некими предельно критическими величинами, а с другой — выполнения требования развития этих подсистем на паритетной основе.

Параметры безопасного развития, определяемые на основе достаточно широко используемых в настоящее время индикаторов [1, 5, 8], свидетельствуют о том, что развитие российских регионов давно осуществляется за пределами его критических значений (*табл. 1*).

Таблица 1. Соответствие показателей экономического развития Российской Федерации предельно критическим значениям

№ п/п	Наименование показателя	ПКЗ	2000 г.	2011 г.
1.	Объем инвестиций в основной капитал, % к ВВП	25,0	20,25	23,81
2.	Износ основных фондов, %	40,0	43,5	46,3
3.	Доля машиностроения в промышленности, %	25,0	20,5	14,0
4.	Доля обрабатывающих отраслей в промышленности, %	70,0	н/д	65,1
5.	Удельный вес убыточных организаций, %	25,0	39,8	30,0
6.	Рентабельность производства, %	15,0	18,9	9,6
7.	Рентабельность активов, %	12,0	7,6	6,5
8.	Уровень инфляции, %	15,0	20,2	6,1
9.	Уровень монетизации М2 на конец года, % к ВВП	50,0	11,98	35,86
10.	Объем совокупного внешнего долга, % к ВВП на конец года	25,0	61,67	31,20
11.	Доля иностранного капитала в инвестициях, %	25,0	26,48	55,05
12.	Отношение объема внешнеторгового оборота, % к ВВП	30,0	57,78	43,15
13.	Доля инновационно-активных предприятий, %	40,0	8,8	10,4
14.	Доля инноваций, % к ВВП	3,2	н/д	6,3
15.	Расходы на научные исследования, % к ВВП	3,0	0,24	0,56
16.	Доля государственных расходов на экологию, % к ВВП	5,0	1,47	0,74

Что касается сбалансированного развития, то следует отметить, что на сегодняшний день в региональных исследованиях такого рода учет не является достаточно проработанным, что определяет актуальность разработки данной проблематики.

Если использование предельно критических значений показателей в практике регионального управления позволяет получить фиксированную оценку результата развития различных подсистем как составляющих региональных систем, то оценка состояния регионов с позиций сбалансированного развития обеспечивает не только определение равноправного развития этих подсистем, но и направленность, и характер изменений, происходящих в регионе под воздействием различных факторов.

Регион – сложная социально-экономическая система, развитие которой представляет собой многомерный и многоаспектный процесс, носящий разнонаправленный характер. Априори категория «развитие» отождествляется с положительной направленностью происходящих

изменений. Тем не менее развитие может носить как позитивный (прогресс), так и негативный (регресс) характер, находиться в стагнации (застое). В действительности чаще имеет место сочетание прогресса в одних сферах с регрессом или стагнацией в других. Совместно эти процессы формируют так называемый вектор регионального развития, отражающий обобщенный результат сложившихся в региональной системе тенденций, направленность и размер которого зависят от результатов развития составляющих ее подсистем.

Поскольку и развитие, и жизнедеятельность регионов осуществляются под воздействием множества факторов внутренней и внешней среды, совершенствование системы управления регионами предполагает в качестве первоочередного выявления факторов, под воздействием которых они происходят, характера и степени оказываемого ими влияния.

Согласно концепции этапов развития, каждой стадии соответствует свой набор факторов, за счет которых оно преимущественно осуществляется [10, с. 114-115].

Так, территориальные системы, находящиеся на первом этапе, развиваются за счет факторов производства, прежде всего неквалифицированной рабочей силы и природных ресурсов. Развитие территории на этом этапе зависит в основном от эффективно функционирующих государственных и частных институтов, адекватной инфраструктуры, макроэкономической стабильности, а также здоровой и грамотной рабочей силы.

В процессе экономического развития уровень доходов населения повышается, и территории переходят на следующий этап, в рамках которого развитие осуществляется преимущественно за счет эффективности, за счет более эффективных производственных процессов, повышения качества производимой продукции (услуг). На этом этапе развитие все в большей степени определяется качеством человеческого капитала – уровнем среднего и высшего образования и профессиональной подготовки, наличием эффективных рыночных механизмов, хорошо функционирующим рынком труда, развитыми финансовыми рынками, большим размером внутреннего и иностранного рынка, а также способностью использовать существующие технологии с максимальной пользой. И наконец, переход территорий на третий этап развития означает возможность его обеспечения за счет инновационной деятельности, производства новых, уникальных продуктов (услуг) с использованием современных производственных технологий.

С позиций императивов устойчивого развития упомянутая концепция должна быть скорректирована с учетом следующих обстоятельств: во-первых, объективно существующая ограниченность ресурсов обуславливает требование их эффективного использования в целях максимизации

способности систем к существованию на всех этапах развития, а во-вторых, необходимости обеспечения баланса между экономическим ростом, социальной справедливостью и экологической безопасностью [2, 3].

При решении задачи выявления детерминант регионального развития широко применяются традиционные подходы корреляционно-регрессионного анализа и эконометрического моделирования, использующих методы множественной регрессии для установления взаимосвязи эндогенных и экзогенных переменных. Однако их применение осложнено, с одной стороны, ограничениями возможности выявления в действительности независимых переменных, ввиду того что, как правило, все факторы, характеризующие сложные социо-эколого-экономические системы, тесно связаны друг с другом, а с другой – более широким кругом вопросов, ответы на которые невозможно получить с помощью перечисленных методов. Примером такого рода проблем является задача установления степени влияния каждого из рассматриваемых факторов на всю систему в целом при условии, что результирующий фактор (или факторы) не выбран (не выбраны).

В связи с этим продуктивным представляется использование метода главных компонент (МГК), позволяющего исследовать влияние анализируемых факторов на совокупную дисперсию в рамках комплексного анализа изменчивости многофакторных структур. Суть МГК состоит в переходе от описания системы с помощью большого числа измеряемых признаков к ее описанию меньшим числом переменных, отражающих наиболее информативные свойства системы. Другими словами, использование МГК позволяет уменьшить размерность исходных данных.

Именно эта особенность МГК, учитывая сложность региональных систем, обуславливающую рассмотрение значительного количества панельных данных, позволяет установить влияние каждого фактора на общие изменения, протекающие в системе.

Согласно МГК первая главная компонента является линейно независимой комбинацией наиболее значимых факторов, вторая главная компонента – второй по степени значимости комбинацией факторов и т.д.

Авторами предлагается подход, который в отличие от классической трактовки результатов применения МГК позволяет учитывать влияние на процесс развития сложной динамической системы, каковой является регион, во-первых, всех определяемых линейно независимых комбинаций совокупности факторов (главных компонент) и, во-вторых, каждого фактора в отдельности.

В случае когда состояние системы описывается n факторами, число всех главных компонент также равно n и каждая i -я главная компонента имеет вид:

$$a_1^i x_1 + a_2^i x_2 + \dots + a_n^i x_n, \quad i = \overline{1, n}. \quad (1)$$

Таким образом, влияние каждого j -го фактора во всех главных компонентах характеризуют величины $\{a_j^i\}$, $i = \overline{1, n}$, $j = \overline{1, n}$. Для учета обобщенного влияния отдельного j -го фактора во всех главных компонентах необходимо введение в рассмотрение некоторой агрегированной величины: $b_j = f(a_j^1, \dots, a_j^n)$, $j = \overline{1, n}$.

Известно, что каждая i -я главная компонента (1) вносит свой вклад совокупную дисперсию системы λ^i , причем $\sum_{i=1}^n \lambda^i = 1$.

В этой связи данные величины могут трактоваться и как соответствующие характеристики влияния отдельных факторов. Такая трактовка позволяет рассчитать обобщенное влияние каждого фактора как средневзвешенную величину:

$$b_j = \lambda^1 a_j^1 + \lambda^2 a_j^2 + \dots + \lambda^n a_j^n, \\ j = \overline{1, n}. \quad (2)$$

Таким образом, может быть определен вектор $\bar{b} = \{b_1, \dots, b_n\}$, представляющий собой вектор обобщенного влияния факторов, а каждая его компонента – влияние отдельного фактора.

В свою очередь, определение характера регионального развития, рассматриваемого в логике сбалансированного развития, должно выполняться с позиций как экономических аспектов, так и его социальных и экологических характеристик. Другими словами, региональное развитие может быть отождествлено с неким вектором, размер и положение которого в пространственной системе координат позволяют не только количественно, но и наглядно интерпретировать характер развития региона в целом, его сбалансированность. В качестве такого вектора предлагается рассматривать вектор обобщенного влияния факторов $\bar{b} = \{b_1, \dots, b_n\}$. Ориентиром, относительно которого развитие региона идентифицируется как позитивное или негативное, может служить некий гипотетический вектор, принятый в качестве эталонного, компоненты которого примерно одинаковы, то есть характеризует ситуацию, в которой все рассматриваемые факторы оказывают на исследуемую систему примерно одинаковое влияние. В настоящем исследовании в качестве эталонного вектора был принят вектор с равным влиянием составляющих его компонент $\bar{b}^0 = \{1, \dots, 1\}$, который в дальнейшем будем называть вектором сбалансированного влияния.

С позиций предложенного подхода формализованное представление о характере регионального развития может быть получено с помощью таких критериев, как:

- модуль вектора обобщенного влияния факторов в фиксированный момент времени (далее – Кр 1) как характеристика его абсолютной величины (чем больше абсолютная величина этого вектора, тем, очевидно, больше влияние факторов на всю систему);

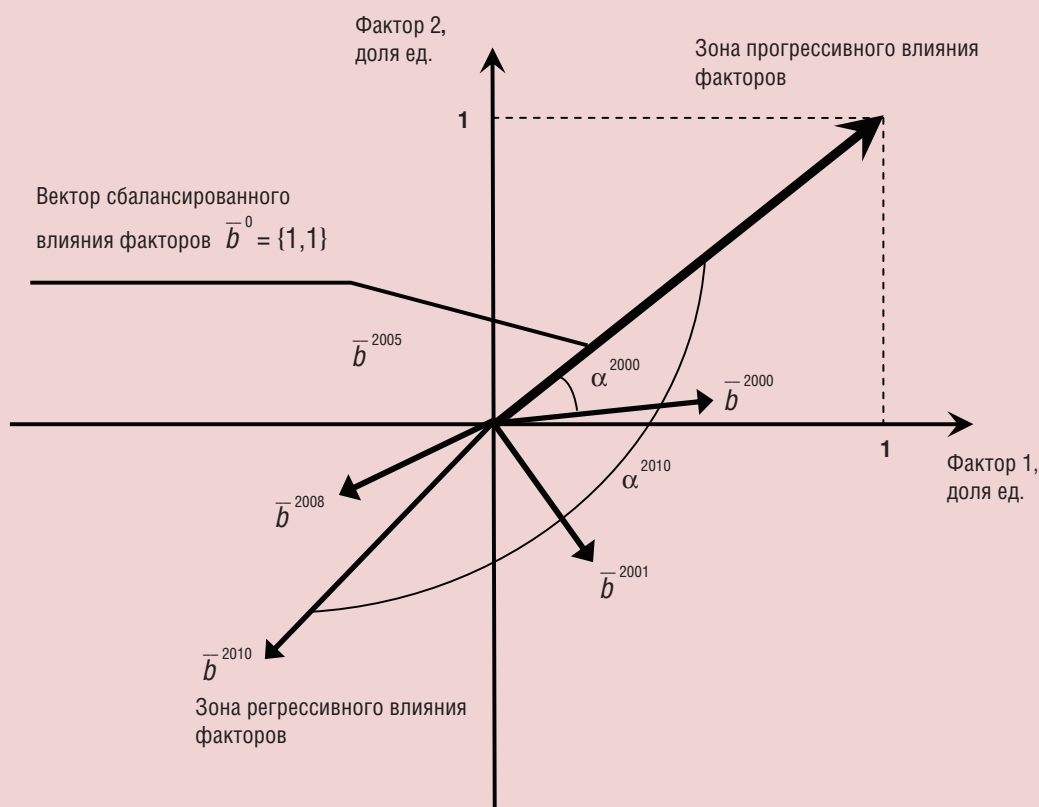
- угол между векторами обобщенного и сбалансированного влияния (далее – Кр 2) (чем меньше угол, тем больше реальное влияние факторов соответствует эталонному, то есть сбалансированному).

Логично выбора вышеупомянутых критериев можно проиллюстрировать на примере динамики гипотетического вектора обобщенного влияния двух факторов (рис. 1).

Совокупность возможных положительных либо отрицательных значений компонент вектора обобщенного влияния определяет зону прогрессивного либо регрессивного влияния анализируемых факторов соответственно. Ситуация, представленная на рисунке 1, демонстрирует постепенное смещение за период 2000–2010 гг. обобщенного влияния факторов (\bar{b}^t) из зоны прогрессивного в зону регрессивного влияния, сопровождающееся его усилением. Об этом свидетельствуют увеличение значений обоих критериев – угла между векторами обобщенного и сбалансированного влияния ($\alpha^{2000} < \alpha^{2010}$), а также модуля вектора обобщенного влияния факторов ($|\bar{b}^{2000}| < |\bar{b}^{2010}|$).

С учетом ранее проведенных исследований [4] представляется целесообразным введение в рассмотрение в числе факторов,

Рисунок 1. Динамика гипотетического вектора обобщенного влияния факторов \bar{b}^t в 2000–2010 гг.

оказывающих влияние на развитие регионов, факторов региональной эффективности, как определяющих развитие российских регионов на современном этапе. Система показателей была сконструирована преимущественно в формате результаты – затраты, сгруппированных по региональным подсистемам (социальной сфере, сферам экономики, экологии, финансов и управления). По нашему мнению, данная система показателей обеспечивает возможность объективной характеристики продуктивности использования имеющихся ресурсов и может быть использована как база для выполнения анализа сбалансированности регионального развития.

Приняв вышеуказанные положения за основу, для определения факторов, детерминирующих сбалансированность регионального развития, мы сформировали систему, включающую 33 показателя. В их число вошли частные показатели, характеризующие эффективность использования отдельных видов ресурсов (труда, инвести-

ций, основных фондов), эффективность использования бюджетных средств в отраслях социальной сферы, результативность функционирования этих отраслей, сферы экологии, эффективность деятельности органов государственной власти и управления, показатели, характеризующие уровень и качество жизни населения.

Информационной базой для апробации предложенного подхода послужили панельные данные региональной эффективности за 2000–2010 гг. по всей совокупности регионов Российской Федерации. Результаты применения изложенного подхода позволили установить отсутствие прогрессивных тенденций в развитии российских регионов, о чем свидетельствуют рост несбалансированности развития и уменьшение величины модуля вектора обобщенного влияния факторов (рис. 2).

С учетом того, что величины b_j , $j = \overline{1, n}$ характеризуют обобщенное влияние j -го фактора на систему в целом (то есть на все главные компоненты), для оценки степени

Рисунок 2. Динамика сбалансированности развития регионов Российской Федерации в 2000–2010 гг.

влияния каждого фактора в отдельности в фиксированный момент времени t и определения на этой основе характера и степени его влияния на процесс регионального развития на временном интервале $[t_1, \dots, t_k]$ целесообразным является осуществление анализа совокупности величин $\{b_j^{t_1}, \dots, b_j^{t_k}\}$, которую предложено рассматривать как векторную.

Тогда обобщенное влияние j -го фактора на систему в динамике характеризуется вектором $\bar{b}_j|_{[t_1, \dots, t_k]} = \{b_j^{t_1}, \dots, b_j^{t_k}\}$ и:

- чем больше длина этого вектора, тем более существенным можно считать влияние соответствующего фактора;
- чем чаще происходит смена знака в компонентах вектора $\bar{b}_j|_{[t_1, \dots, t_k]}$, тем более нестабильным является влияние определяющего его j -го фактора;
- чем больше положительных/отрицательных компонент у вектора $\bar{b}_j|_{[t_1, \dots, t_k]}$, тем чаще j -й фактор оказывает положительный/отрицательный вклад в главные компоненты, а следовательно, и позитивное/негативное влияние на систему в целом.

В этой связи, для определения степени и характера влияния факторов на региональное развитие, в исследовании использовались критерии: модуль вектора обоб-

щенного влияния фактора $\bar{b}_j|_{[t_1, \dots, t_k]}$, число поворотных точек вектора влияния фактора (количество смен знака у компонент вектора $\bar{b}_j|_{[t_1, \dots, t_k]}$) и доля позитивного/негативного влияния фактора (доля положительных/отрицательных компонент вектора $\bar{b}_j|_{[t_1, \dots, t_k]}$).

Для трактовки результатов выполненных расчетов в исследовании введено кодирование регионального рейтинга, представляющего наглядную оценку влияния введенных в рассмотрение факторов на исследуемую систему. Присвоение каждому фактору трехсимвольного кода выполнялось на основе рассчитанных значений вышеуказанных критериев (табл. 2).

Поскольку в сумме доли негативного и позитивного влияния факторов составляют 1, то значение второго символа рейтинга «С» автоматически свидетельствует о высокой доле позитивного влияния фактора. Третий символ рейтинга («+» и «-») отображает характер устойчивости влияния анализируемого фактора на региональные системы.

В соответствии с изложенной логикой типологизацию регионального рейтинга с позиций степени негативного влияния фактора на сбалансированность развития предложено осуществлять следующим образом (табл. 3).

Таблица 2. Кодирование регионального рейтинга

Номер символа кода	Наименование критерия	Диапазон вариации значений критерия	Значение символа кода	Степень и характер негативного влияния фактора на сбалансированность регионального развития
1	Модуль вектора влияния фактора	0,581–0,797	А	Высокая
		0,365–0,580	В	Средняя
		0,147–0,364	С	Слабая
2	Доля негативного влияния фактора	0,500–1,000	А	Высокая
		0,201–0,499	В	Средняя
		0,000–0,200	С	Слабая
3	Число поворотных точек	0–4	+	Устойчивый
		5–10	–	Неустойчивый

Таблица 3. Матрица степени влияния факторов на сбалансированность регионального развития

Модуль вектора влияния фактора		Доля негативного влияния фактора		
		Высокая	Средняя	Слабая
	Высокая	AA+, AA-	AB+, AB-	AC+
	Средняя	BA+, BA-	BB+, BB-	BC+
	Слабая	CA+, CA-	CB+, CB-	CC+

Таким образом, диагностика влияния факторов на развитие региональных систем способствует объективному выбору и обоснованию комплекса мер по выводу регионов на траекторию сбалансированного развития. В зависимости от рассчитанных параметров влияния определяются масштаб, характер и очередность разрабатываемых мер в соответствии с введенной вербальной шкалой – от приоритетной нейтрализации факторов, оказывающих значительное *негативное воздействие* на развитие региональных систем (с рейтингом

AA+, AA–, AB+, AB–, BA+, BA–), до мер поддерживающего характера в случае *позитивного* (CC+, BC+, CB+, CB–) или *неявно выраженного (нейтрального)* (CA+, CA–, BB+, BB–, AC+) *воздействия*.

Результаты проведенных расчетов позволили осуществить детальный анализ влияния введенных в рассмотрение факторов на исследуемую систему и определить их значимость с позиций обеспечения сбалансированного развития и переломления негативного тренда развития российских регионов (табл. 4).

Таблица 4. Факторы, детерминирующие развитие регионов Российской Федерации в 2000–2010 гг.

№ п/п	Наименование показателей	Критерии оценки			Рейтинг	Вербальная оценка влияния фактора
		Модуль вектора влияния	Число поворотных точек	Доля негативного влияния		
1.	2	3	4	5	6	7
	Экономическая подсистема					
1.	Производительность труда, тыс. руб./чел.	0,576	0	1,000	BA+	Негативное
2.	Капиталоотдача, руб./руб.	0,270	5	0,364	CB–	Позитивное
3.	Фондоотдача, руб./руб.	0,665	0	1,000	AA+	Негативное
4.	Доля валового накопления основного капитала в ВРП, %	0,160	3	0,364	CB+	Позитивное
5.	Доля экспорта в ВРП, %	0,563	0	1,000	BA+	Негативное
6.	Отношение объема инновационных товаров (работ, услуг) к затратам на технологические инновации, руб./руб.	0,181	4	0,273	CB+	Позитивное
	Подсистема финансов и управления					
7.	Бюджетная обеспеченность, %	0,185	4	0,273	CB+	Позитивное
8.	Отношение ВРП к численности работников органов государственной власти и местного самоуправления, млрд. руб./чел.	0,797	0	1,000	AA+	Негативное
9.	Отношение ВРП к расходам консолидированных бюджетов на общегосударственные расходы, %	0,695	0	1,000	AA+	Негативное
	Социальная подсистема					
	Демография					
10.	Отношение числа родившихся к числу умерших, %	0,316	2	0,091	CC+	Позитивное
11.	Коэффициенты миграционного прироста	0,427	2	0,909	BA+	Негативное
12.	Отношение естественного прироста населения к сумме расходов консолидированного бюджета субъекта РФ на здравоохранение и социальную политику, чел./тыс. руб.	0,205	2	0,091	CC+	Позитивное

Окончание таблицы 4.

Здравоохранение						
13.	Обеспеченность врачами и средним медицинским персоналом, чел./10000 человек населения	0,167	7	0,636	СА–	Нейтральное
14.	Отношение численности не заболевших к численности врачей и среднего мед. персонала, чел./чел.	0,250	0	0,000	СС+	Позитивное
15.	Отношение численности не заболевших к расходом консолидированного бюджета субъекта РФ на здравоохранение, чел./тыс. руб.	0,361	0	0,000	СС+	Позитивное
16.	Отношение численности не заболевших к инвестициям в основной капитал по виду эк. деятельности «Здравоохранение», чел./тыс. руб.	0,372	0	0,000	ВС+	Позитивное
17.	Заболеваемость, чел./1000 чел. населения	0,264	2	0,909	СА+	Нейтральное
Образование						
18.	Отношение выпуска специалистов средними специальными учебными заведениями к расходам консолидированного бюджета субъекта РФ на общее образование, чел./руб.	0,244	3	0,364	СВ+	Позитивное
19.	Отношение выпуска специалистов средними специальными учебными заведениями к объему инвестиций в основной капитал по виду деятельности «Образование», чел./руб.	0,298	5	0,273	СВ–	Позитивное
20.	Отношение выпуска специалистов средними специальными учебными заведениями к численности населения, %	0,426	0	1,000	ВА+	Негативное
Уровень жизни						
21.	Фактическое конечное потребление домашних хозяйств к кол-ву занятых в экономике, тыс. руб./чел.	0,651	0	1,000	АА+	Негативное
22.	Фактическое конечное потребление домашних хозяйств на душу населения, тыс. руб./чел.	0,691	0	1,000	АА+	Негативное
23.	Доля фактического конечного потребления домашних хозяйств в ВРП, %	0,487	1	0,182	ВС+	Позитивное
24.	Инверсный показатель уровня безработицы, 1/%	0,743	0	1,000	АА+	Негативное
25.	Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, кв. м	0,183	2	0,909	СА+	Нейтральное
26.	Число собственных легковых автомобилей, ед. на 1000 чел. населения	0,555	0	1,000	ВА+	Негативное
27.	Оборот розничной торговли на душу населения, руб./чел.	0,786	0	1,000	АА+	Негативное
28.	Объем платных услуг на душу населения, руб./чел.	0,727	0	1,000	АА+	Негативное
Подсистема экологии						
29.	Доля уловленных загрязняющих атмосферу веществ в общем объеме выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, %	0,234	0	0,000	СС+	Позитивное
30.	Доля оборотной и последовательно используемой воды в общем объеме использования свежей воды, %	0,183	5	0,727	СА–	Позитивное
31.	Отношение ВРП к общему объему выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, тыс. руб./т	0,542	0	1,000	ВА+	Негативное
32.	Отношение ВРП к объему сброса загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты, тыс. руб./куб. м	0,147	5	0,545	СА–	Позитивное
33.	Природоемкость экономики (использование свежей воды к ВРП), куб. м/ руб.	0,237	0	0,000	СС+	Позитивное

К группе факторов негативного влияния по подсистеме «Экономика» можно отнести: производительность труда, фондоотдачу и долю экспорта в ВРП с долей негативного влияния 1,00 (АА+, ВА+). Данный вывод отражает сложившуюся в стране ситуацию деградации экономики, ее производственно-технологического потенциала, функционирования в условиях высокой степени износа основных производственных фондов с незначительной долей инновационных технологий.

Вторая группа факторов с позитивным влиянием на процесс развития включает капиталотдачу, долю валового накопления основного капитала в ВРП, отношение объема инновационных товаров (работ, услуг) к затратам на технологические инновации (СВ–, СВ+).

Особое внимание следует уделить факторам подсистемы управления, оказывавших отрицательный эффект на развитие региональных систем (АА+) в 2000–2010 гг., с разработкой мер, направленных на качественное улучшение функционирования системы.

Согласно выбранной схеме в группу позитивного влияния по подсистеме «Демография» (СС+) входят факторы, характеризующие эффективность физического воспроизводства населения: «отношение числа родившихся к числу умерших» и «отношение естественного прироста населения к сумме расходов консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации на здравоохранение и социальную политику».

В то же время механическое воспроизводство населения, состояние которого отражается коэффициентом миграционного прироста, характеризующегося высокой долей (0,909) и степенью (0,427) негативного влияния, крайне отрицательно сказывается на развитии российских регионов.

Большинство факторов результативности подсистем здравоохранения и образования позитивно влияют на региональное развитие (СС+, ВС+, СВ+, СВ–) либо оказывают на него неявно выраженное воздействие (СА+, СА–), указывая на необходимость осуществления мер, поддерживающих развитие человеческого потенциала.

Анализ влияния факторов подсистемы уровня жизни позволил получить не столь позитивные результаты. Так, большинство факторов подсистемы уровня жизни с рейтингами АА+, ВА+ свидетельствуют о их высоком негативном влиянии на развитие российских регионов, что указывает на наличие существенных ограничений, накладываемых на развитие российских регионов в результате снижения уровня и качества жизни населения.

Позитивное влияние с позиций сбалансированного развития факторов, характеризующих подсистему экологии, при существующем уровне развития промышленности, вероятнее всего, обеспечивается уменьшением нагрузки на окружающую среду в результате снижения производственной деятельности, а не внедрением передовых природоохранных технологий.

На основании представленных данных приоритетными задачами региональных органов власти и управления для перевода российских регионов на траекторию безопасного и сбалансированного развития в сфере экономики должны выступить: повышение параметров эффективности экономики регионов, в особенности в части увеличения производительности труда. В числе мер, предлагаемых для осуществления в приоритетном порядке в социальной сфере, рассматриваются: противодействие тенденциям ухудшения демографической ситуации, депопуляции населения, развитие миграционной политики, содействие развитию и совершенствованию системы здравоохранения и образования, сдер-

живание процесса расслоения населения по уровню доходов, создание новых и сохранение старых рабочих мест. В сфере финансов и управления — это прежде всего повышение эффективности бюрократии аппарата управления как важного фактора, обеспечивающего эффективность развития разноуровневых территорий.

В сфере экологии выводу регионов на траекторию устойчивого развития будет способствовать реализация мероприятий, способствующих минимизации экологического ущерба и снижению природоемкости экономики.

Таким образом, учет характера и степени влияния различных факторов на сбалансированность развития в практике регионального управления позволит повысить обоснованность принимаемых решений с позиций важности достижения приоритетов не только экономического развития, но и, что особенно важно при переходе на постиндустриальный этап, — социо-экологического развития, а мониторинг предельно критических показателей регионального развития позволит получить достоверную информацию о результатах принятых решений.

Литература

1. Глазьев, С.Ю. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием / С.Ю. Глазьев, В.В. Локосов // Вестник Российской академии наук. — 2012. — Том 82. — №7. — С. 587-614.
2. Зырянов, А.И. Ландшафтные рубежи контрастности и территориальные социально-экономические системы / А.И. Зырянов. — Пермь, 1995.
3. Зырянов, А.И. Регион: пространственные отношения природы и общества / А.И. Зырянов. — Пермь: Перм. гос. ун-т, 2006.
4. Кириллова, С.А. Идентификация арктических регионов России с позиций пространственной неоднородности / С.А. Кириллова, О.Г. Кантор // Регион: экономика и социология. — 2013. — №2(78). — С. 48-65.
5. Комплексная методика диагностики экономической безопасности территориальных образований Российской Федерации: препринт // А.И. Татаркин, А.А. Куклин, А.Л. Мызин и др. — Москва — Екатеринбург: УрО РАН, 1998. — 121 с.
6. Коптюг, В.А. Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 г.): информационный обзор / В.А. Коптюг. — Новосибирск, 1992. — С. 19-20.
7. Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию. — М.: Прогресс, 1989.
8. Рябова, Т.Ф. Критерии и индикаторы обеспечения экономической безопасности / Т.Ф. Рябова, Т.В. Колпакова // Экономика, статистика и информатика. — 2007. — №2.
9. Словарь современной экономической теории Макмиллана. — М.: ИНФРА-М, 2003.
10. Стратегическое планирование и аудит социально-экономического развития региона. — М.: Экономика, 2012. — 310 с.
11. Тяпухин, А.П. Сущность, состав и эволюция системы управления устойчивым развитием региона / А.П. Тяпухин, А.Т. Раимова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2009. — №19(52). — С. 21-29.
12. Ускова, Т.В. Теория и методология управления устойчивым социально-экономическим развитием региона: автореф. дис. ... д.э.н. Спец. 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика) / Т.В. Ускова. — Вологда, 2010. — 36 с.
13. Цапиева, О.К. Устойчивое развитие региона: теоретические основы и модель / О.К. Цапиева // Проблемы современной экономики. — 2010. — №2(34).

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 338.45:622.323/.33(470.13-17)

ББК 65.285.1(2Рос.Ком)

© Бурый О.В., Калинина А.А., Луканичева В.П.

Роль топливного сектора субарктических районов в экономике Республики Коми*

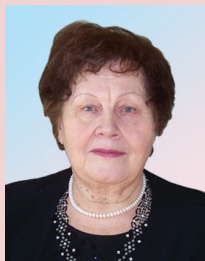
Статья посвящена топливно-энергетическому сектору Печоро-Уральской Арктики. Представлена развернутая характеристика шести субарктических районов Республики Коми с точки зрения базовых видов экономической деятельности. Определена их роль в экономике региона и России. Показаны важнейшие проблемы их развития. Делается вывод о необходимости позиционирования субарктических районов Республики Коми в качестве второго эшелона инфраструктурной поддержки освоения топливно-энергетических ресурсов российской арктической зоны с акцентом на внутреннем устойчивом развитии.

Баренцев/Евро-Арктический регион, Печоро-Уральская Арктика, топливно-энергетические ресурсы, инфраструктура.

**Олег Валерьевич
БУРЫЙ**

кандидат экономических наук, зав. лабораторией Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН
buryi@energy.komisc.ru

**Альбина Александровна
КАЛИНИНА**

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИСЭиЭПС
Коми НЦ УрО РАН
kalinina@energy.komisc.ru

**Вера Павловна
ЛУКАНИЧЕВА**

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИСЭиЭПС
Коми НЦ УрО РАН
lukanicheva@energy.komisc.ru

* Работа выполнена по проекту фундаментальных исследований «Печоро-Уральская Арктика. Роль в экономике Республики Коми, проблемы и направления развития» (№12-7-8-006 – Арктика), руководитель – чл.-корр. РАН В.Н. Лажнецев.

Введение. Арктическая зона Российской Федерации представляет собой мощный хозяйственный комплекс добывающих предприятий, доля добавленной стоимости которых от общемировой арктической зоны составляет 60% (остальные 40% приходятся на Гренландию, Норвегию, Швецию, Финляндию, США и Канаду).

Основное место в экономике арктической зоны России занимают нефтегазовый сектор – соответственно 80 и 65% общей по стране добычи; горнопромышленный комплекс (цветная металлургия, добыча алмазов, золота, бокситов и др.); шесть угольных бассейнов, из которых в промышленном освоении находятся Печорский, Ленский и Южно-Якутский.

Актуальная задача исследования на данном этапе состоит в том, чтобы показать роль системообразующих видов экономической деятельности Республики Коми в поддержке настоящих и будущих процессов освоения природного потенциала Арктики за счет сохранения и использования имеющейся производственной инфраструктуры, а также формирования новых меридиональных связей по всей границе Север–Юг. Такой подход в полной мере соответствует Декларации о сотрудничестве в Баренцевом/Евро-Арктическом регионе в части развития энергетики на основе принципа экологической обоснованности, модернизации инфраструктуры и нового уровня технологий [1].

Печоро-Уральская Арктика (ПУА) – северо-восточная часть Республики Коми в составе таких городских округов, как Воркута, Инта, Усинск, и муниципальных районов – Печорского, Усть-Цилемского и Ижемского, экономически связанных между собой Тимано-Печорской нефтегазоносной провинцией, Печорским угольным бассейном и транспортными коммуникациями (магистральными нефте- и газопроводами, железнодорожной магистралью).

Топливо-энергетический сектор представлен во всех субарктических районах (САР) с разной степенью концентрации, обусловленной динамикой отраслевой специализации: ослаблением роли старопромышленных районов в производстве энергии, увеличением транзита углеводородов из сопредельных регионов, появлением новых зон освоения (рис. 1).

Для ПУА характерны экстремальные условия хозяйствования, суровые природные условия, очаговый характер хозяйственного освоения. Здесь расположены крупные для условий Севера моногорода, в которых сосредоточен практически весь его демографический и производственный потенциал. Остальная территория является труднодоступной из-за отсутствия транспортных связей внутри региона, незначительно заселенной, со слабо развитой производственной базой.

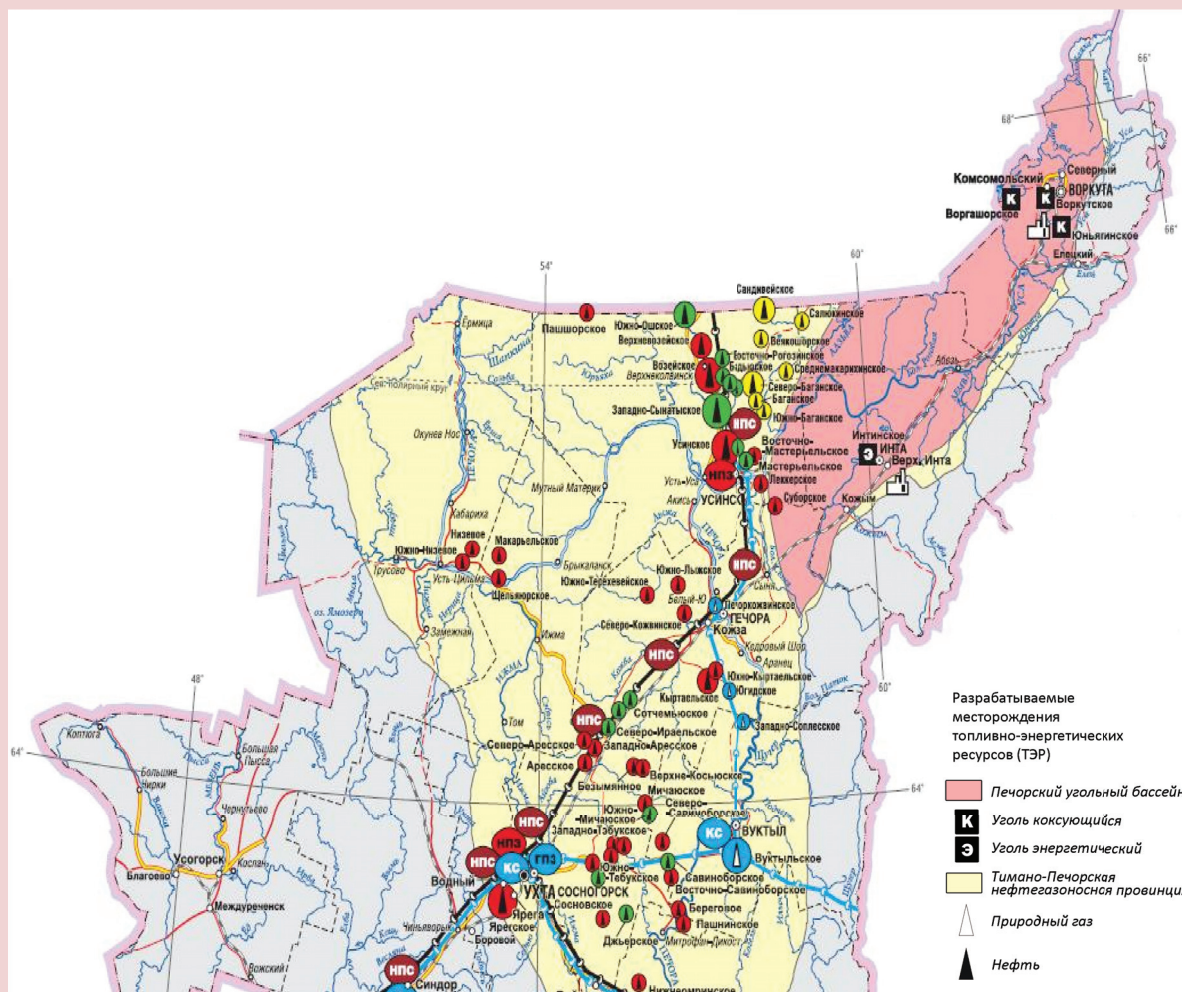
В субарктических районах Республики Коми проживает 30% населения, производится 44% суммарного валового муниципального продукта, из которого 25% – это добыча топлива и сырья и только 1% – их переработка. Преимущественно сырьевой характер производимой продукции сочетается с вывозом и потреблением ее в основном за пределами республики: коксующийся уголь – 100%, энергетический – 44%, нефть, включая газовый конденсат, – 63% и нефтепродукты – 77%.

Характеристика САР. Территории каждого из рассматриваемых субарктических районов, располагающихся в границах Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции и Печорского угольного бассейна, обладают как открытыми, так и потенциальными запасами углеводородного и угольного сырья [3].

Нефтегазовые САР:

1. *Усинский район*, являющийся основным центром нефтедобычи Республики Коми, обеспечивает свыше 65% производимой в республике нефти и 15% газа.

Рисунок 1. Фрагмент карты топливно-энергетического комплекса Республики Коми в границах субарктических районов [2]

Учитывая высокую степень геологической разведанности начальных суммарных ресурсов нефти (более 77%) и характер локализованных объектов (мелкие и очень мелкие с трудноизвлекаемыми запасами), можно отметить, что устойчивое развитие добычи здесь определяется не экстенсивным расширением минерально-сырьевой базы за счет открытия новых месторождений, а интенсификацией работ по повышению нефтеотдачи пластов разрабатываемых месторождений и применением новейших технологий добычи.

2. Печорский район – второй по значимости нефтегазодобывающий центр, ежегодно производящий 17% нефти и 20% газа. Большинство месторождений находятся в начальной и активной стадии освоения, что в сочетании с относительно низкой разведанностью (29% по нефти и 22% по газу) обеспечивает району благоприятные возможности для развития. Для реализации ресурсного потенциала необходимо выполнение большого объема геологоразведочных работ и геофизических исследований.

3. *Ижемский и Усть-Цилемский районы* являются новыми центрами нефтедобычи в республике, находящимися на самом раннем, пионерном этапе развития. Промышленная эксплуатация нескольких мелких месторождений началась только в 2001 году и пока заметного влияния на региональную экономику не оказывает. При наличии нескольких десятков перспективных нефтегазовых структур оба района характеризуются крайне низкой и неравномерной геологической изученностью, отсутствием инфраструктуры и удаленностью от действующих центров добычи, переработки и транспортировки углеводородного сырья.

Угольные САР:

4. *Воркутинский район* — основной центр добычи коксующихся углей (Воркутское, Воргашорское, Юнь-Ягинское месторождения), обеспечивающий 100% их добычи в республике и 81% от общей добычи угля в бассейне. Печорский бассейн характеризуется слабой освоенностью запасов промышленностью. Распределенный фонд на действующих шахтах коксующихся углей составляет всего 8,1% от подготовленных для промышленного освоения запасов категорий А+В+С₁ [4]. Кроме того, в государственном фонде недр числятся 12 перспективных нефтегазовых структур, часть из которых подготовлена к бурению.

Важнейший ресурсный потенциал для развития производства углеводородного сырья в районе представляет метан — попутный компонент добычи коксующихся углей, оцениваемый в 2 трлн. м³ [5].

5. *Интинский район* — второй по значимости район добычи углей, но энергетических (Интинское месторождение). Здесь добыча достигает 19% от общего производства углей в бассейне. Распределенный фонд на действующей шахте составляет 4,2% от подготовленных для промышленного освоения запасов категорий

А+В+С₁ [4]. В то же время район характеризуется незначительным объемом текущей добычи углеводородного сырья. Исходя из установленной нефтегазоносности и крайне низкой геологической изученности территории (6% по нефти и газу), подчеркнём, что район сохраняет высокий потенциал открытия новых месторождений при условии интенсификации региональных геолого-съёмочных и геофизических работ, наращивания объемов параметрического бурения.

Экономическая деятельность субарктических районов. В области добычи, транспорта и переработки углеводородного сырья она характеризуется видовым разнообразием и значительной территориальной дифференциацией. Обобщенная характеристика относительной значимости отдельных отраслей топливно-энергетического комплекса и их влияния на экономическое развитие Печоро-Уральской Арктики представлена в работе [6].

За последние несколько лет в трех из шести САР произошли значительные изменения. Так, в Усинском районе сырьевой профиль, включавший цикл добычи-вывоза углеводородного сырья, дополнился переработкой: уже действовавшим газоперерабатывающим заводом (его основная деятельность — переработка попутного нефтяного газа: 35% объема утилизации с получением отбензиненного газа, 0,2 тыс. т сжиженного газа и 3,8 тыс. т стабильного газового бензина) и новым нефтеперерабатывающим заводом (начиная с 2011 г. — 0,7 млн. т).

Неизбежное продвижение российских вертикально интегрированных нефтяных и газовых компаний на шельф арктических морей может повысить роль Усинска в качестве крупного логистического центра. Но пока такая возможность скорее гипотетическая: во-первых, основные игроки на арктическом шельфе представлены в

регионе лишь номинально, а сам район для них не является ключевым; во-вторых, следует учитывать фактор конкуренции со стороны логистических центров, формирующихся в Архангельске и Мурманске, и аналогичного потенциального центра в Нарьян-Маре. Вне зависимости от арктического вектора повышается роль Печоры в качестве северного транспортного узла Республики Коми. В настоящий момент здесь концентрируются товаротранспортные потоки северной и северо-восточной зон и происходит связка с южным, Ухтинским промышленно-транспортным узлом, соединяющим северо-западные, центральные и восточные зоны производственной деятельности по добыче, транспорту и переработке углеводородного сырья. В перспективе, в случае успешной реализации проекта по сбору и утилизации попутного нефтяного газа северных месторождений на Сосногорском газоперерабатывающем заводе и окончания строительства автомобильной дороги Сыктывкар—Нарьян-Мар, транзитная роль Печоры будет еще больше усиливаться.

В ходе реализации газотранспортного проекта «Ямал—Европа» Воркутинский и Интинский районы дополнили свои угольные циклы новым — транзитом природного газа и обслуживанием линейных сооружений. Однако для этих районов приоритетным и градообразующим остается развитие угольного сектора. Корпоративная политика собственника ОАО «Воркутауголь» направлена на повышение качества товарной продукции за счет увеличения объемов и улучшения технологии обогащения на Печорской ЦОФ, внедрения передовой техники и технологии добычи коксующихся углей. Важным моментом является использование копотируемого шахтного метана на строящейся мини-ТЭЦ мощностью 17,5 МВт на базе газопоршневых двигателей для производства электрической

и тепловой энергии на шахте «Северная». На сегодняшний день предприятия «Воркутауголь» уже частично используют газ, выделяемый при добыче угля в пришахтных котельных.

Динамика основных показателей топливного сектора САР Республики Коми за 2005, 2010, 2011 годы приведена в *таблице 1*.

Уголь. Коксующийся уголь производства ОАО «Воркутауголь», являющийся в России наиболее ценным по технологическим свойствам, сопоставим по качеству с лучшими мировыми брендами. В настоящее время его технологические свойства в полной мере оценены на внутреннем рынке. В перспективе с внедрением технологии пылеугольного вдувания ценность воркутинского угля для металлургов будет только увеличиваться.

Доля ОАО «Воркутауголь» в структуре производства угольных концентратов спекающей основы шихты в РФ в 2011 г. составила 22%, а доля в структуре потребления на внутреннем рынке страны (с учетом импорта) — 20%.

Выпуск основного качественного продукта (концентрат углей) за рассматриваемый период увеличился в 1,27 раза по коксующимся углям, а по энергетическим — уменьшился до 62% от уровня 2005 г.

Производимые ОАО «Воркутауголь» угли применяются: концентрат — в металлургии для производства кокса в качестве основного компонента шихты, рядовой уголь марки ГЖО и промпродукт марки Ж — в тепло- и электроэнергетике.

Поставки печорских углей за пределы республики и на экспорт составили 78%. Следует отметить, что экспорт угля в долларовом эквиваленте значительно вырос благодаря росту экспортной цены на уголь (в 2011 г. — в 1,5 раза по сравнению с 2010 г. и в 2 раза — с 2005 г.). Это делает экспорт угля особенно выгодным для экономики угольной отрасли.

Таблица 1. Динамика основных показателей топливного сектора субарктических районов Республики Коми за 2005, 2010, 2011 годы

Показатель	2005 г.	2010 г.	2011 г.
Уголь			
Добыча, всего млн. т	12,94	13,56	13,4
- коксующийся	8,82	10,82	10,9
- энергетический	4,11	2,74	2,5
Обогащение, всего млн. т	12,28	14,03	...
- коксующийся	8,78	11,29	...
- энергетический	3,50	2,74	2,5
Производство концентрата, всего млн. т	5,36	6,21	5,94
- коксующийся	4,04	5,38	5,12
- энергетический	1,32	0,83	0,82
Поставки товарного угля, всего млн. т	9,18	12,35	9,44
- Республика Коми	1,36	2,78	2,06
- другие регионы России	7,23	7,99	6,39
- экспорт	0,59	1,58	0,99
- то же в млн. долл. США	8	194,9	190,6
Средняя экспортная цена на уголь, долл./т	97,4	127,8	189,7
Нефть			
Добыча, млн. т	8,0	10,9	11,3
Переработка, млн. т	-	-	0,7
Экспорт нефти	4,0	5,3	5,5
Средняя экспортная цена на нефть, долл./т	340,0	543,5	556,0
Газ			
Добыча, млрд. м ³	1,0	0,9	0,9
Переработка, млрд. м ³	0,3	0,2	0,2
Примечание. Составлено по [7]; оценка по экспорту нефти – экспертная, т.к. официальная статистика дает показатель без учета основного экспортера и без разбивки по районам.			

Основным потребителем угольной продукции ОАО «Воркутауголь» является ОАО «Северсталь» (Череповецкий металлургический комбинат).

Потребители интинских углей – предприятия энергетики и коммунально-бытового хозяйства, расположенные в Северо-Западном и Центральном федеральных округах. В связи с газификацией Архангельской области происходит снижение потребления этих углей и переориентация их, в частности, на потребителей Вологодской области (Череповецкая ТЭЦ).

Большая часть потребляемого в Республике Коми печорского угля (95%) приходится на районы его добычи: Воркутинский

и Интинский (ТЭЦ и пришахтные котельные); не более 5% – на остальные территории республики. Еще столько же угля завозится из других районов России. Анализ экономических показателей угольной промышленности САР (табл. 2) показал, что переход на разработку только экономически выгодных пластов, внедрение передовых технологий добычи и более совершенного оборудования позволил обеспечить к 2010–2011 гг. небывалый для Печорского угольного бассейна финансовый результат – 14,6 млрд. руб., повышение рентабельности до 59,1% и снижение в 2011 г. затрат на 1 рубль товарной продукции в 2 раза по сравнению с докризисным 2007 г.

Таблица 2. Основные экономические показатели топливного сектора субарктических регионов Республики Коми

Показатель	2005 г.	2010 г.	2011 г.
Уголь			
Среднесписочная численность работников, тыс. чел.	13,6	9,3	8,8
Доля в общей численности работников экономики, %	2,9	2,0	1,9
Среднемесячная з/пл работников отрасли, тыс. руб.	17,1	38,8	45,7
Отношение к средней з/пл по Республике Коми, раз	1,47	1,48	1,58
Основные фонды, млрд. руб.	13,6	17,6	19,6
Доля в основных фондах экономики, %	2,4	1,4	...
Степень износа основных фондов, %	47,5	50,6	52,0
Инвестиции в основной капитал, млрд. руб.	2,5	1,5	5,5
Доля в общих инвестициях в основной капитал, %	5,3	1,4	3,0
Сальдированный финансовый результат, раз к 2005 г.	1,0	12,9	18,0
Уровень рентабельности проданных товаров, %	27,5	45,7	59,1
Затраты на 1 руб. продукции, руб.	0,73	0,61	0,59
Нефть и газ			
Среднесписочная численность работников, тыс. чел.	17,9	17,7	17,6
Доля в общей численности работников экономики, %	3,8	3,8	3,8
Среднемесячная з/пл работников отрасли, тыс.руб.	26,5	54,7	58,0
Отношение к средней з/пл по Республике Коми, раз	2,28	2,09	2,01
Основные фонды, млрд. руб.	39,6	163,9	196,6
Доля в основных фондах экономики, %	6,9	13,2	...
Степень износа основных фондов, %	37,5	57,0	53,5
Инвестиции в основной капитал, млрд. руб.	9,8	18,2	22,1
Доля в общих инвестициях в основной капитал, %	20,9	18,9	12,0
Сальдированный финансовый результат, раз к 2005 г.	1,0	3,0	5,7
Уровень рентабельности проданных товаров, %	26,6	31,3	21,2
Затраты на 1 руб. продукции, руб.	0,79	0,76	0,73
Примечание. Составлено по [8, 9]; данные по нефтегазовому сектору мы привели в целом по Республике Коми, принимая во внимание, что отдельная статистика по районам отсутствует, а доля САР в добыче превышает 84%.			

Нефть и газ. В последние годы на территории республики перерабатывается от 30 до 40% добываемой нефти. Остальное поставляется на внешний рынок и в незначительных объёмах — на нефтеперерабатывающие заводы других регионов России.

С учетом показателей вывоза в 2011 г. продуктов переработки (61% бензина, 66% дизельного топлива, 89% топочного мазута) можно говорить о том, что самообеспеченность региона находится на очень высоком уровне. Хотя потребности самих субарктических добывающих районов покрываются

в основном за счет привозных продуктов (внутрирегиональных поставок). Сырая нефть остается в регионе главным внешне-экономическим товаром — 78% стоимости экспорта.

Высокая степень освоенности Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции в границах Республики Коми проявляется преимущественно в механизированном способе эксплуатации скважин. Если в 2005 г. разработка месторождений за счет естественной энергии пласта давала треть общего объема добычи, то через пять лет показатель снизился до 12%.

Ограниченные возможности компаний по вводу в эксплуатацию новых месторождений вызывают необходимость более внимательного отношения к бездействующему фонду эксплуатационных скважин на действующих объектах. Если в 2005 г. их удельный вес достигал 37%, то в 2010 году – только 27%. Поддержание в работоспособном состоянии стареющих активов за счет новых технологических решений в сочетании с высокой налоговой нагрузкой сказывается на рентабельности нефтегазового бизнеса, которая, по данным официальной статистики, ниже аналогичных показателей угольной промышленности.

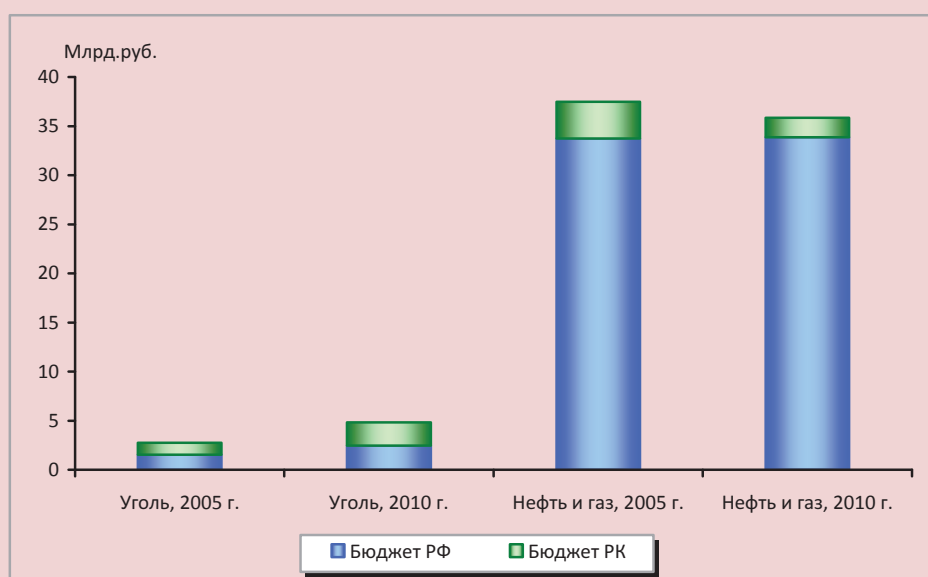
В структуре потребления попутного нефтяного газа (как преобладающего в САР ресурса легких углеводородов) по-прежнему высока доля сжигания его на факелах – 26% в 2005 г. и 31% в 2010 году. В основном газ используется на нужды энергетики, в т.ч. муниципальной и региональной, а также для удовлетворения

собственных технологических потребностей компаний (поддержание пластового давления, подогрев нефти для транспортировки). Отсутствие товарной продукции (сжиженный углеводородный газ) в настоящее время не позволяет рассматривать такую утилизацию как экономически рациональную и экологически эффективную, что особенно актуально для субарктических районов республики.

Улучшение состояния угольной отрасли и относительно стабильное положение нефтедобычи напрямую влияют на формирование бюджетов всех уровней (рис. 2). В соответствии с этим обеспечивается и социально-экономическая устойчивость угледобывающих и нефтяных моногородов (Воркута, Инта, Усинск), т.е. трех из четырех крупных поселений на территории Печоро-Уральской Арктики.

Объем поступлений налоговых платежей в бюджетную систему РФ от предприятий угольной отрасли республики за период с 2005 по 2010 г. возрос с 2,8 до

Рисунок 2. Динамика налоговых отчислений в бюджетную систему Российской Федерации и Республики Коми предприятиями ТЭК Республики Коми

4,8 млрд. руб., в т.ч. в консолидированный бюджет Республики Коми — почти в два раза, что составило 6% всех налоговых поступлений по республике. Всего за этот период в бюджетную систему Российской Федерации угледобывающими компаниями Республики Коми перечислено более 19 млрд. руб., из них в консолидированный бюджет региона — более 9 млрд. руб. Рост объема добычи угля на 1,8 млн. т в 2010 г. по сравнению с 2009 г. привел к значительному увеличению налоговых поступлений во все уровни бюджетов.

В регионе основными налогоплательщиками остаются организации, осуществляющие добычу нефти и газа. Традиционно на них приходилось от 55 до 66% налоговых сборов. Влияние экономического кризиса привело к снижению этой доли в 2010 г. до минимального значения — 44%. Но уже в следующем году сумма перечисленных налогов вновь увеличилась, достигнув 48% совокупных сборов. Рост налога на добычу полезных ископаемых, как основного бюджетного источника, обусловлен изменением мировых цен на нефть. По данным Росстата, в декабре 2011 г. цена нефти сорта «Юралс» сложилась на уровне 107,6 долл./барр., что на 20% выше, чем в предшествовавшем году. Всего же за период с 2005 по 2010 г. нефтегазовый сектор Республики Коми обеспечил поступление в казну почти 287 млрд. руб. налогов. Однако с 1 января 2010 г., в результате того что в федеральный бюджет зачисляются все 100% дохода от нефтяного НДС, консолидированный бюджет региона лишился около 1,5 млрд. руб.

Институциональный аспект функционирования САР. В части регулирования топливного сектора районы Печоро-Уральской Арктики находятся в жесткой зависимости от уровня корпоративной кластери-

зации. Сегодня управление нефтегазовыми и угольными территориями дифференцировано двумя основными группами. В первую, «надрегиональную» группу входят федеральные органы государственной власти, обладающие всеми полномочиями в области ресурсопользования, а также вертикально интегрированные компании, непосредственно осуществляющие эксплуатацию природных ресурсов. Вторую, «субрегиональную» группу формируют государственные органы субъектов Российской Федерации, местное самоуправление и различные институты общественной самоорганизации местного населения по национальному, культурному или территориальному принципу.

Слабость институциональных сил субрегионального уровня, сталкивающихся с развитыми институциональными силами за его пределами, приводит к тому, что все наиболее заметные организационные, экономические и социальные изменения происходят исключительно в местах, где это выгодно экстерриториальным корпорациям, и в тех временных рамках, которые соответствуют их стратегиям. Региональным и местным властям остается лишь делегировать им часть своих полномочий (особенно в части реализации социальных инициатив, развития инфраструктуры), а также реагировать на ситуацию постфактум, ретранслируя корпоративные решения для местного населения и смягчая последствия наиболее чувствительных из них.

Для северных и особенно арктических и субарктических районов не только России, но и всего мира характерно значимое влияние такого института, как организованные представительства местных сообществ, коренных и малочисленных народов Севера. В тех районах, где данная

форма самоорганизации граждан получила наибольшее развитие, корпорации вынуждены корректировать свою политику с целью минимизации издержек от возможного противодействия производственной деятельности компании на конкретной территории и более глобально — недопущения репутационных потерь в бизнес-сообществе.

Механизмом взаимодействия сверх рамок действующего законодательства является общественно-частное партнерство, понятие которого в условиях российской действительности чаще всего подменяется понятием государственно-частного партнерства. Первое регламентировано доброй волей бизнеса и общества, стремящихся повысить обоюдные выгоды хорошей деловой репутации, второе — объективной или субъективной инерционностью законотворчества, когда выработка неформальных правил и следование им требует меньшего объема ресурсов (временных, финансовых, лоббистских) для изменения формальных законов.

Проблемы отраслей ТЭК субарктических районов

Уголь. Дальнейшее повышение эффективности добычи и обогащения печорских углей связано с проведением ряда технических мероприятий, таких как объединение подземными выработками шахт «Воркутинская» и «Заполярная» с выходом на Печорскую ЦОФ, увеличением ее мощности до 9,5 млн. т рядового угля и переходом на замкнутую водно-шламовую схему, обеспечивающую рост выхода концентрата коксующихся углей на 30–40%.

Разработка в России ряда технологий по переработке отходов углеобогащения определяет возможность и необходимость решения этой проблемы для Печорского угольного бассейна. Переработка угольных

шламов, объем которых составляет 8 млн. т, будет способствовать улучшению экологии угледобывающего региона, создаст дополнительные ресурсы качественного энергетического топлива, позволит заместить некачественный уголь для потребителей Республики Коми на брикетное топливо. Для решения этой проблемы в полном объеме требуется участие республики в приобретении соответствующего оборудования, введение льгот по налогообложению до момента окупаемости капитальных вложений, снижение ставок по кредитам.

Отсутствие в России нормативно-законодательной базы, необходимой для дегазации и утилизации шахтного метана, не позволяет пока решить проблему его широкого использования как самостоятельного сырьевого ресурса, исходя из ресурсных возможностей. Разработка программы по расширению добычи шахтного метана не только на действующих, но и закрытых шахтах даст возможность решить проблему топливоснабжения Воркуты газом.

Обеспечение конкурентоспособности угольной продукции перспективных месторождений на рынке, кардинальное улучшение экологии и повышение эффективности производства требуют внедрения технологий глубокой переработки энергетических углей и отходов их обогащения. Это позволит перейти от упрощенной технологической цепочки «добыча угля — частичное обогащение — энергетическое использование» к более совершенной — «добыча — обогащение — частичное энергетическое использование, брикетирование шламов и отсевов — частичное использование на углехимию», тем самым изменив вектор развития угольного региона с сырьевого на перерабатывающий, с получением продукции с повышенной рыночной стоимостью.

Нефть и газ. Эффективное, экологически безопасное и социально ориентированное, т.е. обеспечивающее занятость, доходы, доступность услуг, развитие нефтегазовой деятельности на территории САР Республики Коми напрямую зависит от способности исполнительных органов власти правильно позиционировать регион с точки зрения его ориентации: а) на обслуживание и освоение ресурсов арктического шельфа, б) поддержание устойчивых темпов добычи и переработки углеводородного сырья на континентальной части Тимано-Печорской нефтегазодобывающей провинции и транзита ресурсов Севера и Западной Сибири в центральные районы страны.

Экспансионистская политика имеет ряд серьезных ограничений. Компании-держатели лицензий на освоение шельфовых месторождений («Роснефть» и «Газпром») имеют на территории Республики Коми незначительные по объемам производства активы либо иной профиль деятельности (трубопроводный транспорт), а владелец развитой инфраструктуры («Лукойл») испытывает серьезные политические трудности с доступом к морским месторождениям. При этом у Республики Коми нет ни одного ярко выраженного конкурентного преимущества перед другими нефтегазовыми регионами и арктическими территориями России, чтобы стать «плацдармом для броска на север». В случае успешной реализации такой политики, единственным субарктическим районом из шести, который сможет получить выгоды от экспансии, станет Усинск.

С другой стороны, те же самые основания позволяют снизить риск увода инвестиционных ресурсов с территории. Отсутствие необходимости включаться в «гонку вооружений» при разработке крайне капиталоемкого шельфа даст

региональным компаниям возможность сконцентрироваться на решении проблем внутри провинции. В этом случае вектор развития нефтегазового сектора может быть направлен в сторону северо-востока (Интинский и Воркутинский районы) и северо-запада (Ижемский и Усть-Цилемский районы).

Деятельность регионального правительства должна концентрироваться на решении вопросов развития геологоразведки (в т.ч. за счет собственника недр), защиты конкуренции, предоставления весомых налоговых льгот при разработке мелких, истощенных и трудноизвлекаемых запасов. Это не менее сложная задача, связанная с масштабными финансовыми вливаниями и мощным лоббированием интересов региона на уровне федерального правительства и управляющих органов вертикально-интегрированных нефтяных компаний.

Отказ от арктических притязаний в пользу внутреннего развития положительно скажется не только на шести САР республики, но и на её остальных районах. Вместо ненужной конкуренции с Мурманской, Архангельской областями, Ненецким и Ямало-Ненецким автономными округами за ресурсы развития Республика Коми способна принять участие в формировании второго эшелона инфраструктуры поддержки. В этом случае широтное развитие арктических территорий – вдоль Северного морского пути – дополняется меридиональным развитием транспортных коммуникаций и перерабатывающих мощностей субарктических районов, ориентированных в первую очередь на удовлетворение местных потребностей в топливно-энергетических ресурсах, а также создающих экономическую основу для дальнейшего обживания территории.

Литература

1. Декларация о сотрудничестве в Баренцевом/Евро-Арктическом регионе (Киркенес, Норвегия, 11 января 1993 года) // Мурманская область. Официальный портал. – Режим доступа: <http://gov-murman.ru/cooperation/agreements/bear.shtml>
2. Атлас Республики Коми. – М.: Феория, 2011. – С. 262.
3. Автоматизированная геоинформационная кадастровая система Республики Коми [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.agiks.ru>
4. Государственный баланс запасов полезных ископаемых Российской Федерации. Уголь. – М., 2009. – Т. 2. – 259 с.
5. Мелентьев, Г.Б. О вовлечении в комплексное использование энергохимических ресурсов традиционного и альтернативного битуминозного сырья / Г.Б. Мелентьев, В.М. Короткий // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2012: материалы III Всероссийского семинара. – Ч. I. – С. 286-293.
6. Бурый, О.В. Топология бизнес-пространства в топливно-энергетическом секторе Республики Коми / О.В. Бурый // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2011. – №3(7). – С. 98-105.
7. Производство и использование топливно-энергетических ресурсов в Республике Коми: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2011. – 57 с.
8. Промышленное производство в Республике Коми. 2011: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2011. – 165 с.
9. Статистический ежегодник Республики Коми: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2012. – 483 с.

Роль традиционной и альтернативной энергетики в регионах Севера

В статье рассматриваются особенности энергоснабжения в регионах Севера России, преимущества и недостатки традиционной и альтернативной энергетики. Показано, что крупные электростанции еще долго будут ориентированы на традиционные источники энергии. Альтернативная энергетика может играть важную роль для энергоснабжения малых децентрализованных потребителей. Развитие альтернативной энергетики необходимо также с целью апробации новых технологий выработки энергии.

Электроэнергетика, альтернативная энергетика, Север.

**Анастасия Александровна
ГАСНИКОВА**

кандидат экономических наук, научный сотрудник Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН
agasnikova@iep.kolasc.net.ru, aag80@inbox.ru

Территория российского Севера характеризуется неоднородностью социально-экономического развития, условий хозяйствования, неодинаковой удаленностью разных регионов от транспортных и промышленных центров, расположенных в умеренных широтах. В зависимости от преобладающих на их территории минерально-сырьевых, лесных или других природных ресурсов отличается структура экономики северных регионов. Но в любом случае обеспечение жизнедеятельности населения и нормальное функционирование социально-экономической системы в суровых климатических условиях требуют надежного энергоснабжения потребителей. Организация энергообеспечения в регионах Севера имеет свои особенности, обусловленные наличием тех или иных видов энергоресурсов, историей экономического

освоения разных регионов, их удаленностью от существующих нефте- и газопроводов, концентрацией крупных потребителей в промышленных узлах, плотностью населения, уровнем развития электросетевой инфраструктуры и другими факторами.

Значительную часть потребителей Севера охватывает система централизованного энергоснабжения. В некоторых регионах (Республика Карелия, Мурманская область) энергоснабжение осуществляется централизованно почти на 100%. В большинстве регионов Севера с преимущественно централизованным энергоснабжением крупнейшими производителями энергии являются ТЭС, ТЭЦ или ГРЭС. Гидроэнергетика играет существенную роль в Республике Карелия и Мурманской области, ГЭС работают также в Республике Саха (Якутия), Магаданской области.

Атомные электростанции работают в Мурманской области (Кольская АЭС) и в Чукотском автономном округе (Билибинская АЭС). Централизованное энергоснабжение охватывает территории с относительно высокой плотностью населения – промышленные узлы, в которых присутствуют как крупные производители, так и крупные потребители энергии (промышленные предприятия, крупные населенные пункты). Передача электрической энергии от производителей к потребителям в этом случае осуществляется по линиям электропередачи различных напряжений.

В то же время характерными особенностями обширной территории Севера вне зон промышленного освоения являются низкая плотность населения и наличие множества малых потребителей энергии. В основном такие потребители располагаются в удаленных районах проживания сельского и коренного населения. Их централизованное энергоснабжение нецелесообразно, так как оно потребовало бы строительства протяженной и дорогой инфраструктуры по передаче энергии, а в процессе передачи происходили бы ее высокие потери. Поэтому энергоснабжение малых удаленных потребителей организовано децентрализованно. Такие потребители не подключены к региональной энергосистеме (и тем более к Единой энергетической системе России), они снабжаются энергией от автономных источников, представленных преимущественно малыми государственными или ведомственными электростанциями.

Основываясь на объемах производимой и потребляемой энергии, нельзя сказать, что децентрализованное энергоснабжение играет в регионах Севера главенствующую роль. В общих объемах децентрализованно вырабатывается лишь несколько процентов энергии. Но обеспечение децентрализованной выработки энергии на огромных просторах Севера необходимо:

без этого произойдет деградация условий жизни населения, замедлится освоение имеющихся здесь природных ресурсов, произойдет обезлюдение стратегически важных территорий. Децентрализованная выработка энергии происходит на объектах малой энергетики, в большинстве своем дизельных.

Единое толкование понятия «малая энергетика» отсутствует, но главная характеристика ее объектов – небольшая мощность. В работе [9] малая энергетика трактуется как «энергоисточники с блоками (котлы, турбины) единичной мощностью до 25 МВт, предназначенные для энергоснабжения промышленных и коммунально-бытовых потребителей и работающие параллельно с районной электроэнергетической системой либо автономно».

Для обеспечения работы множества малых электростанций необходимо топливо. При этом многие северные территории сталкиваются с проблемой ограниченной транспортной доступности, поскольку топливно-энергетические ресурсы, а также продовольствие и другие необходимые товары могут быть доставлены лишь в короткие периоды морской и речной навигации в рамках «северного завоза». Необходимость доставлять топливно-энергетические ресурсы издалека, создавать их значительные межсезонные запасы, вместе с тем большая продолжительность отопительного периода обуславливают дороговизну вырабатываемой электрической и тепловой энергии.

Остро стоит вопрос топливообеспечения регионов с низкой степенью освоения локальных топливно-сырьевых баз – Мурманской, Магаданской, Архангельской областей, Чукотского автономного округа [17]. Но даже в тех северных регионах, где развернута масштабная добыча и производство энергоносителей, возникают значительные потребности в завозе топлива – нефтепродуктов и угля.

Даже такие регионы, как Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономный округ, республики Коми и Саха (Якутия), Камчатский край и Сахалинская область, характеризуются той или иной степенью зависимости от поставок того или иного вида топливно-энергетических ресурсов из других регионов. Так, несмотря на наличие мощной топливно-сырьевой базы в Сахалинской области, регион практически полностью зависит от завоза нефтепродуктов с материка: нефть, добываемая в Сахалинской области, реализуется на экспорт или направляется на переработку в Хабаровский край, а затем вновь ввозится на территорию области уже в виде готовых нефтепродуктов [17, с. 93].

Похожая ситуация наблюдается и в других нефтегазодобывающих регионах. Таким образом, проблема снабжения топливом и, соответственно, дороговизны электрической и тепловой энергии, выработанной на его основе, актуальна не только для децентрализованного энергоснабжения малых удаленных потребителей, но и для территориальных энергосистем, имеющих в своем составе крупные ТЭС.

Имеющиеся проблемы необходимо решить так, чтобы в результате повысилась надежность энергоснабжения потребителей, стал ограниченным рост цен на энергию, повысился уровень энергетической безопасности северных территорий и было предотвращено ухудшение экологической обстановки.

В качестве перспективного направления развития электроэнергетики северных регионов, позволяющего снизить остроту обозначенных проблем, обсуждается расширение использования нетрадиционных возобновляемых источников энергии (НВИЭ). Вовлечение в хозяйственный оборот местных НВИЭ нередко рассматривается как способ решить проблемы энергообеспечения малых децентрализованных потребителей. В то же время некоторые

авторы предлагают широкое использование НВИЭ для работы в энергосистеме, чтобы в перспективе заменить ими традиционные источники энергии, в частности полностью отказаться от атомной энергетики. Данная статья посвящена анализу того, какую роль играют разные источники энергии в регионах Севера.

Уточним некоторые понятия.

К *традиционной энергетике* относят область деятельности по выработке энергии с использованием традиционных источников энергии: теплоты сжигаемого топлива (теплоэнергетика), гидроэнергии рек (гидроэнергетика), энергии управляемой цепной ядерной реакции (ядерная энергетика). Во многих случаях велика мощность электростанций, работающих на традиционных источниках энергии и входящих в состав энергосистем, то есть вырабатываемая ими электроэнергия передается потребителям по сети ЛЭП. С другой стороны, в зонах децентрализованного энергоснабжения множество объектов малой энергетики работают на традиционных топливных источниках.

К *нетрадиционной энергетике* относят область деятельности по выработке энергии с использованием нетрадиционных источников энергии. К нетрадиционным относятся такие источники энергии, использование которых для выработки электрической и тепловой энергии ввиду ряда причин еще не вошло в широкую практику. Основными нетрадиционными источниками энергии считаются энергия ветра, гидроэнергия малых рек, энергия солнца. Некоторые вопросы вызывает отнесение к нетрадиционным источникам гидроэнергии малых рек, поскольку много малых ГЭС было построено еще в 1960-е гг., но впоследствии многие из них оказались заброшенными [10]. Нетрадиционную энергетику называют также *альтернативной*, поскольку она представляет собой альтернативу традиционной энергетике.

Помимо традиционных и нетрадиционных различают возобновляемые и невозобновляемые источники энергии. К невозобновляемым источникам энергии относится органическое топливо (в том числе уголь, нефть, газ), ядерное топливо. Возобновляемые источники энергии почти всегда — нетрадиционные, поэтому широкое распространение получил термин «нетрадиционные возобновляемые источники энергии», представляющие собой «источники, постоянно существующие или периодически появляющиеся в окружающей природной среде в виде потоков энергии Солнца, ветра, тепла Земли, энергии морей, океанов, рек, биомассы» [8]. Перечень возобновляемых источников энергии, определенный Федеральным законом «Об электроэнергетике» от 26 марта 2003 года №35-ФЗ, включает энергию солнца, энергию ветра, энергию вод, энергию приливов, энергию волн водных объектов, геотермальную энергию с использованием природных подземных теплоносителей, биомассу, биогаз и некоторые другие.

Традиционная энергетика основана на использовании преимущественно невозобновляемых источников энергии (за исключением гидроэнергетики). Альтернативная (нетрадиционная) энергетика ориентируется на использование нетрадиционных источников энергии. Альтернативную или возобновляемую энергетику не следует отождествлять с малой энергетикой.

Как традиционная, так и альтернативная энергетика имеет свои преимущества и недостатки. Ниже приведен их обзор, составленный на основе анализа работ [1, 2, 4, 5, 10, 13, 15].

К основным преимуществам традиционной энергетики относятся:

- высокая плотность энергетических потоков (сотни киловатт, а иногда и мегаватты на 1 м²);

- высокая степень освоения технологий и развитая структура производства обогатительного производства на всех стадиях: разведка запасов топливно-энергетических ресурсов, их добыча, транспортировка, переработка, использование, выработка энергии и передача ее потребителям;

- развитая инфраструктура научных учреждений, структура подготовки научных и эксплуатационных кадров.

Основные недостатки традиционной энергетики:

- истощаемость топливно-энергетических ресурсов; легкодоступные запасы углеводородов уже отработаны, новые месторождения приходится разрабатывать в труднодоступных районах (Заполярье, Восточная Сибирь, шельф), что вызывает рост себестоимости добычи;

- зависимость от величины поставок и уровня цен на топливо, конъюнктуры рынка топливно-энергетических ресурсов;

- негативное влияние на окружающую природную среду: загрязнение отходами производства, тепловое загрязнение, выброс тепловыми электростанциями в атмосферу двуокиси углерода (углекислого газа), что создает парниковый эффект; особенно вредны угольные электростанции, при работе которых образуется значительное количество золы, сажи, окислов серы и азота, вызывающих кислотные дожди;

- большая потребность в воде;

- потенциальная угроза техногенных катастроф, в том числе аварий на АЭС с выбросом радиоактивных веществ.

Альтернативная энергетика ориентирована в основном на использование НВИЭ, которые не только противопоставляются традиционным энергетическим ресурсам, но и значительно отличаются друг от друга по природе своего возникновения и характеру использования.

Соответственно, альтернативная энергетика обладает как общими преимуществами и недостатками, так и присущими тому или иному виду НВИЭ.

Основные преимущества альтернативной энергетики:

- использование возобновляемых и практически неисчерпаемых источников энергии (ветер, солнечная энергия, геотермальная энергия, энергия приливов и т.п.) позволяет использовать углеводородное сырье в других отраслях экономики (в нефте- и газохимии);

- ориентация на использование местных энергоресурсов (солнце, ветер, геотермальная энергия, биомасса) обеспечивает приближение объектов генерации к объектам потребления, позволяя на 15–20% сократить потери энергии, связанные с ее транспортировкой и распределением;

- меньшее негативное влияние на окружающую природную среду по сравнению с традиционной энергетикой: отсутствие при эксплуатации НВИЭ выбросов загрязняющих веществ, теплового загрязнения; к этому преимуществу примыкает отсутствие экологических издержек, связанных с добычей, переработкой и транспортировкой ископаемого топлива;

- в большинстве случаев электростанции, работающие на основе НВИЭ, легко автоматизируются и могут работать без прямого участия человека;

- низкая вероятность техногенных катастроф;

- возможность использования земли, на которой располагаются нетрадиционные энергоустановки (ветростанции, тепловые насосы, бесплотинные ГЭС), для хозяйственных целей;

- ничтожная потребность в воде (для солнечных, ветровых электростанций);

- развитие альтернативной энергетики стимулирует развитие наукоемких технологий;

- для ветроэнергетики необходимо незначительное изъятие земель: территория между ветроустановками может быть использована в сельском хозяйстве; если ветроустановка устанавливается в морской акватории, необходимости в изъятии земель вообще нет;

- приливная энергетика не вызывает затопления земель;

- солнечные батареи могут быть установлены практически в любом удобном месте (например, на крышах домов либо на неиспользуемых землях). При необходимости солнечные электростанции могут быть легко и быстро демонтированы, а земли использованы для других целей.

Основные недостатки альтернативной энергетики:

- в большинстве случаев энергия альтернативных источников носит рассеянный характер и характеризуется небольшой плотностью энергетических потоков (солнечное излучение составляет менее 1 кВт на 1 м², ветер при скорости 10 м/с и поток воды при скорости 1 м/с – около 500 Вт на 1 м²), что ведет к необходимости больших габаритов энергоустановок;

- альтернативные электростанции нередко проигрывают традиционным по экономическим показателям, вследствие чего имеют значительный срок окупаемости и низкую привлекательность для частных инвестиций;

- нестабильность выдачи мощности и, как следствие, невозможность прогнозирования производства электроэнергии и изменения мощности электростанции по команде оператора энергосистемы;

- необходимость резервировать мощностями традиционной энергетики (для нестабильных источников энергии, таких как солнце, ветер); опыт показывает, что, когда доля мощности энергоустановок, работающих на нестабильных источниках энергии, начинает превышать 20%, в энер-

госистеме возможны серьезные проблемы, для предотвращения которых необходим ввод дополнительных регулирующих мощностей;

- сооружение сложной дорогой инфраструктуры для обеспечения возможности получения электроэнергии от других производителей (или из других районов) в случае снижения выработки электроэнергии от нестабильных источников, необходимость создания «умных сетей» (smart-grid);

- неразвитость в России промышленности по производству энергоустановок, работающих на альтернативных источниках энергии;

- размещение ветропарков требует много места (в ряде случаев этот недостаток компенсируется возможностью использования территории между ветроустановками в сельском хозяйстве);

- работа крупных ветроустановок (мощностью более 1 МВт) может создавать помехи прохождению телевизионных сигналов; размещаемые в прибрежной зоне крупные ветроустановки могут создавать сложности для военных радиолокационных станций, что обуславливает необходимость тщательно выбирать место размещения таких установок на стратегических прибрежных территориях Севера;

- приливные электростанции (ПЭС) обеспечивают выдачу энергии в энергосистему четырьмя пиками в течение суток, при реализации проектов строительства крупных ПЭС такой график может требовать строительства дополнительных регулирующих мощностей;

- сильная зависимость выработки электроэнергии малыми ГЭС от режима реки;

- высокая стоимость и, соответственно, невысокая экономическая эффективность солнечной энергетики.

Очевидно, что при поиске ответа на вопрос о том, какая энергетика лучше, нельзя ориентироваться на количество позиций в изложенных выше списках преимуществ и недостатков. Для принятия решения о развитии того или иного вида энергетики необходимо учитывать множество факторов, среди которых – не только наличие ресурсов, но и потребность в энергии, существующие технологии, стоимость выработки электроэнергии, дальность ее передачи потребителям и т.п.

У альтернативной энергетики есть как сторонники, так и противники. По словам Генерального директора Фонда национальной энергетической безопасности Константина Симонова, «один из главных аргументов сторонников возобновляемой энергетики ... – вся Европа, весь мир занимается возобновляемой энергетикой, а мы существенно отстаем, поэтому нам нужно срочно, срочно компенсировать это отставание» [18]. Симонов указывает на то, что «в Европе абсолютно другая ситуация с точки зрения генерации электроэнергии. Европа – дефицитный по углеводородам регион. Европа закупает нефть, газ, уголь за рубежом, т.е. в целом она сталкивается с необходимостью импорта первичных энергоносителей и пытается найти способы производства электроэнергии на своей территории. При этом опыт европейцев довольно неудачный. В смысле цены, кстати, тоже ... у нас совсем другая ситуация в энергетике. Мы – крупнейшие в мире производители нефтегазового сырья» [18]. В свете этого стремление развивать альтернативную энергетику выглядит не более чем модной тенденцией.

Как уже было отмечено, электростанции, работающие на нетрадиционных источниках энергии, часто проигрывают традиционным электростанциям по экономическим показателям.

Таблица 1. Капитальные вложения в электростанции разного типа

Вид электростанции	Капитальные вложения, долл./кВт	
	2005	2030 (прогноз)
Традиционная гидроэнергетика	1550–5500	1550–5500
Атомные электростанции	1500–1800	1500–2300*
ТЭС на угле	1000–1200	1000–1250
ТЭС на газе	450–600	400–500
Наземная ВЭС	900–1100	800–900
Морская ВЭС	1500–2500	1500–1900

* Оценка авторов работы [1].
Источник: [1] со ссылкой на Международное энергетическое агентство.

В таблице 1 приведена оценка удельных капитальных вложений в электростанции разного типа. На сегодняшний день самым дешевым видом генерации является газовая. Из представленных в таблице видов электростанций в обозримой перспективе снижение удельной стоимости прогнозируется лишь для ветроэлектростанций (ВЭС) и ТЭС на газе. Но дело не только в удельной стоимости 1 кВт установленной мощности. Коэффициенты использования установленной мощности (КИУМ) у солнечной и ветровой генерации в несколько раз ниже, чем у традиционной энергетики [14].

За последние десятилетия, действительно, произошло значительное улучшение экономических показателей электростанций, работающих на основе нетрадиционных источников энергии, и в некоторых случаях они уже могут конкурировать с традиционными электростанциями. Но часто более низкие значения КИУМ в сочетании с рассеянным характером энергии большинства нетрадиционных источников удорожают стоимость вырабатываемой энергии и снижают привлекательность нетрадиционной энергетики для инвесторов.

Часто противники альтернативной энергетики указывают на нестабильность альтернативных источников и, как следствие, на необходимость дублировать нетрадиционные электростанции мощностями традиционной энергетики.

Однако, как показывает практика некоторых стран, если нетрадиционные электростанции составляют не более 20% установленной в энергосистеме мощности и имеется развитая сетевая инфраструктура, связывающая потребителей с электростанциями разных типов, то нет необходимости стопроцентного дублирования мощностей. В то же время если речь идет о малом удаленном потребителе, энергоснабжение которого происходит от нетрадиционной энергоустановки, изолированной от энергосистемы, то необходимо обеспечить дублирование большей части мощности (или мощность целиком). Иными словами, если удаленный изолированный потребитель использует, например, ветровую энергоустановку, у него в резерве должен быть дизельный генератор и запас топлива для его работы на случай, если ветер перестанет дуть.

В таблице 2 представлены данные об энергоснабжении регионов России, полностью отнесенных к территории Севера. Таблица составлена с использованием материалов [3, 6, 7, 11, 12, 16, 19, 20].

Несмотря на значительный технический потенциал некоторых нетрадиционных источников энергии, планы строительства крупных электростанций на их основе, как правило, остаются на бумаге. Напротив, проекты строительства объектов малой энергетики на базе нетрадиционных источников энергии чаще получают практическую реализацию.

Таблица 2. Особенности энергоснабжения регионов Севера

Регион	Энергоснабжение на территории	Крупные традиционные мощности	Потенциал и значимые проекты альтернативной энергетики
Мурманская область	Централизованное, децентрализованное	АЭС, ГЭС	Работает Кислогубская приливная электростанция (ПЭС) установленной мощностью 400 кВт. Высокий ветропотенциал. Опытная ВЭУ мощностью 200 кВт. Существуют нереализованные проекты строительства ветропарков. Разработан проект строительства ветроагрегатов мощностью 150-400 кВт для параллельной работы с дизелями для энергоснабжения малых потребителей.
Республика Карелия	Централизованное, децентрализованное	ГЭС, ТЭЦ	В эксплуатации находятся шесть малых ГЭС. Имеются запасы торфа. В ряде населенных пунктов предполагается строительство пяти ветроэлектростанций общей мощностью 15,1 МВт. Рассматривается возможность применения древесных отходов и отходов животноводства.
Архангельская область	Преимущественно* децентрализованное	ТЭС	Работают два ветродизельных комплекса мощностью 450 кВт и 100 кВт. Одобрено технико-экономическое обоснование (ТЭО) строительства мини-ТЭС на биотопливе мощностью 5 МВт. Существует проект Мезенской ПЭС, мощность которой в 2020 г. может составить 700 МВт, а в перспективе – 4000 МВт.
Ненецкий автономный округ	Децентрализованное	Нет	Долгосрочная целевая программа развития энергетического комплекса округа предусматривает создание ветродизельных электростанций в отдаленных населенных пунктах.
Республика Коми	Централизованное, децентрализованное	ТЭС	В 2006 г. открылся завод по производству биотоплива (топливных гранул) проектной производительностью 1200 тонн биотоплива в месяц; рынки сбыта – Западная Европа и потребители региона. Действует ветроэлектрический парк «Заполярный» (2,5 МВт).
Ямало-Ненецкий автономный округ	Преимущественно децентрализованное	ТЭС	Нет данных
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	Преимущественно децентрализованное	ТЭС	Имеющиеся НВИЭ: отходы лесной и деревообрабатывающей промышленности; биоэнергетический потенциал отходов сельского хозяйства; энергия малых рек. Возможно строительство ветроэнергетических установок в удаленных поселках.
Республика Тыва	Децентрализованное	Нет	В рамках программы «400 солнечных юрт» разработаны компактные гелиоэлектростанции мощностью по 140 Вт. Разработана «Концепция развития и схема размещения объектов малой гидроэнергетики на территории Республики Тыва», в соответствии с которой уже введена в эксплуатацию малая ГЭС.
Республика Саха (Якутия)	Преимущественно децентрализованное	ТЭС, ГЭС	С 2007 г. в п. Тикси работает ветровая энергоустановка мощностью 250 кВт. В 2011 г. запущена солнечная электростанция (СЭС) мощностью 10 кВт в параллельной работе с дизельной электростанцией, в 2012 г. ее мощность была увеличена до 30 кВт. В 2012 г. введена также еще одна СЭС мощностью 20 кВт. Планируется ТЭЦ малой мощности в районах, где есть отходы деревообрабатывающей промышленности. Рассматриваются планы по строительству ГЭС малой мощности.
Магаданская область	Преимущественно децентрализованное	ТЭС, ГЭС	Нет данных
Чукотский автономный округ	Децентрализованное	ТЭС, АЭС	В 2003 г. построена ветродизельная электростанция мощностью 3,0 МВт. Строительство ветровых установок планируется по всему восточному побережью. В 2001 г. был разработан проект освоения Кукуных горячих ключей и строительства системы горячего водоснабжения п. Лорино и ТЭО использования геотермальных ресурсов для создания системы центрального отопления в с. Новое Чаплино.
Камчатский край	Децентрализованное	ТЭС	Работают две ВЭУ мощностью по 250 кВт на острове Беринга и малая ГЭС мощностью 1,7 МВт. Действуют три геотермальные электростанции общей мощностью более 70 МВт. Геотермальные ресурсы оцениваются в 5000 МВт.
Сахалинская область	Централизованное, децентрализованное	ТЭС	Имеются геотермальные источники. На острове Кунашир введены в эксплуатацию первый агрегат Менделеевской ГеоТЭС мощностью 1,8 МВт и геотермальная тепловая станция ГТС-700 мощностью 17 Гкал/ч.

* Преимущественно по площади охватываемой территории.

При этом можно заметить закономерность: чем больше в регионе децентрализованных потребителей энергии, чем менее регион охвачен сетями ЛЭП и транспортной сетью, чем более удаленным от поставщиков топливно-энергетических ресурсов (нефтеперерабатывающих заводов, угледобывающих предприятий, систем транспортировки и распределения природного газа) он является, тем большее внимание в нем уделяется практической реализации проектов освоения нетрадиционных источников энергии.

Мурманская область является энергоизбыточным регионом, и проекты в сфере нетрадиционной энергетики носят здесь экспериментальный характер. На побережье Баренцева моря в 90 км от г. Мурманска работает Кислогубская ПЭС, которая предоставлена для исследований Научно-исследовательскому институту энергетических сооружений (НИИЭС) и НИИ «Гидропроект». В области был опыт сооружения отдельной ветроустановки (ВЭУ ОАО «Ветроэнерго» мощностью 200 кВт [1]).

Республика Карелия в отличие от Мурманской области электродефицитна, и здесь уделяют больше внимания альтернативным источникам энергии. Несмотря на то, что Карелия может получать (и получает) посредством ЛЭП избыточную мощность Кольской энергосистемы, республика заинтересована в повышении и собственной энергонезависимости, и энергетической безопасности своих потребителей, в том числе малых. В эксплуатации уже находятся шесть малых ГЭС (формально они входят в состав каскада Сунских ГЭС). Рассматривается возможность использования ветровых ресурсов Приладожья и Прионежья, запасов торфа, применения древесных отходов и отходов животноводства для выработки электрической и тепловой энергии.

Долгосрочная целевая программа развития энергетического комплекса Ненецкого автономного округа предусматривает создание инновационных ветродизельных электростанций в отдаленных населенных пунктах региона, что позволит существенно сократить государственные затраты на «северный завоз». На территории Архангельской области имеется ветродизельный комплекс в поселках Каменка (мощностью 450 кВт) и Долгощелье (мощностью 100 кВт), одобрено технико-экономическое обоснование строительства мини-ТЭС на биотопливе мощностью 5 МВт в селе Лешуконское. Крупным проектом является строительство Мезенской ПЭС, но не ясно, будет ли этот проект реализован, поскольку он предусмотрен лишь для максимального варианта «Генеральной схемы размещения объектов электроэнергетики до 2020 года».

Республика Тыва отличается от других регионов, отнесенных к северным, своим расположением не в высоких широтах. Это обуславливает сравнительно большую перспективность солнечной энергетики в данном регионе, что нашло отражение в принятии в 2003 году республиканской программы «400 солнечных юрт», подразумевающей создание компактных гелиоэлектростанций. В республике предусматривается также создание объектов малой гидроэнергетики. Подобного рода малые источники электроэнергии удобны для использования в отдаленных, горных и труднодоступных районах региона.

Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, республики Коми и Саха (Якутия), Камчатский край и Сахалинская область находятся в относительно лучших условиях хозяйствования по критерию самостоятельного обеспечения энергоносителями по сравнению с другими регионами Севера [17].

При этом Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, Республика Коми более охвачены инфраструктурой доставки топлива (нефтепроводы), и энергетика данных регионов ориентируется на традиционные источники энергии, хотя в них в значительном количестве имеются альтернативные источники. Из заметных проектов, связанных с альтернативными источниками энергии, стоит отметить открытый в Республике Коми в 2006 году завод по производству биотоплива, однако он ориентирован не только на местных потребителей, но и на экспорт.

В Республике Саха (Якутия) с 2007 года работает ветроустановка, вырабатывающая энергию для поселка Тикси. В 2011 году впервые в Якутии запущена солнечная электрическая станция мощностью 10 кВт в параллельной работе с дизельной электростанцией в п. Батамай Кобяйского района. Солнечные панели хорошо зарекомендовали себя, в результате чего в 2012 году мощность станции была увеличена до 30 кВт, а в п. Ючюгей Оймяконского района была построена еще одна солнечная электростанция мощностью 20 кВт [11]. В дальнейшем с целью развития малой энергетики планируется строительство ТЭЦ малой мощности, работающих на местных углях или на отходах деревообрабатывающей промышленности, а также ГЭС малой мощности.

В Чукотском автономном округе запасы возобновляемой энергии значительны, но до настоящего времени практически не использовались. В 2003 году здесь была построена первая ветродизельная электростанция установленной мощностью 3,0 МВт. В перспективе строительство ветровых установок планируется осуществить по всему восточному побережью Чукотки. Имеющиеся в автономном округе геотермальные ресурсы

могут быть использованы для обеспечения работы систем горячего водоснабжения и центрального отопления близлежащих населенных пунктов.

В Камчатском крае представлено несколько видов альтернативных электростанций. Здесь имеется малая ГЭС на реке Быстрая, две ВЭУ на острове Беринга, а также действуют три геотермальные электростанции. Все геотермальные станции принадлежат ОАО «Геотерм», которое является дочерней компанией ОАО «Рус-Гидро». Такое разнообразие альтернативных электростанций на Камчатке можно объяснить не только наличием соответствующих энергоресурсов и децентрализованной организацией энергоснабжения потребителей на большей части территории края, но и изолированным расположением Камчатского края на полуострове, способствующим ориентации энергетики на местные ресурсы.

В Сахалинской области на Курильских островах нетрадиционная энергетика представлена геотермальными источниками. На острове Итуруп разведаны запасы пароводяной смеси в количестве, достаточном для обеспечения электроснабжения г. Курильска. На острове Кунашир уже введены в эксплуатацию первый агрегат Менделеевской ГеоТЭС и геотермальная тепловая станция.

Таким образом, в разных регионах Севера есть удачные примеры работы объектов малой энергетики на основе альтернативных источников энергии. Но строительства крупных электростанций на их основе не происходит. Отчасти это можно объяснить тем, что на значительной части малонаселенной территории Севера вообще нет потребности в крупных электростанциях. Однако проекты крупных электростанций на основе нетрадиционных источников не реализуются и в тех регионах, где больше плотность населения,

где присутствуют крупные промышленные потребители и где нетрадиционные электростанции могли бы работать в составе региональных энергосистем наравне с традиционными мощностями. Так, на бумаге остались проекты ветропарков на побережье Баренцева моря в Мурманской области. Неясно, будет ли реализован проект создания Мезенской ПЭС в Архангельской области.

Роль традиционной и альтернативной энергетики в энергоснабжении регионов Севера определяется ее преимуществами и недостатками. Тот или иной вид энергетики развивается там, где это целесообразно. На территориях с относительно высокой плотностью населения, в регионах, в которых присутствуют крупные промышленные узлы и в которых исторически упор делался на создание крупных электростанций (преимущественно тепловых и/или гидроэнергетических), еще долго важную роль будет играть традиционная электроэнергетика. Отдельные нетрадиционные мощности в таких регионах могут создаваться для снабжения малых потребителей, удаленных от промышленных узлов и не подключенных к сети ЛЭП. Отдельные нетрадиционные энергоустановки могут эксплуатироваться также в экспериментальном порядке. Но массовое сооружение крупных электростанций на основе нетрадиционных источников энергии, способных заменить традиционную энергетику в ближайшие годы, в таких регионах не предвидится.

Альтернативная энергетика в северных регионах играет свою роль — важную, но отличную от роли традиционной энергетики. Эксплуатация альтернативных энергоустановок целесообразна там, где присутствует множество децентрализованных потребителей, где низка плотность населения, то есть там, где нужна малая энергетика.

На удаленных территориях эксплуатация малых нетрадиционных энергоустановок, ориентированных на использование местных альтернативных энергоресурсов, позволит снизить остроту проблемы «северного завоза» топлива, уменьшить стоимость выработки электроэнергии, повысить надежность энергоснабжения местных малых потребителей. Это не значит, что на удаленных территориях можно полностью отказаться от традиционных мощностей, поскольку мощности альтернативной энергетики необходимо в той или иной степени дублировать мощностями традиционной энергетики, чтобы в случае падения (прекращения) выработки энергии от нетрадиционного источника быстро переключиться на энергоснабжение от резервного источника. Однако роль альтернативной энергетики в регионах Севера выше, чем в большинстве северных регионов, из-за особенностей размещения производительных сил, низкой плотности населения и т.д.

Следует отметить, что развитие альтернативной электроэнергетики важно еще с одной точки зрения. В настоящее время Россия — страна-экспортер нефтегазового сырья и в целом не испытывает дефицита топливно-энергетических ресурсов (хотя перед отдельными регионами проблема дефицита топлива стоит весьма серьезно). Но традиционные топливно-энергетические ресурсы исчерпаемы, их легкодоступные запасы уже отработаны, и себестоимость их добычи будет только расти. Значительная часть гидроэнергетических ресурсов крупных рек уже освоена. Все это говорит о том, что рано или поздно в нашей стране возникнет необходимость диверсификации первичных источников энергии за счет более широкого освоения альтернативных энергетических ресурсов. Однако Россия существенно отстает от ведущих

стран по разработке и освоению технологий использования альтернативных источников энергии. Государственная поддержка развития альтернативной энергетики, в приоритетном порядке оказываемая

проектам, осуществляемым на основе разработанных в России технологий и с использованием произведенного в России оборудования, будет способствовать сокращению этого отставания.

Литература

1. Безруких, П.П. Ветроэнергетика. Вымыслы и факты. Ответы на 100 вопросов / П.П. Безруких, П.П. Безруких (младший). – М.: Институт устойчивого развития Общественной палаты Российской Федерации: Центр экологической политики России, 2011. – 74 с.
2. Безруких, П.П. Об экологических и стоимостных показателях возобновляемой и традиционной энергетики / П.П. Безруких / Сайт Института энергетической стратегии. – Режим доступа: http://www.energystategy.ru/ab_ins/source/Bezrukih-20.11.12.ppt.
3. В Ненецком автономном округе появятся ветроэлектростанции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://energyland.info/news-show-tek-alternate-97983>.
4. Возобновляемая энергетика для регионов. – EnergyLand.info [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://energyland.info/analitic-show-99047>.
5. Вопросы и ответы о возобновляемых источниках энергии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rushydro.ru/industry/biblioteka/14289.html?print=y>.
6. Генеральная схема размещения объектов электроэнергетики до 2020 года: одобрена распоряжением Правительства РФ от 22.02.2008 №215-р. [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Годовой отчет ОАО «Геотерм» за 2012 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.geotherm.rushydro.ru/upload/iblock/6cd/Godovoj-otchet-Geoterm-2012.pdf>.
8. Голованова, Л.А. Основные аспекты территориального энергосбережения / Л.А. Голованова. – Хабаровск: Изд-во ХГТУ, 2002. – 115 с.
9. Колобов, Ю.И. Малая энергетика в системе энергоснабжения Республики Коми / Ю.И. Колобов, Л.В. Чайка. – Сыктывкар, 2000. – 140 с.
10. Лабейш, В.Г. Нетрадиционные и возобновляемые источники энергии: учеб. пособие / В.Г. Лабейш. – СПб.: СЗТУ, 2003. – 79 с.
11. О компании ОАО «Сахаэнерго» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sakhaenergo.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2&Itemid=1.
12. Обзор применяемых в субъектах Российской Федерации возобновляемых источников энергии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minregion.ru/OpenFile.ashx/obzor.doc?AttachID=1175>.
13. Перов, А. И солнечную генерацию, и ветровую нужно тем или иным способом дублировать [Электронный ресурс] / А. Перов. – Режим доступа: <http://www.energystate.ru/news/4403.html>.
14. Перов, А. Низкоуглеродная энергетика [Электронный ресурс] / А. Перов // Независимая газета. – 2011. – 31 мая. – Режим доступа: http://www.ng.ru/energy/2011-05-31/14_trends.html.
15. Попель, О.С. Возобновляемые источники энергии в регионах Российской Федерации: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] / О.С. Попель. – Режим доступа: http://www.energосovet.ru/bul_stat.php?idd=210.
16. Распоряжение Правительства Ханты-Мансийского АО – Югры от 19 февраля 2010 г. №89-рп «О вопросах энергосбережения и повышения энергетической эффективности в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.n-vartovsk.ru/files/cms/2011/315/2088/2088_0.doc.
17. Северные территории в общероссийском, региональном, муниципальном пространстве: моногр. / под науч. ред. д.э.н. Т.П. Скуфьиной. – Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2012. – 121 с.
18. Симонов, К. Хорошо ли русскому то, что хорошо европейцу? [Электронный ресурс] / К. Симонов. – Режим доступа: <http://www.energystate.ru/news/4339.html>.
19. Строительство ветродизельной системы электроснабжения малых потребителей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cnti.murmansk.ru/invest/Innov/sftp/sf4.htm>.
20. ТГК-1 в Республике Карелия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tgc1.ru/production/complex/korelia-branch>.

Глубокая переработка уловов — фактор повышения экономической эффективности рыболовства

Показано, что современный уровень переработки уловов не соответствует целям развития морского рыболовства, поставленным в Концепции развития рыбного хозяйства РФ на период до 2020 г. и Государственной программе РФ «Развитие рыбохозяйственного комплекса». Обоснованы мероприятия для их достижения: развитие прибрежного рыболовства, внедрение инновационных технологий и техники на береговых предприятиях, создание интегрированных предприятий по добыче и переработке гидробионтов, совершенствование организации экспорта, стимулирование выгрузок рыбной продукции на российский берег.

Морское рыболовство, Северный бассейн, уровень переработки уловов, высокотехнологичная продукция.

**Анатолий Михайлович
ВАСИЛЬЕВ**

доктор экономических наук, зав. отделом Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН
vasiliev@pgi.ru

В Концепции развития рыбного хозяйства Российской Федерации на период до 2020 года (далее — Концепция) [1] и в Государственной программе Российской Федерации «Развитие рыбохозяйственного комплекса» (далее — Госпрограмма) [2], в частности, записано: «Стратегической целью является достижение к 2020 году уровня экономического и социального развития рыбного хозяйства, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI века, занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции.

Достижение поставленной цели предусматривает обеспечение перехода развития рыбохозяйственного комплекса от экспортно-сырьевого типа к инновационному типу развития».

Суть проблемы заключается в том, чтобы экспортировать и поставлять на внутренний рынок преимущественно рыбопродукцию высокотехнологичной (глубокой) разделки, перерабатывать рыбные отходы. Однако в настоящее время положение совершенно иное. Донные виды рыб (треска, пикша, сайда, окуни, палтусы и другие), которые и должны в большей мере перерабатываться в разнообразную продукцию, подвергаются только минимальной разделке (отрезается головная часть и удаляются внутренности). В таком виде осуществляется поставка как на внутренний рынок, так и за рубеж, где они используются как сырье для производства разнообразных видов рыбопродукции. В ограниченном объеме вырабатывается филе. Рыбу

пелагических видов (сельдь, скумбрия, мойва и другие) засаливают, коптят, а также реализуют мороженой неразделанной.

Вследствие неразвитости высокотехнологичной переработки в российском рыболовстве, в том числе и на Северном бассейне, низка добавленная стоимость и незначителен вклад рыбной отрасли в региональный валовой продукт.

В морском рыболовстве уловы рыбы и морепродуктов могут перерабатываться в море на промысловых судах и плавбазах или доставляться в порты для производства различных видов продукции на береговых предприятиях.

На Северном рыбохозяйственном бассейне в дореформенный период уловы в максимально возможной степени перерабатывались в море. В этих целях на траулерах, не имеющих морозильных агрегатов, уловы использовались для производства полуфабриката (потрошенная обезглавленная рыба), часть которого направлялась на засолку на борту судна, а часть передавалась бесконтактным способом на плавбазу. Кроме того, изготавливались клипфиск (соленая треска без костей), охлажденная рыба, пересыпанная льдом, консервы и пищевой жир из печени трески, рыбная мука из некондиционной рыбы и отходов.

На траулерах-фабриках и на плавбазах вырабатывались филе, рыба спецразделки, мороженая обезглавленная и потрошенная рыба, различные консервы и пресервы, рыбная мука.

Эта рыбопродукция поступала как в торговую сеть для продажи населению, так и на дальнейшую переработку на береговых предприятиях. При этом следует учитывать, что продукция, произведенная в море или на береговых заводах из охлажденного сырья, считается более качественной и, как правило, пользуется большим спросом и имеет более высокую цену.

На береговых предприятиях в основном производились те виды продукции, выработка которых в море была невозможна, или ограничена: копченая, вяленая, структурированная (высокотехнологичная) продукция, различные кулинарные изделия, консервы и пресервы, пищевой, ветеринарный и технический рыбные жиры, рыбная мука из отходов и другие.

В результате реализации описанной схемы достигался достаточно высокий и экологичный уровень переработки уловов. Например, в 1980, 1981 годах, когда были достигнуты одни из самых высоких объемы добычи, коэффициенты «глубины» разделки рыбы (отношение объектов продукции к объемам добычи) составили соответственно 0,69 и 0,71. Это означает, что добытое биологическое сырье в результате переработки сократилось в объемах на 31 и 29,4%. Населению в значительных количествах были поставлены готовая к употреблению рыбопродукция и полуфабрикаты. Коэффициенты выхода готовой пищевой продукции из сырья, направленного на пищевые цели, определялись в 0,796 и 0,814. Производство консервов и пресервов в 1980 г. составляло 189 787 туб., в 1981 г. – 174 141 туб., рыбной муки – соответственно 96,7 и 86,6 тыс. тонн [3].

К настоящему времени состав промыслового флота и ассортимент выпускаемой продукции кардинально изменились. Во-первых, общая численность траулеров по сравнению с уровнем 1980 г. уменьшилась с 403 до 275 ед. (на 68,2%).

Во-вторых, количество судов, не оборудованных морозильными агрегатами, работавших раньше в одной технологической цепи с береговыми предприятиями, сократилось с 99 до 42 ед. (на 57,6%), из них 31 ед. (73,8%) – малые суда для прибрежного лова; вследствие этого резко уменьшилось снабжение населения и береговых заводов охлажденной рыбой.

В-третьих, количество судов, способных перерабатывать отходы и некондиционное сырье в рыбную муку и жир, уменьшилось до 69 ед. (до 25% общего состава), остальные выбрасывают за борт отходы и рыбу, непригодную для производства пищевой продукции.

В-четвертых, количество траулеров, оборудованных филетировочными агрегатами, уменьшилось со 186 ед. (46,2% от общей численности) до 70 ед. (25% общей численности) [4].

Таким образом, изменения в составе промыслового флота не способствуют достижению целей, поставленных в Концепции и Госпрограмме. А выбрасывание за борт некондиционной и нецелевой рыбы, а также отходов от разделки уловов противоречит целям ответственного рыболовства и ведет к снижению его народнохозяйственной эффективности. Ведь за борт выбрасывается мелкая рыба, приловы нецелевых ценных видов рыб и до 67% массы рыб целевого вылова, из которых можно изготовить сотни тонн пищевой продукции и рыбной муки, необходимой сельскому хозяйству и являющейся основным компонентом при производстве кормов для выращивания хищных видов рыб в аквакультуре.

Такое положение создано в результате преимущественного использования на Северном бассейне судов без рыбомучных установок (РМУ) западных проектов. Эти траулеры значительно производительнее традиционных по вылову и имеют меньшие экипажи.

Однако страны с развитым рыболовством используют их в Северной Атлантике ограниченно, вследствие развития прибрежного рыболовства с помощью небольших судов и сейнер-траулеров, доставляющих уловы для переработки на береговые предприятия. Только в России они становятся преобладающим типом

судна, что обусловлено большой удаленностью основных промысловых районов, неразвитостью прибрежного лова и отсутствием ограничений для тралового лова. В настоящее время подобные суда добывают уже примерно 1/3 общего объема вылова, а донных видов рыб — больше половины общего объема. В среднесрочной перспективе траулерами западной постройки будет добываться около 90% общей квоты донных видов рыб, выделенной Северному бассейну России.

Изменения в составе промыслового флота и рыбоперерабатывающем оборудовании (на судах и береговых заводах) стали одним из основных факторов, обусловивших иной ассортимент рыбопродукции, выпускаемой как на судах, так и на береговых предприятиях. Так, в 2011 г. коэффициент «глубины» разделки рыбы составил 0,862, что хуже результатов 1980 г. — 0,69 и 1981 г. — 0,7. Рыба разделывалась в меньшей степени, несмотря на то, что объем добытой рыбы донных видов, подлежащих разделке, был больше — соответственно на 25,3 и 26,1%. Основными видами рыбопродукции в 2011 г. стали: мороженая рыба — 87,9% общего объема и филе — 6% (в 1980 г. эти виды продукции составляли 80,2 и 0,8%). Различных видов рыбопродукции высокотехнологичной (глубокой) разделки в 1980 г. было произведено намного больше, чем в 2011 г.: консервов и пресервов — в 16,7 раза, кулинарных изделий — 39,1 раза, копченой рыбы и балыков — 48,8 раза, сушено-вяленой рыбы — 7,6 раза, кормовой муки — 14,6 раза и рыбьих жиров — в 24,4 раза. Примерно такая же ситуация наблюдается и в сравнении с 1981 годом [5].

Экономические условия также не всегда благоприятствуют увеличению производства рыбопродукции «глубокой» разделки, основным видом которой на Северном бассейне России в настоящее время является филе.

В таблице 1, по данным российской и норвежской отчетности, на примере экспорта рыбопродукции из трески показана выручка, приходящаяся на 1 т сырца при производстве обезглавленной трески и филе. Так, в 2009 г. хозяйствующими субъектами Мурманской области было продано за рубеж 68,250 тыс. т продукции из трески, в том числе 58,15 тыс. т обезглавленной и потрошенной продукции (85,2% от общего объема экспорта трески) и 7,9 тыс. т филе (11,6%). Прочие виды продукции составили только 2,2 тыс. т (3,2%).

Примерно такой же ассортимент экспортной рыбопродукции наблюдается и в другие годы рассматриваемого десятилетия.

Из данных таблицы 1 видно, что в 2009 г., по затратам сырца, экспортировать треску в виде филе было на 18% выгоднее, чем треску обезглавленную. В 2011 г. этот аргумент был утрачен, а учитывая, что трудоемкость производства филе по сравнению с обезглавленной треской [4] примерно в 1,6–2 раза выше, можно увидеть

невыгодность изготовления филе в отдельные годы. По этой причине некоторые судовладельцы даже демонтировали имевшиеся на борту филетировочные агрегаты, предпочитая выпускать только обезглавленную треску.

Финансовые результаты можно было бы улучшить за счет производства рыбной муки и жира из отходов, которые составляют от 33 до 67% веса рыбы. Однако РМУ, как отмечалось выше, отсутствуют на нынешних судах западных проектов и будут отсутствовать в перспективе.

Норвежцы экспортируют и поставляют на внутренний рынок более широкий ассортимент продукции, что обусловлено другой схемой рыболовства и переработки уловов. Во-первых, в Норвегии все уловы, в соответствии с существующим законодательством, подлежат выгрузке на отечественный берег.

Во-вторых, развито прибрежное рыболовство и примерно 70% добычи трески и пикши осуществляется малыми судами.

Таблица 1. Данные об экспорте рыбопродукции из трески

Вид продукции	Тыс. т	Стоимость, млн. долл. США	Цена за кг, долл. США	Истрчено сырья, тыс. т	Стоимость продукции из сырья, долл. США
2009 год					
Из России (Мурманская область)					
Треска мороженая без головы, потрошенная	68,25	120,2	2,07	90,0	1,335
Филе мороженое	7,9	30,3	3,8	24,1	1,576
Из Норвегии					
Треска мороженая без головы, потрошенная	28,8	72,2	2,56	43,7	1,652
Филе мороженое	14,07	90,0	6,4	42,9	2,097
2011 год					
Из России (Мурманская область)					
Треска мороженая без головы, потрошенная	72,8	213,8	2,9	112,8	1,922
Филе мороженое	11,1	61,7	5,6	33,7	1,831
Из Норвегии					
Треска мороженая без головы, потрошенная	42,7	149,5	3,5	66,2	2,258
Филе мороженое	19,2	132,7	6,91	58,6	2,264
Источники: экспорт рыбной продукции Мурманской области по данным Областного комитета статистики; экспорт рыбной продукции Норвегии по данным Института рыболовства Nofima.					

Около половины оставшейся части общего улова добывается свежьевыми траулерами и лишь около 15% норвежской квоты трески и пикши вылавливается судами-фабриками.

В-третьих, переработкой рыбы на берегу занимаются около 140 предприятий. Они сравнительно хорошо обеспечиваются охлажденным сырьем и изготавливают разнообразную продукцию.

Описанная схема рыболовства позволяет Норвегии производить широкий ассортимент рыбной продукции, направляемой в основном на экспорт (табл. 2).

Сравнивая ассортимент норвежского экспорта трески с продукцией экспорта Мурманской области на основе данных 2011 года, необходимо отметить следующее:

1. Продукция неглубокой разделки, – а к этой продукции мы относим мороженую и соленую рыбу (общепринятого определения пока не существует), – в общем объеме норвежского экспорта составляет 25,8%, российского (Мурманская область) – 84,7%.

2. В составе российского экспорта отсутствует наиболее дорогой вид продукции –

клипфиск, который по весу в общем объеме экспорта Норвегии составляет 27,3%, а по стоимости – 37,7%.

3. Стоимость 1 кг любого вида рыбопродукции, вывозимой за рубеж Норвегией, выше удельной стоимости продукции Мурманской области. Совокупная (средняя) цена 1 кг экспортной норвежской продукции выше российской в 2011 г. почти в 2 раза (в 2010 г. – в 2,1 раза и в 2009 г. – в 2,58 раза).

4. Расчетные потери мурманских рыбаков из-за разницы в ценах при реализации продукции их трески на международном рынке в 2011 г. составили приблизительно 65 млн. долл. США (в 2010 г. – около 43 млн. долл. США и в 2009 г. – около 50,0 млн. долл. США). Примерно в таких же суммах определяется и ущерб, полученный вследствие худшего ассортимента экспортной продукции.

Анализ ситуации, которая сложится в ближайшие годы на Северном бассейне, как показано выше, будет характеризоваться ограниченными, по техническим и экономическим причинам, возможностями производства высокотехнологичной рыбо-

Таблица 2. Ассортимент экспортной рыбопродукции Норвегии из трески

Вид продукции	2009 г.			2010 г.			2011 г.		
	Объем, тыс. т	Стоимость, млн. долл. США	Цена 1 кг, долл. США	Объем, тыс. т	Стоимость, млн. долл. США	Цена 1 кг, долл. США	Объем, тыс. т	Стоимость, млн. долл. США	Цена 1 кг, долл. США
Охлажденная	14,9	58,4	3,92	17,5	64,8	3,7	25,5	114,8	4,5
Мороженая	28,2	72,2	2,56	34,9	102,6	2,94	42,7	149,5	3,5
Филе охлажденное	5,9	63,6	10,78	5,95	66,4	11,16	-	-	-
Филе мороженое	17,1	90,0	6,4	18,8	112,0	5,96	19,2	132,7	6,91
Филе соленое	0,9	6,8	7,56	0,65	4,2	6,53	-	-	-
Сушеная	4,2	78,1	18,0	5,1	83,5	16,38	4,0	94,8	23,7
Соленая	20,8	112,3	5,4	25,0	126,0	5,04	29,1	180,4	6,2
Клипфиск	34,3	267,5	7,8	41,3	319,2	7,73	45,0	407,3	9,05
Сушеные головы	1,7	6,3	3,73	2,8	9,6	3,44	-	-	-
Фарш	1,03	2,7	2,62	1,4	4,0	2,88	-	-	-
Всего	126,0	757,9	6,01	153,0	892,3	5,81	165,5	1079,5	6,6

продукции на промысловых судах, свидетельствует о том, что предусматриваемый Концепцией переход рыбохозяйственного комплекса от экспортно-сырьевого к инновационному типу развития возможен только путем массового подключения к решению данной проблемы береговых рыбообрабатывающих предприятий. Сделать это без вмешательства государства, только рыночными мерами, по нашему мнению, нельзя.

Основными причинами этого являются изложенные в статье трансформации в составе промыслового флота и переориентация поставок продукции донных видов рыб на зарубежные рынки. Вследствие этого изменилась идеология производства. Если раньше добывающие флота зависели от береговых предприятий и последние могли оказывать влияние на цены сырья и полуфабриката, то в настоящее время береговые предприятия поставлены перед необходимостью приобретать для дальнейшей переработки готовую мороженую продукцию флотов, которая по понятным причинам несколько дороже, и производимая продукция становится нерентабельной.

Институциональные меры государственных органов в прошедшие перестроенные годы были направлены только на развитие рыболовства и не способствовали увеличению глубокой переработки биоресурсов. Руководство Федерального агентства по рыболовству до сих пор заявляет, что, в соответствии с правами и обязанностями, береговая переработка не входит в сферу их интересов. В итоге получили то, что в Концепции предлагается исправить, но не указывается, каким образом.

Научное исследование экономической эффективности работы комплекса «добывающие суда – рыбоперерабатывающий завод», проведенное во Владивостоке

(в ТУРНФе), показывает, что при глубокой переработке основного промыслового объекта – минтая, поставки которого осуществляются на внешний рынок преимущественно в виде «колодки», общая рентабельность продукции по сравнению с продажами с судов несколько снижается, но происходит значительное увеличение реализации и добавленной стоимости, создаваемой на 1 тонну добытых биоресурсов [6]. Это и есть рациональное использование биоресурсов.

На основании данного исследования сделан вывод, что развитие береговой глубокой рыбопереработки на территории РФ приносит наибольшую выгоду государству, тогда как рыбодобывающие предприятия могут ее не иметь.

Таким образом, проблема увеличения производства продукции с большой добавленной стоимостью связана со снижением рентабельности продаж у судов океанического промысла, принадлежащих поставщикам сырья для береговых заводов. Решение этого вопроса на государственном уровне возможно или путем предоставления добывающим организациям очередных преференций, или за счет создания стимулирующего механизма. Например, предлагается субсидировать поставки сырья для береговых заводов, что, по нашему мнению, нецелесообразно, так как это касается в основном гидробионтов, добыча которых связана с получением значительных рентных доходов. В целях снижения цен на сырьё и полуфабрикат они могут быть несколько уменьшены [7].

Методики наделения рыбодобытчиков квотами, стимулирующие глубокую разделку на судах, существуют. Один из вариантов, в котором можно учесть и поставки сырья для береговых заводов по эффективным ценам, разработан в ИЭП КНЦ РАН.

Следует обратить внимание на то, что получение долей квот на долговременный период в наибольшей мере устраивает судовладельцев, и не исключено, что они могут пойти на некоторое обоснованное расчетами снижение цен на рыбу, предназначенную для переработки на берегу. Разработку и согласование договорных цен должны осуществлять ассоциации рыбаков и рыбопереработчиков под наблюдением государственных органов, как это многие годы делается в Норвегии.

Необходимо модернизировать систему внешней торговли рыбой. Создание ненужной конкуренции, что наблюдается в настоящее время, ведет к значительным финансовым потерям. Так, по разным причинам в июле 2011 г. средняя фактическая цена российского экспорта рыбы составляла лишь 53% от уровня импортных цен [8]. В данной статье показано, что цены на экспортную продукцию из Норвегии значительно выше, чем из России. Кроме того, чрезмерный экспорт ведет к дефициту сырья и рыбопродукции, способствует поддержанию высоких цен на внутреннем рынке.

Изложенное выше, а также исследования ситуации с развитием береговой переработки в Советском Союзе и за рубежом позволяют утверждать, что наиболее доступным и эффективным методом обеспечения рыбным сырьем береговых предприятий является развитие прибрежного промысла с использованием рефрижераторных судов (без морозильных установок). В этих целях в странах с развитым рыболовством на добыче донных видов рыб используются преимущественно суда длиной до 30 м. Наряду с тралами, широко используются яруса, сети, снюрреводы и другие орудия лова, позволяющие экономить топливо и тем самым уменьшать себестоимость добычи и вести селективный промысел.

Для добычи массовых пелагических видов рыб используются в основном сейнер-траулеры с рефрижераторными танками, применяющие для добычи высокопроизводительные кошельковые невода. Суда без морозильных установок, как правило, «привязаны» к определенным береговым заводам, что позволяет на договорной основе обеспечивать ритмичность их работы, повышать эффективность переработки уловов, перераспределять природную ренту.

Развитие прибрежного рыболовства стимулируется во всех странах, ведущих промысел в Северной Атлантике. В этих целях строительство траулеров-фабрик ограничивается государством, судам, доставляющим на фабрики рыбу в неразделанном виде, выдаются большие квоты биоресурсов; квотами ценных биоресурсов наделяются прибрежные сообщества, цены «с первых рук» регулируются с участием добытчиков, переработчиков и государства.

Эффективность использования сейнер-траулеров на добыче пелагических видов рыб наглядно демонстрирует Норвегия, не испытывающая трудностей с освоением квот любых гидробионтов в неограниченном объеме. Высокая производительность промысла позволяет норвежцам снабжать рыбным сырьем по взаимовыгодным ценам и мурманские предприятия.

Например, объемы поставляемой свежей мойвы ограничиваются пропускной способностью приемных устройств в Мурманском рыбном порту и перерабатываемыми мощностями предприятий. Из-за отсутствия таких судов у мурманских судовладельцев, неразвитости инфраструктурных портовых объектов и береговых перерабатывающих мощностей Россия уже потеряла треть общедопустимого улова мойвы; не осваиваются запасы креветки, сайки.

Прибрежный промысел, осуществляемый в Баренцевом море, не в полной мере соответствует своему предназначению, так как законодательные нормы позволяют и морозильным судам осваивать квоты. По этой и другим причинам более половины уловов не доходят до перерабатывающих предприятий.

Действенной мерой развития производства высокотехнологичной продукции, на наш взгляд, является создание интегрированных предприятий по добыче и береговой переработке [9]. По этому пути идут большинство стран с развитым рыболовством на Североатлантическом побережье. На Северном бассейне рыбодобывающие компании не желают заниматься береговой переработкой, так как это связано с необходимостью решения многих проблем, в том числе с инвестированием в новые технологии. Оптимизирование этого процесса возможно за счет перераспределения квот в пользу инновационных предприятий.

Выводы

Выполнение положения Концепции и Государственной программы РФ о «...переходе развития рыбохозяйственного комплекса к инновационному типу развития...» возможно за счет следующих мероприятий.

1. Создание экспортного Совета, финансируемого добывающими предприятиями. Совет должен разрабатывать стратегию экспортной деятельности, исследовать мировой рынок рыбопродукции, разрабатывать рекомендации экспортерам.

Результатом деятельности экспортного Совета должно стать повышение экспортной выручки за счет роста цен на рыбопродукцию.

2. Увеличение масштабов и совершенствование организации прибрежного рыболовства. В результате осуществления предлагаемых в статье мероприятий в отношении прибрежного рыболовства улучшится обеспечение населения и береговых заводов рыбным сырьем и полуфабрикатами, расширится и улучшится ассортимент выпускаемой продукции, увеличится экспортная выручка.

3. Создание интегрированных предприятий по добыче и переработке водных биологических ресурсов. Эти предприятия должны стать основными для расширения ассортимента производимой продукции, в том числе высокотехнологичной, инновационной, а также для организации фирменной торговли без посредников.

В заключение следует сказать, что на Северном рыбопромышленном бассейне имеется значительный задел инновационных технологий, не востребованных промышленностью. И одной из причин этого является отсутствие стабильной системы обеспечения сырьем береговых предприятий и их неразвитость. Только комплексное развитие флота и береговых предприятий позволит реализовать Концепцию развития рыбного хозяйства РФ на период до 2020 года и Государственную программу Российской Федерации «Развитие рыбохозяйственного комплекса».

Литература

1. Концепция развития рыбного хозяйства РФ до 2020 г. (с изм., утв. распоряжением Правительства РФ от 21.07.2008 г. №1057-р) // СЗ РФ. – 2008. – №30. – Ч. II. – Ст. 3682.
2. Развитие рыбохозяйственного комплекса: проект Государственной программы Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fish.gov.ru/lawbase/Documents//>.

3. Объяснительная записка о хозяйственно-финансовой деятельности за 1981 год / Министерство рыбного хозяйства СССР, Всесоюзное рыбопромышленное объединение Северного бассейна «Севрыба». – Мурманск, 1982. – С. 215.
4. Реестр судов Мурманского морского порта.
5. Рыбохозяйственный комплекс Мурманской области / Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. – Мурманск, 2012. – С. 31.
6. Готов, Д.Б. Оценка экономической эффективности рыбной промышленности / Д.Б. Готов, А.Ю. Блинов // Оценка ущерба от незаконного промысла водных биоресурсов в Дальневосточном рыбопромысловом бассейне. Экономические меры противодействия браконьерству. – Владивосток, 2005. – Ч. I. – 52 с.
7. Соколов, В.И. Сделано прибрежно. 12-мильная зона – это барьер, который сдерживает развитие рыболовства / В.И. Соколов // Рыбное хозяйство. – 2011. – №6. – С. 17-22.
8. Митупов, Т. Рыба вместо мяса / Т. Митупов // Рыбное хозяйство. – 2011. – №5. – С. 7-8.
9. Васильев, А.М. Интеграция в рыбной отрасли как фактор социально-экономической эффективности / А.М. Васильев, А.Н. Тоболев // Рыбное хозяйство. – 2004. – №2.

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

УДК 331.522 (470.1/.2)

ББК 65.240 (231)

© Попова Л.А., Терентьева М.А.

Сравнительная характеристика динамики трудового потенциала регионов Северо-Западного федерального округа*

В статье рассмотрены методические подходы к количественно-качественной оценке трудового потенциала региона. Произведен сравнительный анализ динамики трудового потенциала регионов Северо-Западного федерального округа России за 2002–2010 гг. Определено место Республики Коми по уровню развития трудового потенциала среди регионов округа. Выявлены основные причины благоприятной динамики индекса развития трудового потенциала.

Трудовой потенциал, индекс развития трудового потенциала, Северо-Западный федеральный округ, Республика Коми.

**Лариса Алексеевна
ПОПОВА**

доктор экономических наук, зам. директора по научной работе Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН
popova@iespn.komisc.ru

**Марина Алексеевна
ТЕРЕНТЬЕВА**

младший научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН
iesp@mail.ru

Трудовой потенциал – это совокупная общественная способность к труду, т.е. потенциальная трудовая дееспособность общества, ресурсы труда. От количественных и качественных характеристик трудо-

вого потенциала зависят успехи в модернизации экономики страны. В настоящее время Россия подошла к черте, за которой количественные характеристики ресурсов труда будут неуклонно ухудшаться.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Программы Президиума РАН №31 «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал», проект «Формирование и использование трудового потенциала Республики Коми» (регистрационный номер 12-П-7-1005).

Если в период 1989–2002 гг. удельный вес населения трудоспособного возраста, являющегося основой ресурсов труда, увеличился с 57 до 61,3%, то в межпереписной период (2002–2010 гг.), несмотря на продолжавшийся миграционный приток трудоспособного населения из стран ближнего зарубежья, он остался практически без изменения (61,3 и 61,6% соответственно). При этом в стране большое количество регионов, испытывающих на протяжении десятилетий устойчивый миграционный отток. В условиях повышения показателей рождаемости и увеличения продолжительности жизни населения, характерных для 2000-х годов, последний межпереписной период в этих регионах уже ознаменовался уменьшением доли населения в трудоспособном возрасте. Поэтому вопросы, связанные с оценкой динамики трудового потенциала региона, факторов, определяющих его уровень, и возможностей улучшения его качественных характеристик, представляют значительный интерес.

Трудовой потенциал страны и ее регионов — это соответствующие трудовые ресурсы, рассматриваемые в аспекте единства их качественной и количественной сторон. Можно сказать, что это трудовые ресурсы в качественном измерении [1, с. 40–41]. Количественные характеристики ресурсов для труда возможно оценить на основе данных переписей населения, текущей демографической статистики и выборочных обследований по вопросам занятости населения, регулярно проводимых в стране с 1992 г. Качественная характеристика трудового потенциала не имеет единого синтетического выражения. Несмотря на многочисленные исследования, единой методологии оценки количественно-качественных характеристик трудового потенциала пока нет. Так, в исследованиях Института социально-экономических проблем народонаселения РАН [2, 3] система

компонентов трудового потенциала представляется в виде «дерева» свойств, вершиной которого является наиболее общее свойство — социальная дееспособность. В основе такой структуры лежит концепция качественных характеристик населения. Данную методику применяют в своих исследованиях и сотрудники вологодского Института социально-экономического развития территорий РАН [4, 5], с 1996 г. ежегодно анализирующие состояние трудового потенциала Вологодской области и перспективы его развития. Авторский коллектив выделяет такие компоненты трудового потенциала, как здоровье, нравственность, умение работать в коллективе, творческий потенциал, активность, организованность, образование, профессионализм, ресурсы рабочего времени.

В более поздних исследованиях Института социально-экономических проблем народонаселения РАН [6] акцент делается на качественной стороне трудового потенциала с учетом демографического ресурса, в рамках которого, собственно, и формируется человеческий и трудовой потенциал. Качество трудового потенциала авторы характеризуют системой показателей, отражающих его количественные и качественные признаки: численность и состав экономически активного населения; здоровье; образование и квалификацию; производительность труда.

Учеными Санкт-Петербургской социологической школы [7] была разработана концепция трехзвенного состава трудового потенциала, включающего психофизиологический потенциал (состояние здоровья, тип нервной системы, работоспособность и выносливость), производственно-квалификационный потенциал (объем общих и специальных знаний, трудовых навыков и умений, степень развития способности к систематическому труду, умения продуктивно работать) и личностный потенциал (степень социальной зрелости, ценностные

ориентации, интересы, потребности и запросы в сфере труда, желание и готовность трудиться добросовестно и с полной отдачей).

В Ивановском госуниверситете предлагается методика [8], в которой также рассматриваются три компонента трудового потенциала: психофизический (ожидаемая продолжительность жизни при рождении, уровень смертности населения в трудоспособном возрасте, уровень смертности населения от самоубийств и убийств, уровень заболеваемости населения, уровень преступности), социальный (уровень бедности, коэффициент уровня жизни, доля расходов на питание, наличие предметов длительного пользования, уровень накоплений) и образовательно-интеллектуальный (доля экономически активного населения с высоким уровнем профессионального образования, уровень занятости в науке, доля специалистов и руководителей, численность аспирантов и докторантов, доля исследователей и техников в общей численности занятых в науке).

В Самарской государственной экономической академии [9] для оценки трудового потенциала применяется методика, основанная на использовании экспертных оценок потенциальных возможностей трудовой деятельности населения разных возрастных групп (отдельно по полу), с учетом их численности и уровня трудовой активности.

В Башкирском государственном университете разработана методика системного анализа состава и структуры трудового потенциала страны и региона [10, 11], которая позволяет раскрыть современную конструкцию трудового потенциала, выявить количественные (демографическая структура) и качественные (профессионально-квалификационная структура населения) параметры трудового потенциала, соответствие трудоспособного населения потребностям рыночной экономики, установить

характер и степень его трудовой активности. В качестве базовых индикаторов развития трудового потенциала в этой методике рассматриваются: 1) доля трудоспособного населения в общей численности населения; 2) уровень образования, профессиональной подготовки и переподготовки, квалификации и опыта работы, способствующие повышению дееспособности работника; 3) уровень заработной платы; 4) вооруженность труда работника необходимыми средствами и орудиями труда; 5) уровень занятости, трудовой активности.

Для всех пяти базовых индикаторов по единой формуле рассчитываются частные индексы:

$$I_n = (K_{\text{факт.}(n)} - K_{\text{min}(n)}) / (K_{\text{max}(n)} - K_{\text{min}(n)}),$$

где $K_{\text{факт.}(n)}$, $K_{\text{min}(n)}$, $K_{\text{max}(n)}$ — соответственно, фактическое, минимальное и максимальное значения компонента n в трудовом потенциале.

Общий индекс развития трудового потенциала является синтезом частных индексов. Он рассчитывается как их средняя арифметическая величина. Значения всех компонентов индекса развития трудового потенциала, так же как и значение интегрального индекса, изменяются от «0» до «1». Этот диапазон позволяет оценить путь, пройденный регионом в направлении достижения максимально возможного уровня рассматриваемого индекса. Данный подход представляется нам наиболее корректным, поскольку индексный метод позволяет привести различные характеристики в сопоставимый вид.

Мы использовали основные принципы этой методики для оценки динамики трудового потенциала регионов Северо-Западного федерального округа, внося некоторые изменения в состав его базовых показателей, по которым были рассчитаны частные индексы, а также несколько модифицировав принцип выбора в индексах максимальных и минимальных баз сравнения.

1. Индекс продолжительности трудовой жизни.

Расчет индекса продолжительности трудовой жизни осуществляется по аналогии с индексом ожидаемой продолжительности жизни населения. Согласно методологии МОТ, принятой в российских выборочных обследованиях по вопросам занятости, возрастные границы экономической активности населения составляют 15–72 года. Соответственно, минимальное значение величины продолжительности трудовой жизни составляет 10 лет: 25 лет минимальной продолжительности жизни, применяемой при расчете индекса ожидаемой продолжительности жизни населения, за вычетом 15 лет до нижней границы экономической активности. Т.е. это тот период времени, в течение которого может трудиться человек, живущий в условиях режима смертности, соответствующего минимальной продолжительности жизни населения. Максимальное значение продолжительности трудовой жизни – 57 лет (72 года за вычетом 15 лет до экономической активности). Фактическое значение, в случае когда продолжительность жизни населения региона меньше 72 лет (как в настоящее время в России), будет равняться реальной продолжительности жизни населения региона за вычетом 15 лет.

Например, если ожидаемая продолжительность жизни населения составляет 65 лет, то фактическая продолжительность трудовой жизни составит 50 лет. Если реальная продолжительность жизни населения региона превышает 72 года, то фактическое значение продолжительности трудовой жизни будет равняться его максимальному значению – 57 лет (72 года за вычетом 15 лет) – в таком случае величина индекса продолжительности трудовой жизни достигнет единицы.

2. Индекс уровня профессионального образования занятого населения.

При расчете этого индекса за основу приняты количественные данные о доле занятого населения с высшим, незаконченным высшим и средним профессиональным образованием в структуре занятого населения, полученные по результатам переписей населения 2002 и 2010 гг. и выборочных обследований по вопросам занятости.

За максимальное значение уровня профессионального образования принимается величина, превышающая самую большую зафиксированную в 2000-х годах долю занятого населения с высшим, незаконченным высшим и средним профессиональным образованием в общей численности занятого населения среди всех регионов страны. За минимальное – соответственно, величина, которая меньше самой низкой по регионам страны доли занятого населения с указанным уровнем образования. По переписи населения 2002 г. максимальный удельный вес занятого населения с высоким уровнем профессионального образования был отмечен в Москве (60,3%), минимальный – в Чеченской Республике (21,7%).

Согласно выборочным обследованиям занятости населения, в межпереписной период максимальный процент также наблюдался в Москве (79,1% в 2008 г.), минимальный – в Усть-Ордынском Бурятском АО (29,2% в 2003 г.). По переписи 2010 г. самая значительная доля занятого населения с высшим, незаконченным высшим и средним профессиональным образованием была зафиксирована в Санкт-Петербурге (85,7%), наименьшая – в Чеченской Республике (56,5%). Исходя из этих цифр, за максимальное значение показателя мы приняли 90%, за минимальное – 20%.

3. Индекс занятости населения.

Уровень занятости населения (удельный вес занятых в составе населения в возрасте 15–72 лет) – это важнейший показатель, характеризующий условия и уровень развития трудового потенциала. В качестве максимального значения занятости представляется возможным принять те показатели, которые устойчиво сохраняются в самых развитых регионах страны в условиях почти бескризисного развития, когда безработица не выходит за пределы естественного уровня (4–5% экономически активного населения).

С учетом наилучших уровней занятости, которые зафиксированы в 2010 г. в Санкт-Петербурге (71,6% населения в возрасте 15–72 лет) и в 2012 г. в Москве (72,2%), при которых уровни общей безработицы составляли соответственно 2,6 и 1,4% экономически активного населения региона, логично было бы в качестве максимального уровня занятости принять значение, не превышающее 80%. Однако абсолютный максимум уровня занятости населения, зафиксированный в 2006 г. в Чукотском АО (79,9% населения округа в возрасте 15–72 лет было занято в экономике при общем уровне безработицы 3,7% экономически активного населения), практически достигает этой величины.

Сходная картина может встретиться в перспективе и в других северных регионах страны, что ограничит возможности продолжения динамических рядов индекса. Поэтому за максимальный уровень занятости в своих расчетах мы приняли 85%. В качестве минимального – уровень ниже худшего значения показателя занятости, наблюдавшегося в 2000-х годах в самых кризисных регионах, зафиксированного в Республике Ингушетия, где в 2006 г. лишь 16,8% населения в возрасте 15–72 лет было занято в экономике. В наших расчетах минимум занятости составляет 15%.

4. Индекс валового регионального продукта (ВРП) на душу населения.

Этот индекс характеризует условия и уровень жизни населения, материальную основу воспроизводства рабочей силы, всего трудового потенциала региона. Автор принятой нами за основу методики системного анализа количественно-качественных характеристик трудового потенциала Г.В. Якшибаева предлагает в качестве максимального и минимального значений ВРП на душу населения взять используемое при расчете индекса развития человеческого потенциала фиксированное максимальное значение валового внутреннего продукта, равное 40 000 долл. (по паритету покупательной способности), и минимальное, равное 100 долл. [10, 11].

Поскольку перед нами стоит задача межрегионального сравнения трудового потенциала регионов России, в качестве максимального показателя мы приняли величину, превышающую наибольшее по регионам страны значение ВРП на душу населения, зафиксированное в 2000-х годах. В качестве минимального – величину меньше самого худшего значения ВРП за 1990–2000-е годы. Наиболее высокое значение ВРП на душу населения было отмечено в Ненецком АО в 2010 г. (3 461 997,6 руб.), самое низкое – в Республике Ингушетия в 1998 г. (3428,9 руб.). В наших расчетах за максимальное значение ВРП на душу населения мы берем 3 500 000 руб., за минимальное – 3000 руб.

5. Индекс фондовооруженности труда.

В статистике фондовооруженность труда определяется отношением стоимости функционирующих фондов к численности работающего населения. Здесь немало проблем методического характера, связанных с определением как числителя, так и знаменателя. Автор применяемой нами методики в качестве максимального и минимального значения фондовооруженности использует межстрановые показатели.

Максимальное значение — наивысший показатель наиболее промышленно развитой страны, минимальное — нулевой уровень, соответствующий условиям ручного труда [10, 11]. За минимальное значение мы также берем нулевой уровень. А в качестве максимального мы принимаем величину, превышающую наилучший по регионам России показатель фондовооруженности труда, зафиксированный в 2000-х годах. В целом за весь рассматриваемый период лидирующее место по фондовооруженности труда сохранялось за Ямало-Ненецким АО. Максимальное значение было отмечено здесь в 2010 г. — 15 350 млн. руб./тыс. чел. Поэтому за максимум фондовооруженности труда мы приняли 20 000 млн. руб./тыс. чел.

Предложенный метод расчета индекса развития трудового потенциала является универсальным. Он может быть использован для анализа динамики трудового потенциала регионов, сравнительного анализа трудового потенциала и субъектов федерации, и города и села. Однако широкое его применение ограничивается недостатком соответствующей информации. Особые информационные трудности в расчете и использовании этого показателя имеются на низовом административном уровне: при межтерриториальных сравнениях внутри регионов страны.

В нашем исследовании мы делаем попытку определить место Республики Коми по уровню развития трудового потенциала среди регионов Северо-Западного федерального округа (СЗФО), в состав которого она входит. В *таблице 1* представлена динамика интегрального индекса развития трудового потенциала (ИРТП) в регионах СЗФО в межпереписной период — 2002—2010 гг. Перепись населения — один из важнейших источников информации о населении. Она позволяет получить информацию не только о чис-

ленности населения и его демографических характеристиках (возрастно-половой структуре, числе и составе семей, размещении населения по территории страны и пр.), но и о социально-экономических характеристиках (составе населения по образованию, занятости, источникам средств существования). Только перепись обеспечивает максимальную достоверность информации о населении и, в частности, позволяет наиболее точно оценить уровень занятости и уровень профессионального образования занятого населения. Поэтому расчет соответствующих частных индексов ИРТП в работе выполнен по данным переписей 2002 и 2010 гг.

В то же время ввиду значительной продолжительности межпереписного периода в анализ включен также промежуточный 2006 год, в котором расчет индекса уровня профессионального образования занятого населения основывался на результатах выборочных обследований по вопросам занятости населения.

В целом за период 2002—2010 гг. интегральный индекс развития трудового потенциала увеличился в Северо-Западном федеральном округе на 19,9% (с 0,439 до 0,525). Т.е. в первом десятилетии XXI века, в условиях экономического роста, трудовой потенциал СЗФО характеризуется положительной динамикой. Однако следует отметить, что в первой половине рассматриваемого периода зафиксирована отрицательная динамика ИРТП — и в целом по округу, и в большинстве регионов (кроме Ненецкого автономного округа и Республики Карелия). Но снижение величины ИРТП в 2002—2006 гг. было незначительным, основанным прежде всего на снижении индекса профессионального образования занятого населения, что может быть лишь следствием особенностей выборочных исследований по вопросам занятости населения, а

Таблица 1. Динамика индекса развития трудового потенциала в субъектах Российской Федерации, входящих в Северо-Западный федеральный округ, в 2002–2010 гг.*

Регионы	Значение индекса
2002 г.	
<i>Северо-Западный федеральный округ</i>	<i>0,439</i>
г. Санкт-Петербург	0,486
Вологодская область	0,455
Ненецкий автономный округ	0,444
Мурманская область	0,436
Калининградская область	0,424
Республика Коми	0,419
Архангельская область	0,414
Ленинградская область	0,407
Республика Карелия	0,406
Новгородская область	0,405
Псковская область	0,380
2006 г.	
<i>Северо-Западный федеральный округ</i>	<i>0,428</i>
Ненецкий автономный округ	0,490
г. Санкт-Петербург	0,473
Мурманская область	0,427
Республика Карелия	0,421
Республика Коми	0,410
Ленинградская область	0,404
Калининградская область	0,403
Вологодская область	0,401
Новгородская область	0,399
Архангельская область	0,396
Псковская область	0,379
2010 г.	
<i>Северо-Западный федеральный округ</i>	<i>0,525</i>
Ненецкий автономный округ	0,757
г. Санкт-Петербург	0,579
Мурманская область	0,520
Ленинградская область	0,513
Республика Коми	0,510
Калининградская область	0,497
Архангельская область	0,490
Вологодская область	0,488
Республика Карелия	0,476
Новгородская область	0,475
Псковская область	0,450
* Ранжировано по убыванию величины ИРТП. Источники: рассчитано на основе данных Росстата [12, 13, 14, 15].	

последующий рост – более существенным. В результате во всех без исключения регионах округа за 2002–2010 гг. фиксируется рост интегрального индекса развития трудового потенциала.

В Республике Коми ИРТП увеличился несколько более значительно, чем в целом по округу, – на 21,7% (с 0,419 до 0,510). Тем не менее его уровень в Коми по-прежнему ниже, чем по СЗФО в среднем.

В 2002 г. Республика Коми занимала шестое место в ранжированном ряду регионов СЗФО по уровню ИРТП. Лучше, чем в Коми, ситуация была в Санкт-Петербурге, Вологодской области, Ненецком АО, Мурманской и Калининградской областях. При этом в 2002 г. для Санкт-Петербурга, Вологодской области и Ненецкого АО был характерен уровень интегрального индекса развития трудового потенциала выше среднего по федеральному округу. Во всех остальных регионах Северо-Запада ИРТП был ниже среднего.

За 2002–2010 гг. Республика Коми несколько улучшила свою позицию в ранжированном ряду регионов Северо-Западного федерального округа. Она переместилась с 6-го места на 5-е, потеснив Вологодскую и Калининградскую области, однако пропустив вперед Ленинградскую область, где индекс развития трудового потенциала увеличился за рассматриваемый период на 26%. Кроме Ленинградской области, как и в 2002 г., Республику Коми опережают переместившийся с третьей позиции на первую Ненецкий АО, характеризующийся весьма значительным ростом ИРТП (на 70,5%), Санкт-Петербург и Мурманская область,

в которых рост интегрального индекса в 2002–2010 гг. был несколько менее существенным, чем в Коми. Обращает на себя внимание также тот факт, что Вологодская область за этот период опустилась со второго места в федеральном округе на восьмое. Здесь зафиксирован самый незначительный по Северо-Западу рост ИРТП – на 7,3%.

Рассмотрим, в какой степени тот или иной частный индекс обеспечил положительную динамику интегрального индекса развития трудового потенциала.

Индекс продолжительности трудовой жизни населения увеличился в СЗФО за 2002–2010 гг. на 13,8% – с 0,832 до 0,947 (табл. 2), что вполне логично в условиях роста ожидаемой продолжительности жизни населения. В целом за исследуемый период продолжительность жизни населения федерального округа возросла с 63,84 до 70,07 года.

В наибольшей степени индекс продолжительности трудовой жизни населения увеличился в Ленинградской и Калининградской областях – почти на 20%. В Санкт-Петербурге, Карелии и Архангельской области рост индекса примерно на среднем по округу уровне.

Таблица 2. Динамика индекса продолжительности трудовой жизни населения в субъектах Российской Федерации, входящих в Северо-Западный федеральный округ, в 2002–2010 гг.*

Субъекты РФ	Величина индекса			Темпы прироста, %	
	2002 г.	2006 г.	2010 г.	за 2002–2006 гг.	за 2002–2010 гг.
<i>СЗФО</i>	<i>0,832</i>	<i>0,864</i>	<i>0,947</i>	<i>3,8</i>	<i>13,8</i>
г. Санкт-Петербург	0,881	0,934	1,000	6,0	13,5
Калининградская область	0,794	0,832	0,943	4,8	18,8
Ленинградская область	0,783	0,811	0,931	3,6	18,9
Мурманская область	0,864	0,855	0,929	-1,0	7,5
Архангельская область	0,815	0,847	0,922	3,9	13,1
Вологодская область	0,826	0,860	0,909	4,1	10,0
Республика Коми	0,817	0,834	0,902	2,1	10,4
Республика Карелия	0,791	0,826	0,898	4,4	13,5
Ненецкий АО	0,838	0,791	0,869	-5,6	3,7
Новгородская область	0,785	0,802	0,867	2,2	10,4
Псковская область	0,768	0,770	0,862	0,3	12,2

* Ранжировано по убыванию величины индекса в 2010 г.
Источники: рассчитано на основе данных Росстата [12, 13, 14, 15].

При этом в Санкт-Петербурге, который традиционно занимает первое по округу место, индекс продолжительности трудовой жизни более значительно увеличиться просто не мог.

Дело в том, что его величина к 2010 г. здесь уже достигла максимального значения – единицы, поскольку ожидаемая продолжительность жизни петербуржцев превысила верхнюю границу экономической активности – 72 года. В Псковской, Новгородской, Вологодской областях и Республике Коми индекс продолжительности трудовой жизни увеличился на 10–12%, в Мурманской области – на 7,5%. Самый незначительный рост этого индекса зафиксирован в Ненецком АО (на 3,7%), который за 2002–2010 гг. сильно ухудшил свою ранговую позицию, опустившись с третьего места в округе на девятое. Причем в 2002–2006 гг. здесь, как и в Мурманской области, наблюдалось даже некоторое снижение индекса продолжительности трудовой жизни. Республика Коми тоже ухудшила свою ранговую позицию, переместившись с пятого места на седьмое.

Для сырьевых регионов с молодой возрастной структурой населения ухудшение позиций по величине этого индекса довольно закономерно, поскольку рост ожидаемой продолжительности жизни населения последних лет был связан прежде всего с ростом инвестиций в модернизацию здравоохранения и регионы с высокой долей смертности населения от внешних причин выиграли от него в меньшей степени. Для большинства регионов СЗФО характерны более или менее стабильные ранговые позиции. Значительно улучшили свои позиции по индексу продолжительности трудовой жизни только Ленинградская и Калининградская области. А Санкт-Петербург, как уже отметили, достиг максимума.

Индекс уровня профессионального образования занятого населения СЗФО увеличился за 2002–2010 гг. еще более значительно, чем индекс продолжительности трудовой жизни, – на 24% (табл. 3). По данным переписей населения 2002 и 2010 гг., в 2000-х годах произошел существенный рост доли занятых с высшим, незаконченным высшим и средним профессиональным

Таблица 3. Динамика индекса уровня профессионального образования занятого населения в субъектах Российской Федерации, входящих в Северо-Западный федеральный округ, в 2002–2010 гг.*

Субъекты РФ	Величина индекса			Темпы прироста, %	
	2002 г.	2006 г.	2010 г.	за 2002–2006 гг.	за 2002–2010 гг.
СЗФО	0,643	0,464	0,797	-27,8	24,0
г. Санкт-Петербург	0,791	0,567	0,939	-28,3	18,7
Калининградская область	0,656	0,416	0,776	-36,6	18,3
Ленинградская область	0,579	0,424	0,776	-26,8	34,0
Мурманская область	0,563	0,431	0,736	-23,4	30,7
Республика Карелия	0,541	0,479	0,703	-11,5	29,9
<i>Республика Коми</i>	<i>0,570</i>	<i>0,423</i>	<i>0,703</i>	<i>-25,8</i>	<i>23,3</i>
Вологодская область	0,566	0,339	0,703	-40,1	24,2
Новгородская область	0,570	0,470	0,693	-17,5	21,6
Ненецкий АО	0,511	0,276	0,681	-46,0	33,3
Архангельская область	0,531	0,334	0,679	-37,1	27,9
Псковская область	0,557	0,426	0,671	-23,5	20,5

* Ранжировано по убыванию величины индекса в 2010 г.
Источники: рассчитано на основе данных Росстата [12, 13, 14, 15].

образованием — с 65 до 75,8% от общей численности занятого в экономике населения. Как уже было отмечено, согласно результатам выборочных обследований по вопросам занятости, за 2002–2006 гг. произошло весьма ощутимое понижение указанного показателя и соответствующего индекса. Однако перепись 2010 г. не подтвердила оценок, выполненных на основе выборочных обследований, зафиксировав заметный рост уровня профессионального образования занятого населения в целом за межпереписной период.

В наибольшей степени рост индекса уровня профессионального образования занятого населения в 2002–2010 гг. характерен для Ленинградской области (на 34%), Ненецкого АО (на 33%), Мурманской области (на 31%) и Республики Карелия (на 30%). Несмотря на это, Ненецкий АО остается в конце списка регионов СЗФО, хотя и поднявшись с последнего в округе 11 места на 9-е: уровень индекса образования в автономном округе изначально был очень невысоким. Мурманская область (переместившаяся с 7 места на 4-е) и Карелия (переместившаяся с 9-го на 5-6-7 места) существенно улучшила свои ранговые позиции. Для Республики Коми, в кото-

рой за 2002–2010 гг. произошло увеличение индекса на 23,3%, характерно некоторое ухудшение ранговой позиции: она опустилась с 4 места в 2002 г. на 5-6-7-е в 2010 г. Тенденцию можно назвать вполне логичной, если учесть, что уже более двух десятилетий республика почти не получает профессиональных кадров из-за своих пределов. Заметное ухудшение ранговых позиций характерно также для Новгородской и Псковской областей, испытывающих значительный миграционный отток образованной молодежи, прежде всего в Санкт-Петербург.

Индекс занятости населения СЗФО увеличился за 2002–2010 гг. на 8% (табл. 4), что закономерно в условиях роста уровня занятости, — с 62,5% занятых от общей численности населения в возрасте 15–72 лет до 66,3%. В максимальной степени этот индекс увеличился в Псковской и Ленинградской областях — на 16–17%. Однако при этом Псковская область сохранила свою последнюю ранговую позицию, в то время как Ленинградская переместилась с предпоследнего 10 места на 4-е. Улучшили свои ранговые позиции также Новгородская (с 9-го на 5-е) и Мурманская (с 3-го на 2-е) области.

Таблица 4. Динамика индекса занятости населения в субъектах Российской Федерации, входящих в Северо-Западный федеральный округ, в 2002–2010 гг.*

Субъекты РФ	Величина индекса			Темпы прироста, %	
	2002 г.	2006 г.	2010 г.	за 2002–2006 гг.	за 2002–2010 гг.
СЗФО	0,679	0,730	0,733	7,5	8,0
г. Санкт-Петербург	0,724	0,784	0,794	8,3	9,7
Мурманская область	0,709	0,747	0,761	5,4	7,3
Ненецкий АО	0,710	0,794	0,739	11,8	4,1
Ленинградская область	0,634	0,701	0,733	10,6	15,6
Новгородская область	0,639	0,664	0,713	3,9	11,6
Вологодская область	0,689	0,723	0,701	4,9	1,7
<i>Республика Коми</i>	<i>0,647</i>	<i>0,650</i>	<i>0,700</i>	<i>0,5</i>	<i>8,2</i>
Архангельская область	0,681	0,709	0,680	4,1	-0,1
Республика Карелия	0,670	0,730	0,670	9,0	0,0
Калининградская область	0,646	0,716	0,664	10,8	2,8
Псковская область	0,551	0,656	0,644	19,1	16,9

* Ранжировано по убыванию величины индекса в 2010 г.
Источники: рассчитано на основе данных Росстата [12, 13, 14, 15].

Вместе с тем в Архангельской области и Карелии за 2002–2010 гг. зафиксирован нулевой (и даже слегка отрицательный) прирост индекса занятости. Эти регионы весьма заметно (на три пункта) ухудшили свои ранговые позиции. Невысокие значения прироста индекса занятости населения наблюдаются в Вологодской и Калининградской областях и Ненецком АО, которые тоже ухудшили свои ранговые позиции. Республика Коми, в которой значение индекса занятости увеличилось несколько более существенно, чем в целом по округу, причем преимущественно в конце рассматриваемого периода, сохранила свое 7-е место.

Еще более заметно, в разы, за 2002–2010 гг. увеличился в Северо-Западном федеральном округе индекс валового регионального продукта на душу населения (с 0,017 до 0,081, т.е. в 4,8 раза) (табл. 5). Это, безусловно, закономерно на фоне положительной динамики валового регионального продукта в округе (увеличение за рассматриваемый период составило 4,5 раза – с 63 297,1 до 286 827,7 руб./чел.). Однако, как видно из данных таблицы, величины индекса ВРП на душу населения по регио-

нам СЗФО (кроме Ненецкого АО) очень небольшие, поскольку в расчетах применяется чрезвычайно высокое максимальное значение, основанное на реально зафиксированном в 2010 г. ВРП на душу населения в Ненецком АО. При этом для Ненецкого АО, а также для Ленинградской и Калининградской областей характерны и самые высокие темпы прироста этого индекса за указанный период, что связано прежде всего с увеличением инвестиций в основной капитал базовых отраслей этих регионов.

Важнейшую роль в Ненецком АО сыграл рост инвестиционного спроса в нефтегазовом комплексе, в Ленинградской и Калининградской областях – в машиностроительном. В целом Северо-Западный федеральный округ характеризуется довольно высоким уровнем инвестиционной активности. В 2010 г. объем инвестиций в основной капитал составил 1049,6 млрд. руб., что на 5,8% больше, чем в предыдущем году. На долю СЗФО пришлось 11,5% суммарного объема инвестиций в основной капитал Российской Федерации. Поступление иностранных инвестиций на одного жителя

Таблица 5. Динамика индекса валового регионального продукта на душу населения в субъектах Российской Федерации, входящих в Северо-Западный федеральный округ, в 2002–2010 гг.*

Субъекты РФ	Величина индекса			Темпы прироста, %	
	2002 г.	2006 г.	2010 г.	за 2002–2006 гг.	за 2002–2010 гг.
СЗФО	0,017	0,045	0,081	164,7	376,5
Ненецкий АО	0,113	0,458	0,989	305,3	775,2
Республика Коми	0,023	0,065	0,110	182,6	378,3
г. Санкт-Петербург	0,020	0,049	0,097	145,0	385,0
Мурманская область	0,021	0,054	0,083	157,1	295,2
Ленинградская область	0,015	0,044	0,083	193,3	453,3
Архангельская область	0,017	0,048	0,082	182,4	382,4
Вологодская область	0,017	0,046	0,059	170,6	247,1
Калининградская область	0,011	0,031	0,058	181,8	427,3
Республика Карелия	0,016	0,035	0,056	118,8	250,0
Новгородская область	0,012	0,032	0,056	166,7	366,7
Псковская область	0,008	0,020	0,035	150,0	337,5

* Ранжировано по убыванию величины индекса в 2010 г.
Источники: рассчитано на основе данных Росстата [12, 13, 14, 15].

округа в 2010 г. составило 685,6 долл. По этому показателю Северо-Западный федеральный округ занимает третье место после Центрального и Дальневосточного. Лидерами по объему поступивших иностранных инвестиций являются Санкт-Петербург, Ленинградская область и Ненецкий АО [16].

Республика Коми по индексу ВРП на душу населения традиционно сохраняет вторую после Ненецкого АО позицию. Благодаря хорошему инвестиционному климату Санкт-Петербург за 2002–2010 гг. потеснил Мурманскую область с третьего места. Значительно улучшили свои позиции Ленинградская и Калининградская области. Ухудшение позиций по уровню этого индекса характерно, кроме Мурманской области, для Карелии, Вологодской и Новгородской областей. Ранговые позиции Архангельской и Псковской областей относительно стабильны. Но если первая находится в середине ранжированного ряда, то вторая — завершает его. Однако подчеркнем еще раз, что во всех без исключения регионах индекс ВРП на душу населения за 2002–2010 гг. увеличился в разы, в частности в 2,5 раза в Карелии и Вологодской области.

Весьма значительно увеличился в данный период и индекс фондовооруженности труда на Северо-Западе — в 2,5 раза (с 0,026 до 0,067) (табл. 6). Причем рост был характерен для всех регионов округа, кроме Вологодской области, где за рассматриваемое время произошло снижение индекса фондовооруженности на 62%. В результате область переместилась с первого места в округе на 6-е. Вместе с тем следует отметить, что значительное уменьшение индекса фондовооруженности в Вологодской области произошло на первом этапе, а в 2006–2010 гг. фиксируется некоторый рост. Максимальное увеличение индекса фондовооруженности труда (более чем в 10 раз) характерно для Ненецкого АО, который еще в период 2002–2006 гг. поднялся со второго места в ранжированном ряду регионов СЗФО на первое, что связано с началом активной разработки уже открытых, но ранее являвшихся законсервированными месторождениями углеводородного сырья. Республика Коми, в которой индекс увеличился в 3,5 раза, переместилась с третьей ранговой позиции на вторую. Мурманская область, имевшая еще более значительный

Таблица 6. Динамика индекса фондовооруженности труда в субъектах Российской Федерации, входящих в Северо-Западный федеральный округ, в 2002–2010 гг.*

Субъекты РФ	Величина индекса			Темпы прироста, %	
	2002 г.	2006 г.	2010 г.	за 2002–2006 гг.	за 2002–2010 гг.
СЗФО	0,026	0,037	0,067	42,3	157,7
Ненецкий АО	0,049	0,130	0,507	165,3	934,7
Республика Коми	0,038	0,077	0,133	102,6	250,0
Мурманская область	0,025	0,046	0,092	84,0	268,0
Архангельская область	0,026	0,044	0,088	69,2	238,5
Ленинградская область	0,024	0,041	0,082	70,8	241,7
Вологодская область	0,180	0,039	0,069	-78,3	-61,7
Республика Карелия	0,020	0,035	0,058	75,0	190,0
г. Санкт-Петербург	0,014	0,029	0,053	107,1	278,6
Новгородская область	0,018	0,030	0,045	66,7	150,0
Калининградская область	0,013	0,021	0,042	61,5	223,1
Псковская область	0,016	0,025	0,037	56,3	131,3

* Ранжировано по убыванию величины индекса в 2010 г.
Источники: рассчитано на основе данных Росстата [12, 13, 14, 15].

рост индекса фондовооруженности труда, потеснила Архангельскую область и заняла третье место. Высокий темп прироста характерен также для Санкт-Петербурга: за 2002–2010 гг. он поднялся с 10 места на 8-е. Кроме Вологодской области, ухудшили свои позиции по сравнению с уровнем 2002 г. Псковская и Новгородская области, хотя и в них индекс фондовооруженности труда увеличился более чем в 2 раза.

Таким образом, положительную динамику интегрального индекса развития трудового потенциала в Северо-Западном федеральном округе в 2002–2010 гг. обеспечивает динамика всех пяти частных индексов практически во всех регионах. Исключение составляет динамика индекса фондовооруженности труда в Вологодской области, характеризующаяся значительным (почти на 80%) снижением в период 2002–2006 гг., и нулевая динамика индекса занятости в Архангельской области и Республике Карелия в целом за 2002–2010 гг. Наибольший вклад в рост ИРТП вносят индекс ВРП на душу населения, увеличившийся в округе за 2002–2010 гг. в 4,8 раза, и индекс фондовооруженности труда, повысившийся в 2,6 раза. Однако при этом следует отметить, что сами величины указанных индексов в регионах СЗФО, кроме Ненецкого АО, весьма незначительны (в большинстве регионов меньше 0,1).

Иными словами, вклад величин этих индексов в уровень ИРТП регионов округа не очень велик. Гораздо более существенный вклад вносят близкий к максимуму индекс продолжительности трудовой жизни населения, индекс уровня профессионального образования занятого населения (в целом по округу порядка 0,8) и индекс занятости (порядка 0,65). В то же время индекс занятости населения характеризуется самым незначительным увеличением – на 8% в целом за период 2002–2010 гг. Во многом это обусловлено

последствиями мирового финансового кризиса, когда многие предприятия были вынуждены вести политику сокращения персонала в связи со сложным экономическим положением. Пик уровня занятости приходится в СЗФО на 2007–2008 гг. (67,5% от численности населения в возрасте 15–72 лет); в 2009 г. наблюдался довольно глубокий спад, но в последующие годы снова наблюдается подъем, что дает основания надеяться на увеличение темпов роста индекса занятости населения в перспективе.

В 2002 г. три из одиннадцати регионов СЗФО имели интегральный индекс развития трудового потенциала выше среднего по округу уровня (Санкт-Петербург, Вологодская область и Ненецкий АО). Еще в период 2002–2006 гг. из их числа выбыла Вологодская область вследствие значительного снижения индекса фондовооруженности труда. Таким образом, в 2010 г. лишь два региона – «северная столица» и регион, экономика которого основана на добыче углеводородного сырья, что, с одной стороны, требует значительной фондовооруженности труда, а с другой – обеспечивает высокий уровень ВРП на душу населения, – по сути, определяют уровень индекса развития трудового потенциала Северо-Западного федерального округа.

Республика Коми за 2002–2010 гг. несколько улучшила свое положение в ранжированном ряду регионов СЗФО по величине ИРТП, поднявшись с 6 позиции на 5-ю. Прежде всего, за счет роста индекса фондовооруженности труда, который увеличился в Коми в 3,5 раза, – регион еще в 2002–2006 гг. переместился на вторую вслед за Ненецким АО позицию. В Коми выше среднего по СЗФО также темп прироста индекса ВРП на душу населения, по уровню которого республика стабильно занимает второе после Ненецкого АО место, и индекса занятости населения.

По величине последнего Коми пока занимает невысокое 7 место. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что индекс занятости в Республике Коми наиболее существенно начал расти лишь в последние годы (см. табл. 4), что внушает оптимизм в отношении будущего. Ниже среднего по округу темп прироста индекса профессионального образования занятого населения республики: по его уровню она опустилась за 2002–2010 гг. с 4 места на 5–6–7-е. Это связано с переходом республики еще в 1990-е гг. на «самообеспечение квалифицированными кадрами», с постарением ранее подготовленных в столичных вузах

профессиональных кадров, достижением ими пенсионного возраста и постепенным прекращением трудовой деятельности, а также со значительными масштабами миграционного оттока молодежи, получившей образование в республике, в Санкт-Петербург и Москву. И наконец, ниже среднего по СЗФО в Республике Коми темп прироста индекса продолжительности трудовой жизни (понижение с 5-й до 7 позиции), что обусловлено недостаточным повышением в 2000-х годах ожидаемой продолжительности жизни населения, характеризующегося значительным уровнем смертности от внешних причин.

Литература

1. Экономика труда и социально-трудовые отношения / под ред. П.П. Меликьяна, Р.П. Колосовой. – М.: Изд-во МГУ, 1996.
2. Римашевская, Н.М. Качественный потенциал населения России: взгляд в XXI век / Н.М. Римашевская // Проблемы прогнозирования. – 2001. – №3. – С. 34–48.
3. Римашевская, Н.М. Качество населения / Н.М. Римашевская; под ред. Н.М. Римашевской и В.Г. Копниной. – М.: ИСЭПН РАН, 1993.
4. Трудовой потенциал региона: состояние и развитие / В.А. Ильин, К.А. Гулин, Г.В. Леонидова, В.В. Давыдова. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2004.
5. Ильин, В.А. Качество трудового потенциала населения Вологодской области / В.А. Ильин, Н.А. Смирнова, Я.Б. Тимофеева. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 1998.
6. Качество трудового потенциала в регионах России / Н.М. Римашевская, В.К. Бочкарева, Г.Н. Волкова, Л.А. Мигранова // Народонаселение. – 2012. – №3. – С. 111–127.
7. Шкаратан, О.И. Рабочий и инженер. Социальные факторы эффективности труда / О.И. Шкаратан. – М.: Мысль, 1985.
8. Валитова, А.А. Методические вопросы оценки трудового потенциала региона: дис. ... канд. экон. наук / А.А. Валитова. – Самара, 2001.
9. Рухманова, Н.А. Принципы и методы интегральной оценки состояния регионального трудового потенциала / Н.А. Рухманова // Современный этап социально-экономического развития: проблемы и мнения: межвуз. сб. науч. тр. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2006.
10. Якшибаева, Г.В. Трудовой потенциал республики: количественно-качественная характеристика / Г.В. Якшибаева // Экономика и управление. – 2007. – №3. – С. 57–65.
11. Якшибаева, Г.В. Трудовой потенциал: эффективность функционирования: дис. ... канд. экон. наук / Г.В. Якшибаева. – Уфа, 2001.
12. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2003: стат. сб. [Эл. ресурс] / Росстат. – М., 2003. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc (12.12.2012).
13. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2007: стат. сб. [Эл. ресурс] / Росстат. – М., 2007. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc (12.12.2012).
14. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2011: стат. сб. [Эл. ресурс] / Росстат. – М., 2011. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc (12.12.2012).
15. Демографический ежегодник России. 2012: стат. сб. / Росстат. – М., 2012.
16. Корчагина, Е.В. Анализ экономического развития Северо-Западного федерального округа / Е.В. Корчагина // Проблемы современной экономики. – 2012. – №2. – С. 278–281.

УДК 334.012.64:331.5(470.12)
ББК 65.290.31+65.240.51(2Рос-4Вол)
© Теребова С.В.

Малый бизнес как фактор повышения уровня занятости и доходов населения региона*

Важнейшим источником повышения уровня занятости и доходов населения является малый и средний бизнес. Данные статистики свидетельствуют о том, что в настоящее время в России потенциал этой сферы используется не в полной мере. Для того чтобы переломить сложившуюся ситуацию, вовлечь население в занятие бизнесом, необходима реализация комплекса мер, направленных на улучшение предпринимательского климата и раскрытие предпринимательского потенциала населения. Кроме того, важным шагом является разработка и принятие концепции и долгосрочной программы развития малого и среднего бизнеса в регионе.

Малый и средний бизнес, экономика региона, предпринимательские способности населения.

**Светлана Викторовна
ТЕРЕБОВА**

кандидат экономических наук, зав. отделом инновационной экономики
ИСЭРТ РАН
svetlana-ter@mail.ru

Повышение качества и уровня жизни населения — приоритетная задача социально-экономического развития России. Для ее решения требуется преодоление наиболее остро стоящих проблем низкого уровня жизни населения, безработицы, высокой дифференциации общества. Так, по данным Росстата, в 2011 году порядка 13% населения (18,1 млн. чел.) имели доходы ниже прожиточного минимума [14], в Вологодской области — 17,8% (213,6 тыс. чел. [15]).

Согласно результатам социологических опросов, проводимых ИСЭРТ РАН, процент бедных еще выше: 38% жителей региона относят себя к категории бедных,

у 53% — денег достаточно только для приобретения необходимых продуктов и одежды¹. Таким образом, уровень жизни большинства граждан достаточно низок.

Одним из факторов, позволяющих повысить доходы населения, выступает развитие малого бизнеса. Именно малое предпринимательство является основой формирования «среднего класса», следовательно, способствует ослаблению присущей рыночной экономике тенденции к социальной дифференциации.

По официальным данным, уровень безработицы в стране в 2012 г. равнялся 6,5%. Это означает, что порядка 5 млн. россиян, 45% из которых женщины, не имели

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ «Построение многофакторной модели развития малого и среднего предпринимательства в регионе» (№12-06-31121).

¹ По данным опроса ИСЭРТ РАН в 2011 г.

работы [17]. Средний возраст безработных составил 35 лет. Согласно нашим исследованиям, именно в этом возрасте население обладает наибольшим предпринимательским потенциалом.

Тем не менее в структуре денежных доходов российского населения доходы от предпринимательской деятельности составляют всего лишь 8,9% (в 2011 г.), причем это на 7,5% ниже, чем в 1995 г. (табл. 1), что свидетельствует об использовании потенциала малого бизнеса не в полной мере. В Вологодской области за исследуемый период данный показатель незначительно увеличился – до 10,6%. Надо отметить, что среди показателей регионов СЗФО и РФ в 2011 г. это самый высокий

показатель, на 5,5 и 1,7% превышающий средний по округу и стране соответственно.

Как известно, малый бизнес выполняет важную функцию «социального лифта». Предприимчивый человек, используя свои способности, может организовать бизнес и самостоятельно повысить социальный статус и уровень жизни. Политика стимулирования малого предпринимательства позволит снизить уровень безработицы, повысить доходы граждан. В решении этих вопросов роль малого и среднего бизнеса в некоторых странах мира весьма велика и от стабильного развития данного сектора экономики зависит благосостояние значительной (а то и большей) части населения (табл. 2).

Таблица 1. Доля доходов от предпринимательской деятельности в структуре денежных доходов населения (в % от общего объема денежных доходов)

Территория	Год					Абс. откл. 2011–1995 гг.
	1995	2000	2005	2010	2011	
Вологодская область	10	10,1	10,1	11,7	10,6	0,6
Архангельская область	17,5	14,8	10,5	10	9,5	-8
Псковская область	18,3	14	13,8	9,3	8,3	-10
Новгородская область	13,2	18,2	13,7	8,9	7,6	-5,6
Ленинградская область	15,7	8,6	9,7	6,4	7,6	-8,1
Республика Коми	8,2	17	10,5	7	6,3	-1,9
Республика Карелия	13,6	13,9	13,6	5,3	6,0	-7,6
Калининградская область	14,9	10,7	5,5	5,3	6,0	-8,9
Мурманская область	13,7	17,3	13,7	7,3	5,4	-8,3
г. Санкт-Петербург	18,4	11,2	4	2,2	2,0	-16,4
РФ	16,4	15,4	11,4	9,3	8,9	-7,5
СЗФО	15,4	13	7,7	5,4	5,1	-10,3

Источник: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>

Таблица 2. Вклад малых и средних предприятий (МСП) в экономику некоторых стран мира

Показатель	Япония	Таиланд	ЕС	США	Китай	Россия
Доля предприятий МСП в общем числе организаций, в %	99,7	99,8	99,8	99,7	99,8	33,3
Доля работников МСП в общем числе работников всех предприятий, в %	70,0	75,4	69,7	50,3	82,0	20,9

Источники: Условия развития малого бизнеса на примере России и Китая. – Режим доступа: <http://www.rppe.ru/wp-content/uploads/2011/05/radchenko-mv-sokolova-gv.pdf>; Малый бизнес в Китае. – Режим доступа: <http://www.kapitalpress.ru/kapitalist/archive/2007/19/635/>; Предпринимательство в регионе: состояние, перспективы: монография / С.В. Терехова, О.В. Подолякин, В.С. Усков, С.Ю. Егорихина. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. – 160 с.

Развитию малого предпринимательства в нашей стране уделяется большое внимание. Так, за годы реформ сложилась достаточно разветвленная система государственной и общественной поддержки этого сектора экономики на региональном уровне. Формируется институциональная инфраструктура, призванная обеспечить благоприятные условия для формирования и развития малых предприятий, оказывать им те услуги, которые они – в силу своих принципиальных особенностей – не могут покупать на рынке либо рынок их не предлагает [10]. На эти цели за последние три года в регионы страны из федерального бюджета было направлено 124,5 млрд. рублей, в 2013–2015 гг. планируется выделить еще 67,8 млрд. рублей.

В Вологодской области инфраструктурная поддержка субъектов предпринимательской деятельности осуществлялась в рамках долгосрочной целевой программы «Развитие малого и среднего предпринимательства в Вологодской области на 2009–2012 годы»² с общим объемом финансирования 284,6 млн. руб. [3]. С 2013 г. в силу вступила государственная программа «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства Вологодской области на 2013–2016 гг.» [2], согласно которой в сферу предпринимательства планируется направить 686 млн. руб.

Благодаря целенаправленной поддержке государства за 2000–2012 гг. число малых предприятий в регионе возросло почти в два раза (табл. 3). Основная их

² В ходе ее реализации предпринимателям оказывалась поддержка по следующим направлениям: финансовая (гранты на создание собственного дела, реализацию инновационных проектов; субсидии по уплате процентов по кредитам, по лизинговым платежам; создан Гарантийный фонд; Фонд ресурсной поддержки малого и среднего предпринимательства); поддержка внешнеэкономической деятельности (создан Евро Инфо Корреспондентский центр; выделяются субсидии для экспортно-ориентированных предприятий); предоставление офисных помещений (на базе БУ ВО «Бизнес-инкубатор»); консультационные и информационные услуги, обучение.

часть (75%) сосредоточена в крупных городах: Вологде (43%) и Череповце (32%).

По данным официальной статистики [17], в период 2005–2011 гг. наблюдается устойчивое снижение коэффициента открытия малых предприятий³. Сальдо между ним и коэффициентом закрытия предприятий остается положительным, но имеет динамику сокращения. При дальнейшем сохранении таких тенденций, без принятия соответствующих мер по их устранению, для малого бизнеса возможно наступление критического момента, когда закрываться будет больше предприятий, чем открываться, что негативно скажется на занятости в данном секторе экономики.

За период с 2000 по 2008 г. численность работников малых предприятий увеличилась (табл. 4). Однако в 2009–2011 гг. она сократилась на 23%, то есть более чем на 15 тыс. человек. Одной из причин такой динамики является финансово-экономический кризис, который начался в сентябре 2008 г. и в результате которого возросли тарифы при одновременном сокращении спроса на продукцию/услуги предприятий. При этом политика налоговых органов в отношении субъектов малого предпринимательства не изменилась. Кроме того, согласно Федеральному закону «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [1], с 2008 года из состава малых предприятий (с численностью работников от 16 до 100 человек) были выделены микропредприятия (15 человек), что также способствовало сокращению численности работников в группе «малые предприятия».

³ В Вологодской области в 2011 г. количество новых предприятий на 1 тыс. существующих сократилось на 10% по сравнению с предыдущим годом. Количество официально закрытых малых предприятий на 1 тыс. существующих увеличилось на 63% по сравнению с 2010 г. и в два раза по сравнению с кризисным 2008 г. Это может свидетельствовать о том, что малый бизнес устремился в тень, а также о том, что условия для его ведения, несмотря на активную государственную поддержку, стали хуже, чем в 2008 году.

Таблица 3. Количество малых предприятий (ед. на 100 тыс. чел. населения)

Территория	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.*	2012 г. к 2000 г., %
г. Санкт-Петербург	2309,5	2494,4	2767,4	2381,6	3401,8	3296,9	142,8
Калининградская обл.	793,2	955,0	2324,6	2963,7	2046,8	2027,4	255,6
Республика Карелия	546,3	656,9	686,9	2209,3	1416,4	1421,8	260,3
Республика Коми	380,8	454,2	861,3	2416,6	1276,7	1303,3	342,3
Новгородская обл.	419,9	373,3	686,7	2396,7	1142,1	1142,8	272,2
Архангельская обл.	347,9	369,8	701,6	1934,3	1029,4	1038,7	298,6
Псковская обл.	355,5	520,1	445,4	2281,8	926,0	929,5	261,5
Ленинградская обл.	712,8	709,8	864,8	1603,2	880,1	841,9	118,1
Вологодская область	453,2	388,7	522,6	831,1	825,3	834,7	184,2
Мурманская обл.	311,2	347,2	663,1	2061,7	748,2	774,1	248,7
СЗФО	1100,8	1198,3	1515,6	1131,6	1868,2	1902,6	172,8
РФ	601,0	686,0	949,7	868,0	1276,1	1283,6	213,6

* Данные за январь–сентябрь 2012 г.

Источники: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>; Единая межведомственная информационно-статистическая система. – Режим доступа: <http://fedstat.ru>; Малое и среднее предпринимательство в России. 2009: стат. сб. / Росстат. – М., 2009. – 49 с.

Таблица 4. Среднесписочная численность работников малых предприятий (без микропредприятий), тыс. чел.

Территория	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.*	2012 г. к 2000 г., %
г. Санкт-Петербург	628	633	698,2	630,7	522	630	350,7	55,8
Вологодская область	65	62	82,4	66,9	55,2	51,3	67,9	104,5
Ленинградская область	117	139	135,8	120,7	89	118	59,5	50,8
Архангельская область	31	32	70,3	58,1	81	74	57,2	184,5
Калининградская область	52	105	120,7	103,5	91	68	54,4	104,6
Республика Коми	29	50	77,1	69,3	68	52	41,7	143,8
Псковская область	25	35	45,4	42,2	55	44	41,4	165,6
Республика Карелия	28	32	38,0	43,3	52	49	38,7	138,2
Новгородская область	29	38	50,3	41,9	49	46	37,5	129,3
Мурманская область	25	31	40,1	38,3	57	39	32,2	128,8
СЗФО	1028	1155	1367,6	1214,8	1162	1197	785,4	76,4
Россия	6597	8045	11412	10247,5	11097	9692	6758,2	102,4

* Данные за январь–сентябрь 2012 г.

Источники: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>; Единая межведомственная информационно-статистическая система. – Режим доступа: <http://fedstat.ru>; Малое и среднее предпринимательство в России. 2009: стат. сб. / Росстат. – М., 2009. – 49 с.

Наибольшее количество занятых в малом бизнесе сосредоточено в сфере торговли (25,4%), операций с недвижимым имуществом (18,1%), обрабатывающих производств (17,5%). Такое распределение работников соответствует структуре малого бизнеса, которая характеризуется низким

уровнем диверсификации: основную долю занимают торговля и операции с недвижимым имуществом, суммарно составляющие более 50% [17]. Привлекательность данной сферы деятельности объясняется прежде всего низкими затратами и высокой оборачиваемостью капитала.

За рассматриваемый период в распределении численности работников малых предприятий по видам экономической деятельности произошли следующие изменения (табл. 5). На предприятиях, осуществляющих операции с недвижимым имуществом, аренду и предоставление услуг, количество занятых увеличилось на 8%, в строительстве и сельском хозяйстве, наоборот, сократилось на 8 и 6% соответственно. Данные трансформации являются следствием изменений в структуре малого бизнеса.

Так, в 2012 г. по сравнению с 2005 г. на 7% увеличилось количество предприятий, осуществляющих операции с недвижимым имуществом, аренду и предоставление услуг. Возможно, это связано с проводимой государством политикой реформирования сферы ЖКХ. Поскольку в 2005 году был введен новый Жилищный кодекс, согласно

ему коренным образом были изменены подходы к управлению жилищно-коммунальным комплексом. Самоуправление (ТСЖ) было признано неэффективным, и его место заняло профессиональное управление в лице частных управляющих организаций [13], что активизировало появление малого бизнеса в сфере ЖКХ. Кроме того, рост числа предприятий в рассматриваемой сфере связан с развитием рынка недвижимости (в т. ч. услуг риэлторов).

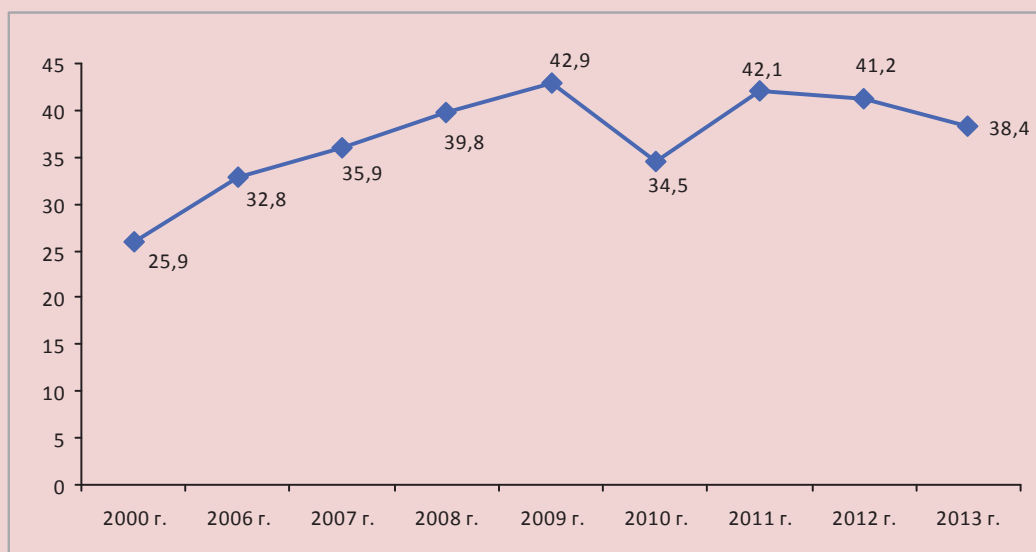
В области строительства и сельского хозяйства количество малых предприятий сократилось, соответственно, на 3 и 3,5%. Процент сокращения предприятий меньше, чем занятых на них работников. Это может свидетельствовать о вынужденных увольнениях, проводимых предприятиями с целью оптимизации деятельности.

Таблица 5. Распределение численности работающих на малых предприятиях по видам экономической деятельности, %

Вид экономической деятельности	Год				Абс. откл. 2012–2005 гг.
	2005	2008	2011	2012*	
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	22,6	21,9	26,7	25,4	2,8
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	10,5	10,5	14,9	18,1	7,6
Обрабатывающие производства	19,4	17,3	18,4	17,5	-1,9
Строительство	20,8	23,7	12,4	13,1	-7,7
Сельское хозяйство, охота	14,8	13,3	11,6	9	-5,8
Транспорт и связь	6,4	5,4	5,4	6	-0,4
Гостиницы и рестораны	1,1	2,8	4,4	5	3,9
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,6	1,1	2,93	3,1	2,5
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	0,8	0,5	0,9	1,2	0,4
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	2,1	2,6	1,32	1	-1,1
Финансовая деятельность	0,3	0,3	0,5	0,22	-0,08
Добыча полезных ископаемых	0,0	0,2	0,32	0,2	0,2
Образование	0,1	0,1	0,12	0,1	0
Рыболовство, рыбоводство	0,5	0,3	0,11	0,08	-0,42
ИТОГО	100	100	100	100	

* Данные за январь–сентябрь 2012 г.
 Источники: Малое предпринимательство в области: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2008. – 101 с.; Малый бизнес Вологодской области в январе–сентябре 2012 года: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2012. – 42 с.; Малое предпринимательство в области: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2009. – 72 с.; Малый бизнес Вологодской области в январе–сентябре 2012 года: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2012. – 42 с.

Рисунок 1. Количество фактически работающих индивидуальных предпринимателей в Вологодской области, тыс. чел.

Источники: Малое предпринимательство Вологодской области в 1996–2001 годах: тенденции и приоритетные направления дальнейшего развития: инф.-аналит. зап. / ВНКЦ ЦЭМИ РАН. – Вологда, 2002. – Режим доступа: <http://www.booksite.ru/fulltext/bui/sne/sss/mall/2.htm>; Малое и среднее предпринимательство в Вологодской области. 2010: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2010. – 49 с.; Малый бизнес Вологодской области в январе–сентябре 2012 г.: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2012. – 49 с.

Для малого бизнеса характерно активное привлечение работников на условиях вторичной занятости. Так, наряду с работниками списочного состава, на предприятиях в 2012 г. было занято порядка четырех тысяч внешних совместителей и сотрудников, выполнявших работы по договорам гражданско-правового характера, что составляет 6% от общей численности работников малых предприятий.

Рабочие места создаются и индивидуальными предпринимателями. За период с 2000 по 2009 г. в Вологодской области наблюдается рост численности индивидуальных предпринимателей на 66%: собственное дело открыли 17 тыс. человек (рис. 1). С 2009 г. в регионе реализуется программа по снижению напряженности на рынке труда, предусматривающая мероприятия по организации самозанятости безработных граждан.

В 2012 г. наметилась тенденция сокращения количества индивидуальных предпринимателей – более трех тысяч их закрылось только за декабрь 2012–январь 2013 г. [4] (для сравнения: за первое полугодие 2012 г. – порядка 4 тыс.)⁴. Скорее всего, это связано с тем, что с 2011 г. возросла нагрузка по социальным налогам на малые предприятия и индивидуальных предпринимателей. Общая ставка налога на фонд оплаты труда составила 34% против действовавших ранее

⁴ За период с 2000 г. в регионе прекратили свою деятельность 77,9 тыс. предпринимателей. В целом главной причиной закрытия бизнеса российских индивидуальных предпринимателей (60% закрытий) стало их решение о прекращении деятельности. Основной причиной закрытия бизнеса иностранных граждан послужило аннулирование документа, подтверждающего право индивидуального предпринимателя временно или постоянно проживать в Российской Федерации (26% случаев закрытия). Источник: Статистические сведения об индивидуальных предпринимателях, внесенных в Единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей (www.nalog.ru).

14% от зарплаты сотрудников в качестве социальных налогов для предприятий, использующих упрощенную систему налогообложения, и 26% – для использующих общую систему налогообложения [6]. Кроме того, предельная величина базы для начисления страховых взносов возросла более чем на 11% в 2011 г. и на 11% в 2012 г. по отношению к предыдущему году.

Если не изменить ситуацию, возможно нарастание процесса свертывания деятельности и малых предприятий, и индивидуальных предпринимателей, что негативно скажется на пополнении муниципальных бюджетов (55% индивидуальных предпринимателей приходится на районы области). Кроме того, это может привести к снижению заработной платы сотрудников малых предприятий, уровня жизни жителей региона, усилению социальной напряженности в обществе.

С 2005 по 2008 г. среднемесячная заработная плата сотрудников малых предприятий увеличилась на 41% – до 17 тыс. руб. (рис. 2). В 2009 г. произошло ее снижение почти на 20% по сравнению с 2008 г., что связано с финансово-экономическим кризисом, повлекшим за собой снижение оборота компаний.

Наибольшие доходы получают работники предприятий, занимающихся финансовой деятельностью, добычей полезных ископаемых, хотя доля таких работников в общем их количестве едва превышает 2% (рис. 3). Оплата труда в сфере финансовой деятельности в два раза выше, чем в сельском и лесном хозяйстве.

В сфере оптовой и розничной торговли; ремонта автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования, где сосредоточен наибольший процент работников,

Рисунок 2. Среднемесячная заработная плата одного работника малого предприятия Вологодской области (в сопоставимых ценах 2012 г.), тыс. руб.

* Включая микропредприятия.

** Январь–сентябрь.

Источники: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>; Единая межведомственная информационно-статистическая система. – Режим доступа: <http://fedstat.ru>

Рисунок 3. Среднемесячная заработная плата работников малых предприятий (без микропредприятий), организаций, не относящихся к субъектам малого предпринимательства, по отдельным видам экономической деятельности в 2012 г., тыс. руб.

Источник: Малый бизнес Вологодской области в 2012 году: стат. бюлл. / Вологдастат. – Вологда, 2013. – 41 с.

наблюдается невысокий фонд начисленной заработной платы – порядка 12 тыс. рублей ежемесячно на работника.

На протяжении рассматриваемого периода уровень заработной платы работающих на малых предприятиях остается невысоким – лишь 60% от среднего по региону. На наш взгляд, это может объясняться выдачей зарплат «в конвертах», а также небольшим по сравнению с крупным и средним бизнесом оборотом малых предприятий. При этом за период с 2008 по 2011 г. их оборот в расчете на одну организацию снизился на 13%, инвестиции в основной капитал – в шесть раз (табл. 6).

Доля прибыльных организаций осталась прежней, однако рентабельность проданных товаров, и так находящаяся на невысоком уровне, сократилась еще на 1,2%. Это может свидетельствовать об увеличении себестоимости выпускаемой предприятиями продукции/оказываемых услуг, вызванном ростом цен на энергоносители, горюче-смазочные материалы, оборудование, а также вследствие использования устаревшего оборудования и технологий.

Для предприятий малого бизнеса, функционирующих в регионе, характерна высокая степень износа основных фондов, особенно в сфере добычи полезных ископаемых (59%), транспорта и связи (44%),

Таблица 6. Показатели оценки финансово-экономического состояния субъектов малого бизнеса Вологодской области

Показатель	Ед. измерения	Год			
		2008	2009	2011	Абс. откл. 2011 – 2008
Доля предприятий в общем числе организаций	%	18,3	18,9	25,3	7,0
Оборот предприятий в расчете на одну организацию	млн. руб.	14,9	12,1	12,9	-2,0
Инвестиции в основной капитал в расчете на одну организацию	млн. руб.	0,54	0,17	0,09	-0,45
Доля прибыльных организаций	%	74,7	70,1	74,2*	-0,5
Рентабельность проданных товаров, продукции	%	4,2	3,2	3,0*	-1,2

* Информация за 2010 г.
Источники: Малый бизнес в Вологодской области в 2011 году: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2012. – С. 5; Финансовое и имущественное состояние организаций малого бизнеса Вологодской области в 2008–2010 годах: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2011. – С. 25, 34, 60.

строительства (43%), сельского хозяйства (40%), обрабатывающих производств (37%). Снижение объема инвестиций в развитие малого бизнеса, низкий уровень рентабельности предприятий создает нехватку финансовых ресурсов для модернизации и замены основных фондов.

В то же время создание конкурентоспособной продукции на изношенном оборудовании затруднительно. Особенно обостряет эту проблему вступление России в ВТО, поскольку предприятия фактически оказываются на открытых рынках. Согласно данным опроса, только 16% предприятий имеют высокий уровень конкурентоспособности на международном рынке⁵ [5]. Среди барьеров, мешающих активно продвигать отечественный продукт на международные рынки, респонденты отмечали и высокие экспортные пошлины (37,1%), дороговизну и продолжительность таможенного оформления (35,5%), отсутствие средств на рекламу (30,6%).

Выявленные тенденции позволяют заключить, что в сфере бизнеса региона идет количественное увеличение, но нет качественного развития. И эту ситуацию можно охарактеризовать как кризисную.

⁵ По данным опроса ИСЭРТ РАН в 2012 г. (опрошено 100 субъектов малого и среднего бизнеса).

В числе основных причин, ее обусловивших, видится отсутствие благоприятной предпринимательской среды⁶.

Для повышения занятости и доходов населения через развитие малого и среднего бизнеса требуется комплексная работа по улучшению качества предпринимательской среды, а также разработка мероприятий, направленных на раскрытие и реализацию предпринимательского потенциала населения⁷. В числе ключевых направлений развития малого бизнеса, на наш взгляд, необходимо выделить следующие (табл. 7).

Рассмотренные мероприятия целесообразно реализовывать комплексно, на системной основе, в рамках долгосрочной программы развития малого и среднего бизнеса в регионе. Данный документ должен быть направлен на создание максимально комфортных условий для ведения и развития бизнеса, а также системы

⁶ Качество предпринимательской среды определяется двумя группами факторов: а) макроэкономическими (спрос, уровень сбережений, уровень насыщенности локальных рынков, наличие платежеспособного спроса населения на товары и услуги предприятий и т.д.); б) экономической политикой (налоговый режим, административные барьеры, контрольные процедуры, наличие инфраструктуры и т.д.).

⁷ Предпринимательский потенциал – готовность к риску и принятию ответственности, образовательный уровень, профессиональная подготовка и т. п.

Таблица 7. Направления повышения занятости и доходов населения через развитие малого бизнеса

Направление	Мероприятия
Вовлечение населения в занятие предпринимательством	Введение преподавания основ предпринимательской деятельности начиная ещё со школьной скамьи, а не только в вузе. Организация встреч школьников, студентов с успешными предпринимателями. Разработка и реализация специальных программ для отдельных категорий граждан (женщин-предпринимателей; безработных, поддержка молодых предпринимателей). Обучение потенциальных предпринимателей бизнес-планированию, навыкам ведения бизнеса. Формирование положительного имиджа предпринимателя, распространение позитивного опыта ведения бизнеса, создание традиций малого предпринимательства.
Поддержка создания новых предприятий	Финансирование стартового капитала малых предприятий*; целесообразность его предоставления на условиях возвратности. Освобождение от налогов на имущество и оборудование на первоначальном этапе развития бизнеса. Помощь при регистрации предприятий. Предоставление на льготных условиях офисных площадей, оборудования.
Содействие развитию уже существующих предприятий малого бизнеса	Снижение затрат и сроков подключения к инженерным сетям. Развитие государственно-частного партнерства при выделении земельных участков под строительство. Развитие системы венчурного финансирования. Совершенствование механизмов лизинга для субъектов малого предпринимательства. Развитие общественных объединений и ассоциаций предпринимателей. Увеличение кредитования малого бизнеса через расширение субсидирования процентных ставок по государственным программам.
* В Вологодской области реализуется программа по снижению напряженности на рынке труда, в рамках которой предоставляются гранты на создание своего дела (в размере 50 тыс. руб.). Однако выделяемые суммы грантов недостаточны для открытия своего дела. Согласно данным опроса ИСЭРТ РАН, по мнению жителей региона, для открытия своего дела необходима сумма порядка 1,3 млн. руб.	

мотивации, для того чтобы активизировать вовлечение населения в занятие малым бизнесом и содействовать развитию уже существующих предприятий.

Программу следует строить на анализе ситуации, сложившейся в сфере бизнеса. Заметим, что данные, публикуемые официальной статистикой, а именно количество малых предприятий, численность их работников, объем оборота и инвестиций, представляют количественные показатели, но не позволяют дать качественную характеристику бизнеса и оценить возможности его роста. Для этого целесообразно вести мониторинг по таким показателям, как размер затрат

с разбивкой по статьям, суммы сборов и налогов, перечисленные в бюджет и т.д.

В программе должны быть определены целевые показатели развития предпринимательства, включая отраслевые индикаторы, и разработаны планы развития малого бизнеса в разрезе муниципалитетов.

Работа в перечисленных направлениях будет способствовать улучшению предпринимательского климата. Чем он лучше в регионе, тем выше число потенциальных и активных предпринимателей. Развитие малого бизнеса позволит повысить уровень жизни населения и социальную стабильность в обществе, что, в свою очередь, обеспечит устойчивый экономический рост.

Литература

1. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 24 июля 2007 г. №209–ФЗ // КонсультантПлюс.
2. Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства Вологодской области на 2013–2016 гг. [Электронный ресурс]: государственная программа: утв. Постановлением Правительства области от 3 октября 2012 г. №1156. — Режим доступа: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=1927255>.

3. Развитие малого и среднего предпринимательства в Вологодской области на 2009–2012 годы (ред. от 04.06.2012) [Электронный ресурс]: долгосрочная целевая программа: утв. Постановлением Правительства области от 27 января 2009 г. №118. – Режим доступа: http://www.smb35.ru/state_support/vpr_118_270109_programme.pdf.
4. Данные Управления федеральной налоговой службы по Вологодской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.r35.nalog.ru.
5. Изучение готовности экспортно-ориентированных малых и средних предприятий Вологодской области к деятельности в условиях повышения конкуренции при присоединении России к ВТО [Текст]: отчет о НИР / исполн. С.В. Теребова, В.С. Усков, Д.И. Папин, С.С. Морозов, В.Н. Маковеев, Е.А. Мазилев. – Вологда, 2012. – 123 с.
6. Итоги развития малого и среднего бизнеса в России за 2011 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://d290351.u72.ukrhosting.com/subpage67.html#razdel1>.
7. Малый бизнес в Вологодской области в 2011 году [Текст]: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2012. – 49 с.
8. Малый бизнес Вологодской области в январе–сентябре 2012 г. [Текст]: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2012. – 49 с.
9. Подолякин, О.В. Условия ведения предпринимательской деятельности в регионе [Текст] / О.В. Подолякин, П.С. Плешаков // Проблемы развития территорий. – 2012. – № 2. – С. 30-35.
10. Предпринимательский потенциал российского общества: анализ и рекомендации по содействию вовлечению населения в малый бизнес [Текст]: итоговый аналитический отчет / А.Ю. Чепуренко, Т.А. Алимова, Н.Е. Тихонова, Т.Б. Обьдённова. – М., 2002. – 56 с.
11. Предпринимательство в регионе: состояние, перспективы [Текст]: монография / С.В. Теребова, О.В. Подолякин, В.С. Усков, С.Ю. Егорихина. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. – 160 с.
12. Радченко, М.В. Условия развития малого бизнеса на примере России и Китая [Электронный ресурс] / М.В. Радченко, Г.В. Соколова. – Режим доступа: <http://www.rppe.ru/wp-content/uploads/2011/05/radchenko-mv-sokolova-gv.pdf>.
13. Реформа ЖКХ: управляющие компании и ресурсоснабжение в оценках экспертов [Электронный ресурс]: доклад. – Режим доступа: http://www.energystate.ru/books/files/reforma_zkh.pdf.
14. Россия в цифрах. 2012 [Текст]: крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – 573 с.
15. Статистический ежегодник Вологодской области. 2011 [Текст]: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2012. – 374 с.
16. Статистические данные Единой межведомственной информационно-статистической системы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fedstat.ru>.
17. Статистические данные Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gks.ru.
18. Теребова, С.В. Предпринимательские способности населения: понятие и измерение [Электронный ресурс] / С.В. Теребова, П.С. Плешаков // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – №9. – Режим доступа: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/9/terebova.pdf>.
19. Финансовое и имущественное состояние организаций малого бизнеса Вологодской области в 2008–2010 годах [Текст]: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2011.
20. Reprtpreview Doing Business 2013 Smarter Regulations for Small and Medium-Size Enterprises 10th edition 2013 International Bank for Reconstruction and Development [Электронный ресурс]. – Washington, DC: The World Bank. – Режим доступа: <http://www.doingbusiness.org/reports/global-reports/doing-business-2013>.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

УДК 336.114

ББК 65.261.31(2Рос)

© Томилина Н.С.

Российская модель бюджетного федерализма: конкуренция или кооперация?

В статье дана характеристика российской модели бюджетного федерализма, структурно представленной расходными обязательствами, налоговыми полномочиями и финансовой помощью. Оценивается эффективность функционирования российской бюджетной модели, основанной на принципах кооперации с доминированием элементов централизованного управления. Отмечается, что на бюджеты субъектов РФ возложен широкий спектр расходных обязательств, но они не имеют достаточных финансовых источников покрытия этой ответственности, а механизм финансовой помощи ситуацию не сглаживает. Определение типа, конкурентного или кооперативного, российской модели бюджетного федерализма позволит новому реформированию межбюджетных отношений (которое объективно не может не происходить) быть адекватным и не противоречить принципам и характеристикам уже сформировавшейся бюджетной модели, принести положительные результаты.

Бюджетный федерализм, конкуренция, кооперация, межбюджетные отношения, расходные обязательства, налоговые полномочия, финансовая помощь.

**Наталья Сергеевна
ТОМИЛИНА**

кандидат экономических наук, научный сотрудник Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН
tomilina@iep.kolasc.net.ru

Введение

Межбюджетные отношения составляют одно из наиболее значимых слагаемых бюджетного процесса, имеющих как экономическое, так и социально-политическое значение. Это особенно характерно для государств федеративного типа, где, как правило, действуют достаточно сложные модели разграничения доходных и рас-

ходных полномочий органов управления различного уровня. Не случайно именно состояние межбюджетных отношений в наибольшей мере характеризуется уровнем реализации принципов *бюджетного федерализма*.

Межбюджетные отношения были и по-прежнему остаются одним из наиболее активно реформируемых элементов бюд-

жетной системы, но, к сожалению, из-за их несоответствия принципам уже сложившейся модели бюджетного федерализма не все нововведения органично в нее встроились. Как достигнуть этой цели?

Данный вопрос нами решается в настоящей статье с помощью методов логического, структурно-функционального, ретроспективного и сравнительного анализа статистических данных.

Алгоритм исследования представлен следующими блоками: анализируется система межбюджетных отношений, которая наиболее адекватно характеризуется моделью бюджетного федерализма; далее рассматриваются основные типы моделей (конкурентный и кооперативный федерализм); затем выясняется, к какому типу тяготеет российская модель бюджетного федерализма и каковы ее особенности.

Параметры моделей бюджетного федерализма

В экономической литературе существуют различные подходы к определению качественных признаков и основных принципов построения моделей бюджетного федерализма.

Наиболее часто базовыми принципами называют следующие три:

1. Разграничение бюджетной *ответственности* между центром и субъектами федерации. Речь идет о законодательном разграничении сфер финансирования расходов за счет бюджета того или иного уровня.

2. *Самостоятельность* бюджетов различных уровней. Данный принцип предполагает закрепление за каждым уровнем власти собственных источников финансирования расходов на постоянной основе и право самостоятельно принимать решения о направлении использования бюджетных средств.

3. *Равноправие* всех субъектов федерации в их финансовых отношениях с цен-

тром. Это положение не означает единообразие таких отношений. Субъекты могут выбрать тот или иной тип отношений с центром при соблюдении законодательно установленных требований этих отношений.

Перечисленные выше принципы, сложившиеся под воздействием предпочтений и интересов различных ступеней бюджетной системы, наполняют конкретным содержанием основные параметры, структурно формирующие модель бюджетного федерализма:

- *расходные обязательства* — распределение ответственности между уровнями бюджетной системы по предоставлению государственных услуг населению;

- *налоговые полномочия* — правила, наделяющие соответствующие уровни власти достаточными для реализации возложенной на них ответственности финансовыми ресурсами;

- *финансовая помощь* — система сглаживания вертикальных и горизонтальных дисбалансов, вызванных несогласованностью расходных обязательств и налоговых полномочий, с помощью межбюджетных трансфертов, с тем чтобы обеспечить на территории всей страны равный доступ граждан к государственным услугам.

В зависимости от порядка установления этих параметров и их взаимодействия выделяют две модели организации системы межбюджетных отношений — конкурентную и кооперативную.

При *конкурентной* модели «правила игры» определяются каждым участником самостоятельно. Конкуренция между субъектами федерации с помощью установления наиболее выгодных правил игры возникает за мобильные ресурсы. «Правила игры» в *кооперативной* модели формулируются всеми участниками (федеральным центром и субфедеральными властями) сообща.

Конкурентная и кооперативная модели бюджетного федерализма

Концепция *конкурентной модели* впервые была представлена в работе канадского ученого А. Бретона [4], в которой отмечалось, что участникам федеративных отношений (центр и субфедеральные правительства) необходимо приспосабливаться к меняющимся условиям. Труд и капитал мобильны, и владельцы этих факторов производства могут выбрать наиболее выгодные для себя правила игры, используя процедуру выборов (федеральных, региональных и местных), менять место жительства или адрес юридической организации, сосредоточивать деятельность в регионах с наиболее благоприятными для себя условиями. Региональные и местные органы власти, в свою очередь, предоставляют фирмам и населению, находящимся на их территории, определенные общественные блага в обмен на собираемые налоги, которые выступают своего рода ценами, уплачиваемыми потребителями услуг. Задачей в этом случае является разработка системы правил конкуренции между органами власти.

Конкурентной бюджетной модели присущи следующие основные особенности:

- высокая степень децентрализации управления;
- высокая степень финансовой независимости и самостоятельности региональных властей;
- четкое разделение и закрепление соответствующих налогов и доходов за каждым уровнем бюджетной системы;
- слабое участие центрального правительства в политике выравнивания горизонтальных диспропорций, вообще слабое развитие системы бюджетного выравнивания: как правило, федеральные средства предоставляются в виде целевых перечислений на финансирование конкретных программ или нуждающимся категориям населения.

В качестве примера страны с конкурентной бюджетной моделью нередко приводятся США.

Известный немецкий экономист Х. Зиберт [1] определил *кооперативную модель бюджетного федерализма* как переговорную, когда все стороны каждый раз собираются и договариваются, в том числе о разделении доходных источников и расходных обязательств. По мнению Зиберта, кооперативной модели присущ значительный недостаток: компромисс на переговорах между центром и субъектами федерации всегда достигается за счет ущемления интересов будущих поколений, т.к. они в этих переговорах участия не принимают.

Кооперативная бюджетная модель обладает следующими основными особенностями:

- значительное участие региональных властей в функциях перераспределения национального дохода и макроэкономической стабилизации, что ведет к более тесному бюджетному сотрудничеству региональных и центральных государственных структур;
- долевое участие разных уровней власти в главных национальных налогах;
- активная политика горизонтального бюджетного выравнивания и, следовательно, повышенная ответственность центра за состояние субфедеральных государственных финансов (что ведет к усилению контроля со стороны центра и некоторому ограничению самостоятельности региональных властей);
- утверждение принципа территориальной справедливости как приоритетного.

Наибольшее развитие кооперативная модель получила в Германии.

Конкурентная модель в большей степени способствует экономической эффективности, кооперативная же направлена на бюджетное выравнивание региональных диспропорций, т.е. на территориальную справедливость.

Необходимость решать общенациональные задачи (национальная оборона, развитие общенациональной инфраструктуры, масштабные социальные проекты и т.д.), нивелировать межрегиональную дифференциацию делает более адекватной кооперативную модель бюджетного федерализма, тогда как для обеспечения устойчивых темпов экономического роста, учета местной специфики в организации общественного сектора следует предпочесть конкурентную модель (табл. 1).

Отметим, что в чистом виде не существует ни кооперативных, ни конкурентных моделей. С одной стороны, невозможно сформировать единые правила игры всеобъемлющими, всегда останутся субъекты, для которых сделают определенные допущения и/или дополнения, следовательно, возникнет конкуренция за особые условия в общенациональных правилах. С другой стороны, даже абсолютно независимым друг от друга и от федерального центра субъектам федерации придется вести переговоры по установлению правил игры, затрагивающих интересы государства в целом.

Таким образом, говоря о конкурентной или кооперативной модели бюджетного федерализма в какой-либо стране, необходимо учитывать, что речь идет о преобладании того или иного принципа в построении межбюджетных отношений. В этой связи представители конкурентной или кооперативной модели — это не «чистые» типы, а страны, где два этих принципа наиболее ярко выражены.

Российская модель бюджетного федерализма

Рассмотрим российскую модель бюджетного федерализма в разрезе представленных выше параметров (расходных обязательств, налоговых полномочий и финансовой помощи) и выясним особенности ее построения и функционирования.

Расходные обязательства. Количественная оценка распределения расходных обязательств по уровням бюджетной системы говорит о практически равном участии центра и регионов в формировании расходной части консолидированного бюджета страны, и эта пропорция стабильна во времени. Незначительное снижение

Таблица 1. Сравнительная характеристика конкурентной и кооперативной моделей бюджетного федерализма

Элемент сравнения	Конкурентная модель	Кооперативная модель
Распределение полномочий	Четкое разграничение полномочий Автономия федерального центра (центра) и субъектов федерации (субъектов) друг от друга	При формально четком разграничении полномочий центр вмешивается в дела субъектов Часто используется принцип совместного решения Центр считается с интересами субъектов Субъекты придерживаются федеральных норм и стандартов
Налоговая система	Субъект может устанавливать и собирать собственные налоги	Унифицированная система установления и взимания налогов
Бюджетные расходы	Субъект самостоятельно определяет направления расходования средств	Расходование средств субъектов базируется на социальных стандартах Субъекты финансируют обязательства, установленные центром
Роль межбюджетных трансфертов	Низкая доля межбюджетных трансфертов в доходах бюджетов субъектов Отсутствуют (или минимальны) дотации на горизонтальное выравнивание Отсутствуют федеральные мандаты	Высокая доля межбюджетных трансфертов в доходах бюджетов субъектов Высокая роль горизонтального и вертикального выравнивания Значительные объемы федеральных мандатов и/или острая проблема нефинансируемых федеральных мандатов

Таблица 2. Динамика доли расходных обязательств субъектов Российской Федерации в 1995–2010 гг., %*

1995	1996	1997	1998
50,8	52,5	55,8	50,2
1999	2000	2001	2002
52,0	52,7	55,0	49,3
2003	2004	2005	2006
50,0	50,8	43,1	43,7
2007	2008	2009	2010
44,5	45,2	39,3	39,6

* Расходные обязательства оцениваются как доля расходов консолидированных бюджетов субъектов федерации в консолидированном бюджете РФ, в %.

Источники: законы об исполнении федерального бюджета РФ; Росстат: www.gks.ru [2]; расчеты автора.

доли расходов консолидированных бюджетов субъектов федерации в консолидированном бюджете страны в 2009–2010 гг. обусловлено негативным влиянием финансового кризиса на бюджетные пропорции (табл. 2).

Качественная оценка расходных обязательств, исходящая из предположения, что предоставление права расходования средств не всегда предполагает права распоряжения, говорит о снижении количества функций, возложенных на федеральный уровень, в цепочке «нормативно-правовое регулирование – обеспечение финансовыми средствами – исполнение государственных функций». Для региональных и местных властей ситуация противоположна: они мало участвуют в нормативно-правовом регулировании, но на стадиях финансового обеспечения и исполнения их роль соразмерна с нормативно-правовой ответственностью.

Социальная сфера ответственности – яркий пример рассогласованности расходных обязательств по уровням бюджетной системы. Основная часть социальных обязательств (образование, здравоохранение, социальная политика) возложена на субфедеральные бюджеты, в совокупных расходах которых они занимают половину, при этом нормативно-правовое регулирование социальных вопросов и установление

стандартов в этой сфере государственной ответственности является прерогативой центра федерации (рис. 1).

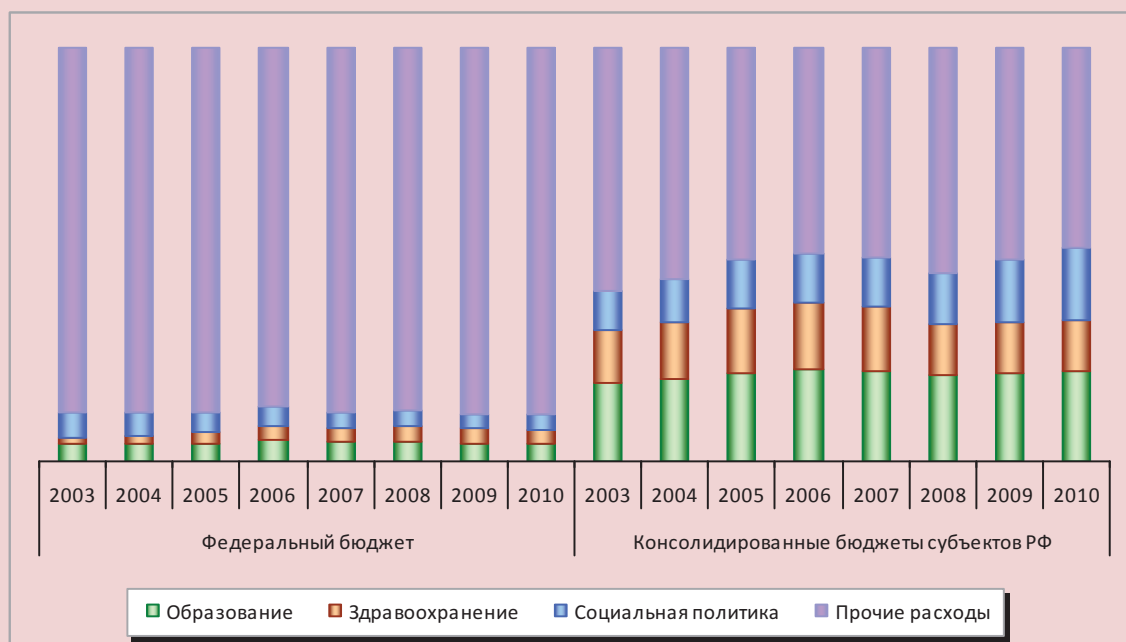
Характеристика расходных обязательств дает представление о тяготении российской модели бюджетного федерализма к кооперативной с акцентом на доминировании централизованного управления¹:

- недостаточно четкий перечень расходных полномочий каждого уровня бюджетной системы;
- *широкое распространение принципа «совместного решения»;*
- передача федеральных обязательств нижестоящим уровням без подкрепления их финансовыми средствами;
- *базирование расходования средств на стандартах, установленных центром.*

Структурная незавершенность распределения расходных обязательств – нечеткость перечня расходных полномочий – выражается в преобладании государственной деятельности, находящейся в сфере совместного ведения различных уровней власти. При такой расплывчатой иерархии происходит размывание ответственности между уровнями государственного управления при оказании общественных услуг населению и, как следствие, распространение дестабилизирующих бюджетную систему неформальных практик.

¹ Курсивом выделены параметры, присущие кооперативной модели бюджетного федерализма.

Рисунок 1. Структура распределения социальной ответственности между федеральным и региональными уровнями, в %

Источник: законы об исполнении федерального бюджета РФ; Регионы России [3].

Налоговые полномочия. В целях анализа налоговых полномочий рассмотрим структуру консолидированного бюджета Российской Федерации и его динамику за ряд лет (табл. 3).

В сфере доходных полномочий рассматриваемый период четко делится на три подпериода. Если в 1995–1999 гг. наблюдался рост доли консолидированных бюджетов субъектов федерации в консолидированном бюджете РФ, то начиная с 2000 г. роль субфедеральных бюджетов в формировании консолидированного бюджета сокращается, а изменение структуры консолидированного бюджета страны с 2008 г. спровоцировано влиянием финансового кризиса, обусловившего снижение доходов федерального бюджета. При этом темпы сокращения налоговых полномочий (14%) выше, чем темпы снижения расходной нагрузки (10%).

В настоящее время в российской налоговой системе, в сущности, по всем налогам и налоговая база, и налоговые ставки, а также практически все иные элементы налога определяются федеральным законодательством. Права субъектов федерации и органов местного самоуправления сводятся к корректировке налоговой ставки в пределах, установленных центром.

Для России всегда был характерен высокий уровень централизации, в том числе в сфере налоговых полномочий. Некоторое исключение составлял относительно короткий период начала 1990-х годов, неудачный опыт которого породил обратную тенденцию к усилению федеральной составляющей в налоговой сфере. Эффект от централизации оценивается при использовании показателя бюджетной обеспеченности, так как с его помощью можно

Таблица 3. Динамика доли доходных полномочий субъектов Российской Федерации, %*

	1995	1996	1997	1998
Доходы**	46,7	49,1	50,4	51,5
Налоговые доходы	43,2	45,5	46,6	45,3
	1999	2000	2001	2002
Доходы**	48,0	46,0	41,2	39,0
Налоговые доходы	41,0	35,4	33,0	31,3
	2003	2004	2005	2006
Доходы**	39,7	40,3	29,8	30,0
Налоговые доходы	32,4	32,9	27,9	27,8
	2007	2008	2009	2010
Доходы**	33,2	32,3	32,5	33,9
Налоговые доходы	24,2	28,3	28,5	30,2

* Доходные полномочия оцениваются как доля налоговых и иных доходов консолидированных бюджетов субъектов федерации в консолидированном бюджете России, %.
 ** Без учета финансовой помощи из федерального бюджета.
 Источники: законы об исполнении федерального бюджета РФ; Росстат России: www.gks.ru [2]; расчеты автора.

охарактеризовать доходные возможности субъектов в рамках сложившейся системы распределения налоговых полномочий.

Бюджетная обеспеченность² регионов Северо-Западного федерального округа (СЗФО) в начале периода перевеса налоговых полномочий в сторону центра (2000–2002 гг.) характеризуется значительной дифференциацией – 8 регионов из 11 не могут достичь даже среднероссийского уровня бюджетной обеспеченности. Но с 2007 г., когда процессы централизации практически завершены, модель бюджетного федерализма становится более или менее устоявшейся и не подвергается кардинальным изменениям; картина меняется на противоположную: 7 субъектов «перешагивают» границу среднего по России показателя бюджетной обеспеченности и дифференциация уже не кажется столь глубокой (табл. 4).

Централизованное управление, близкое нам исторически, выраженное в смещении акцентов в системе распределения налоговых полномочий в сторону центра феде-

рации, привело к снижению различий в доходных возможностях субфедеральных бюджетов. Регламентирование правил, не идущих вразрез со сформировавшимися принципами бюджетной модели, дало в итоге положительный эффект.

Систематизация характеристик налоговых полномочий дает основания для констатации факта тяготения российской модели бюджетного федерализма к кооперативной³:

- жестко унифицированная налоговая система;
- широкое использование расщепляемых налогов;
- превалирование в перечне налогов федеральных по сравнению с региональными и местными.

Финансовая помощь. Структура финансовой помощи соответствует представлению о ней в кооперативной модели бюджетного федерализма: проведение активной государственной политики горизонтального выравнивания, преобладание нецелевой федеральной финансовой поддержки.

² Здесь бюджетная обеспеченность формируется за счет собственных источников, т.е. собственных доходов и отчислений от регулирующих налогов без учета финансовой помощи из федерального бюджета.

³ Курсивом выделены параметры, присущие кооперативной модели бюджетного федерализма.

Таблица 4. Эффект от централизации налоговых полномочий*

Интервалы отклонения бюджетной обеспеченности	2001	2002	2003	2004	2007	2008	2009	2010
0,00 – 0,50	Архангельская Калининградская Новгородская Псковская	Архангельская Калининградская Новгородская Псковская	Калининградская Новгородская Псковская	Калининградская Новгородская Псковская	Новгородская Псковская	Псковская		
0,51 – 0,75	Вологодская Мурманская	Карелия Вологодская Мурманская	Карелия Архангельская Мурманская	Карелия Архангельская Мурманская	Карелия Архангельская Калининградская	Новгородская	Псковская	Псковская
0,76 – 1,00	Карелия Ленинградская	Ленинградская	Вологодская Ленинградская	Ленинградская	Ленинградская	Карелия Архангельская Калининградская Ленинградская	Карелия Архангельская Вологодская Калининградская Новгородская	Карелия Архангельская Вологодская Калининградская Новгородская
1,01 – 1,50	Коми	Коми	Коми	Коми	Коми	Коми Вологодская Мурманская	Коми Ленинградская Мурманская	Коми Ленинградская Мурманская
1,51 – 2,00			Санкт-Петербург	Вологодская Санкт-Петербург	Вологодская Мурманская Санкт-Петербург	Санкт-Петербург	Санкт-Петербург	Санкт-Петербург
Свыше 2,01	Ненецкий АО Санкт-Петербург	Ненецкий АО Санкт-Петербург	Ненецкий АО	Ненецкий АО	Ненецкий АО	Ненецкий АО	Ненецкий АО	Ненецкий АО

* Для разнесения субъектов по кластерам были рассчитаны отклонения бюджетной обеспеченности до получения финансовой помощи из федерального бюджета от среднероссийского значения, принятого за единицу.

Источник: Министерство финансов www.minfin.ru; Росстат www.gks.ru; [2]; расчеты автора.

Масштабная централизация налоговых полномочий и завышенные расходные обязательства субъектов провоцируют несбалансированное состояние бюджетной системы. Подобная несогласованность не сглаживается финансовой помощью, о чем свидетельствует показатель компенсации⁴, размерность которого за семнадцать лет (1995–2011 гг.) уменьшилась в 3,2 раза (рис. 2).

Далеко не всегда снижение федеральной финансовой поддержки субфедеральных бюджетов вызвано улучшением их состояния. Например, ни один из субъектов СЗФО за 10 лет (2001–2010 гг.) не показал устойчивого профицита регионального бюджета, но помощь им в эти годы снижалась (табл. 5). Стабильный перечень регионов-получателей федеральных трансфертов – еще одно свидетельство того, что система предоставления финансовой помощи не упорядочена и сглаживания дисбаланса бюджетной системы с помощью трансфертного механизма не происходит.

Сложившийся порядок функционирования механизма оказания финансовой помощи наполнил его следующим содержанием⁵:

- отведение большой роли горизонтальному выравниванию;
- сложно выстроенная система финансовой помощи;
- преобладание нецелевой финансовой поддержки.

Преодоление несбалансированности российской бюджетной системы не должно сводиться к простому покрытию дефицитов региональных бюджетов, переложению расходной ответственности с одного уровня бюджетной системы на другой или незначительным налоговыми корректировкам. Поиск решений накопившихся проблем должен носить системный характер, и понимание того, по каким принципам, конкуренции или кооперации, построена модель бюджетного федерализма, даст возможность проведения адекватных и успешных реформ.

Рисунок 2. Характеристика финансовой помощи по показателю компенсации

⁴ Показатель компенсации рассчитан как доля средств, возвращаемых регионам в виде финансовой помощи, в налоговых доходах федерального бюджета, %.

⁵ Курсивом выделены ограничения, присущие кооперативной бюджетной модели.

Таблица 5. Эффект функционирования финансовой помощи, млн. рублей*

Субъект РФ	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Республика Карелия	- 129,6**	- 679,5	- 1368,3	- 438,3	+ 280,7	- 1044,4	- 1034,4	- 365,1	- 3402,5	- 488,7
Республика Коми	- 50,2	- 2064,8	- 942,6	- 12,2	+ 973,7	+ 672,6	+ 394,1	- 421,9	- 1051,4	+ 986,7
Архангельская область	- 72,7	- 385,5	- 500,9	+ 227,4	+ 220,1	+ 333,1	+ 2574,5	- 4301,2	- 6424,3	- 219,5
Ненецкий АО	- 17,1	- 241,7	- 6,9	+ 930,2	- 612,3	+ 1036,7	- 287,2	- 559,1	- 629	+ 310,7
Вологодская область	- 779,2	+ 42,4	+ 101,8	+ 3567,9	- 1722,5	+ 509,7	- 147,6	+ 261	- 6456,6	- 6857,4
Калининградская область	+ 29,4	- 154,3	- 394,8	- 205,9	- 21,7	- 160,6	+ 744,6	+ 842,6	+ 2667,8	- 2956,5
Ленинградская область	+ 124,7	+ 663,3	- 875,2	- 1011,8	- 1137,7	+ 2503,9	+ 4010,3	+ 1109,9	- 4534,2	+ 2196,1
Мурманская область	- 522,2	- 1177,8	- 1258,0	+ 147,8	- 20,3	+ 141,7	+ 2129,4	- 300,9	- 2562,5	+ 2439,6
Новгородская область	- 77,2	- 164,4	- 408,2	- 12,6	+ 551,9	- 286,8	+ 227,4	- 1085,6	- 1653,4	- 3539,1
Псковская область	- 15,6	+ 318,8	- 519,8	- 499,6	+ 529,2	+ 1035,1	+ 818,3	+ 505,5	- 746,8	- 711,3
г. Санкт-Петербург	+ 2295,9	+ 1061,3	- 1092,5	+ 1250,5	+ 6454,1	+ 31961,9	+ 18820,1	- 16659,9	- 6393,9	- 11254

* Эффект для субъекта федерации от финансовой помощи определен здесь как разница доходов и расходов субфедеральных бюджетов. При положительном результате (бюджет в соответствующем году закрыт с профицитом) – эффект положительный; при отрицательном (бюджет закрыт с дефицитом) – отсутствие положительного эффекта.

** Полу жирным шрифтом выделен отрицательный эффект.

Источники: Росстат www.gks.ru [2]; расчеты автора.

Заключение

Сформировавшийся к середине девяностых годов странный гибрид централизованной системы выделения средств и значительной политической децентрализации, когда стиль взаимоотношений между федеральными и региональными властями определялся в процессе неформального торга, в дальнейшем сменился центростремительными тенденциями бюджетного процесса, отсутствием субнациональной автономии как в финансовом, так и в политическом аспектах.

Стремление построить в начале девяностых годов в нашей стране модель бюджетного федерализма, основанную на

принципах конкуренции, не увенчалось успехом в силу чуждости объявлявшихся принципов характеристикам сложившейся в стране системе межбюджетных отношений.

Дальнейшие нововведения и перемены привели к переходу бюджетной модели в рамки кооперативной концепции с уклоном к построению взаимоотношений федерального центра и регионов, основанных преимущественно на принципах централизации. Но это не отменяет необходимость совершенствования межбюджетных отношений в стране, что является предметом расширяющихся научных исследований и рациональной практики.

Литература

1. Зиберт, Х. Эффект кобры: как можно избежать заблуждений в экономической политике / Х. Зиберт. – СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 2003. – С. 76.
2. Статистический сборник России [Электронный ресурс]. – URL: www.gks.ru (дата обращения: 02.04.13).
3. Регионы России: социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 990 с.
4. Breton, A. Competitive Governments: An Economic Theory of Politics and Public Finance / A. Breton. – Cambridge, 1996.

ПРОБЛЕМЫ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

УДК 330.341.2

ББК 65.01

© Пьянкова С.Г.

Проектирование институционального развития монопрофильных территорий

В статье представлены тенденции развития монопрофильных городов, направления их государственной поддержки в России и за рубежом, описаны результаты развития моногородов, полученные при государственной поддержке, предложена схема проектирования институционального развития монопрофильного города.

Монопрофильные территории, проектирование, показатели, институты развития.

**Светлана Григорьевна
ПЬЯНКОВА**

кандидат экономических наук, доцент, Институт экономики УрО РАН
silen_06@list.ru

Каждый экономический кризис (в 1990–1992 годах – в начале рыночных преобразований, в 1998–1999 годах – в период дефолта, в 2008–2009 годах – на этапе мирового экономического кризиса) значительно дисбалансирует экономику территорий, особенно монопрофильных, имеющих специфические особенности формирования и развития. Они наиболее чувствительны к социальным и экономическим провалам, соответственно требуют повышенного внимания со стороны ученых, экспертов, представителей властных структур.

По мнению специалистов Министерства экономического развития Мурманской области, моногорода – это те населенные

пункты, в которых жизнедеятельность населения находится в критической зависимости от внешних факторов. Управление рисками изменения таких факторов в негативную для существующего качества жизни населения сторону или их компенсация не могут быть выполнены только силами руководителей городских предприятий и организаций. Как правило, отличительной чертой моногорода является наличие одного доминирующего предприятия, на котором занято более четверти трудоспособного населения города, что часто отражается в определении такого предприятия, как «градообразующего» или в англоязычной версии определения такого населенного пункта, как «one-company town» [1].

Коллектив ученых под руководством Е.Г. Анимица в своей монографии указывает, что «монопрофильность – это риск всегда и везде, как на уровне предприятия, так и на уровне города, региона, страны. Из-за резкого падения на рынках спроса на продукцию градообразующих предприятий их владельцам пришлось сократить объемы производства, отправлять рабочих в вынужденные административные отпуска, переводить их на частичную занятость, неполную рабочую неделю или вовсе увольнять. Сокращение объемов производства на градообразующих предприятиях или их остановка (даже частичная) приводят к параличу жизни города. Монопрофильность экономики, перекосы хозяйственной структуры делают любой моногород заложником одного-двух градообразующих предприятий» [2].

На сегодняшний день на примере Свердловской области можно выделить следующие проблемы моногородов:

1. В целом по Свердловской области с конца 1960-х годов рождаемость снизилась до уровня немного ниже необходимого для простого воспроизводства населения. Современные параметры рождаемости в 2 раза меньше, чем требуется для замещения поколений. Смертность превышает рождаемость, сохраняется естественная убыль населения. Например, по данным статистики, в моногороде Карпинск уровень рождаемости в 2012 году по сравнению

с 2011 годом снизился на 0,4 и составил 12,7 на 1000 населения, в городе Каменск-Уральский рождаемость сохраняется на одном уровне – 13,3 на 1000 населения.

2. Согласно балансу трудовых ресурсов, разработанному Министерством экономики Свердловской области, к 2019 году численность трудовых ресурсов области сократится с 2762,9 тыс. человек (2011 год) до 2653,3 тыс. человек (на 109,6 тыс. человек). Причина – сокращение численности трудоспособного населения в трудоспособном возрасте с 2547 тыс. человек в 2011 году до 2385 тыс. человек в 2019 году (на 162 тыс. человек). Снижение показателя обусловлено снижением доли трудоспособного населения в общей численности населения области с 60 до 53% в целом по Свердловской области. Из *таблицы 1* видно, что снижение численности трудоспособного населения наблюдается практически во всех монопрофильных городах, таких как Верхняя Тура, Серов, Красноуральск, Каменск-Уральский, Североуральск, Нижний Тагил.

3. Практически во всех монопрофильных территориях наблюдается тенденция переезда работоспособного населения на заработки в другие города. Отрицательный миграционный прирост наблюдается в таких моногородах, как: Красноуральск, Каменск-Уральский, Североуральск, Серов, Верхняя Тура, Карпинск, Нижний Тагил (*табл. 2*).

Таблица 1. Численность трудоспособного населения монопрофильного города, тыс. чел. (в скобках – в % к постоянному населению города)

Город	2011 г.	2012 г.
Карпинск	17,7 (56,6)	18,9 (59,4)
Ревда	37,6 (59,4)	38,3 (60,5)
Верхняя Тура	5,8 (60,8)	5,0 (54,6)
Серов	64,1 (59,4)	64,1 (59,4)
Красноуральск	14,5 (56,9)	14,2 (56,6)
Каменск-Уральский	102,8 (58,7)	101,3 (58,2)
Североуральск	30,2 (60,3)	26,6 (59,8)
Нижний Тагил	218,0 (60,1)	207,9 (57,4)

Таблица 2. Миграционное движение в монопрофильных городах, чел.

Город	2011 г.			2012 г.		
	Прибыло	Выбыло	Миграционный прирост	Прибыло	Выбыло	Миграционный прирост
Ревда	1 225	1 113	112	1 487	1 335	152
Красноуральск	312	535	-223	424	628	-204
Каменск-Уральский	2018	3120	-1102	2925	3634	-709
Североуральск	507	694	-187	557	1084	-527
Серов	1209	1330	-121	1539	1731	-192
Верхняя Тура	270	306	-36	182	299	-117
Карпинск	2367	1265	1102	254	604	-350
Нижний Тагил	2693	4330	-1637	4076	4688	-612

4. Вместе с тем проблемными остаются ситуации на градообразующих предприятиях монопрофильных городов.

Например, общий объем производства ОАО «Верхнетуриинский машиностроительный завод» (бывший ФГУП «Верхнетуриинский машиностроительный завод») за период с 2007 по 2011 г. сократился более чем в два раза (с 327 млн. руб. в 2007 г. до 160 млн. руб. в 2011 г.) в результате сокращения госзаказа.

В июне 2012 г. предприятие акционировано со 100% пакетом акций Госкорпорации. С 18 июля 2012 г. были организованы временные работы для находящихся под угрозой увольнения 500 работников градообразующего предприятия – ОАО «Верхнетуриинский машиностроительный завод». Обозначен вопрос о предоставлении финансовой поддержки на организацию производства новых видов продукции гражданского назначения.

В большинстве монопрофильных городов наблюдается превышение среднеобластного уровня безработицы.

По состоянию на 1 апреля 2013 г. среднеобластной уровень регистрируемой безработицы составил 1,4%, превышение среднеобластного значения указанного показателя отмечено в 11 моногородах: Каменск-Уральский (1,84%), Карпинск (2,83%), Волчанск (2,9%), Качканар (2,13%), Верхний Тагил (2,83%), Красноуральск (2,47%), Красноуральск (2,45%),

Верхняя Тура (2,25%), Нижние Серги (2,76%), Североуральск (3,34%), Серов (1,74%).

Ниже среднеобластного уровня значение показателя регистрируемой безработицы в Асбесте (1,11%), Верхней Салде (0,79%), Нижнем Тагиле (0,66%) и Полевском (0,69%).

Как указывает *И.О. Москаленко*, проблема реструктуризации и развития монопрофильных городов, экономика которых полностью зависит от довольно успешных, испытывающих проблемы или ставших полностью неконкурентоспособными в новых рыночных условиях одного или двух предприятий, является сегодня для России чрезвычайно острой в социальном, экономическом, политическом плане. Властные структуры, предприятия и жители большинства моногородов оказываются неспособными своими силами компенсировать всё возрастающие риски динамичной внешней экономической среды, исключающие возможность устойчивого развития города [3].

За рубежом и в России ключевой поддержкой монопрофильных городов становятся институты развития.

Министерство экономического развития Российской Федерации относит **институты развития** к одному из инструментов государственной политики, стимулирующих инновационные процессы и развитие инфраструктуры с использованием меха-

низмов государственно-частного партнерства. Основная цель институтов развития — преодоление так называемых «провалов рынка» для решения задач, которые не могут быть оптимально реализованы рыночными механизмами, для обеспечения устойчивого экономического роста и диверсификации экономики [4].

За рубежом институты развития финансово поддерживают целый комплекс государственных и муниципальных мероприятий социальной направленности, среди которых в качестве примера можно выделить следующие:

— *профессиональное переобучение населения* — для этого очень часто в монопрофильных городах создаются новые университеты, расширяется список специальностей и в целом повышается образовательный и научный потенциал населения;

— *социальная помощь населению* — введение длительных оплачиваемых отпусков, льгот (например, льготные кредиты на приобретение жилья); содействие созданию новых рабочих мест для трудоустройства высвобождаемых работников; организация общественных работ для временного трудоустройства; предоставление права досрочного выхода на пенсию и т.п.;

— *поддержка развития малого бизнеса* за счет государственных средств, местных бюджетов и общественных фондов;

— *содействие переселению населения* из неперспективных моногородов (наиболее широко переселение как инструмент поддержки моногородов распространено в США из-за высокой мобильности населения);

— *совершенствование старой и создание новой инфраструктуры* (развитие логистики, коммуникаций, строительство и реконструкция жилых кварталов и т.п.). В ряде стран существуют даже специальные программы такого рода. Например, Мини-

стерство жилищного и коммунального строительства Франции разработало программу «Содействие жилищному строительству», согласно которой за счет средств, выделяемых государством, осуществляется строительство новых и реконструкция старых жилых домов, расположенных в центральных районах городов. Подобная поддержка помогает, во-первых, привлечь более качественную рабочую силу, а, во-вторых, при закрытии предприятия сотрудники за счет развитой транспортной инфраструктуры имеют возможность работать в близлежащем городе [5].

Данный опыт институционального строительства вводится и в российскую практику.

Рассмотрим результаты господдержки монопрофильных городов Свердловской области из институтов развития (по данным органов местного самоуправления монопрофильных городов Свердловской области):

1. На реализацию мероприятий по поддержке рынка труда монопрофильных территорий в 2011 году израсходовано из федерального бюджета 164,68 млн. руб.

В частности, удалось привлечь 54,6 млн. рублей на организацию общественных работ для 5159 жителей моногородов с компенсацией затрат работодателей на выплату заработной платы участникам мероприятия.

2. В рамках региональных адресных программ «Проведение капитального ремонта многоквартирных домов на территории Свердловской области» и «Переселение граждан на территории Свердловской области из аварийного жилищного фонда», реализованных в 2009–2012 гг. с привлечением средств ГК «Фонд содействия реформированию ЖКХ», принимали участие 13 монопрофильных городов Свердловской области.

Общий объем бюджетных средств, направленных за этот период на эти цели, превысил 5,7 млрд. руб., в том числе:

- на капитальный ремонт многоквартирных домов – 4,4 млрд. руб.,
- переселение граждан из аварийного и ветхого жилья – 1,3 млрд. руб.

В общей сложности отремонтировано 1539 многоквартирных домов общей площадью свыше 4,4 млн. кв. метров, в результате чего более 223,5 тысячи человек улучшили свои условия проживания. Наибольшие объемы работ по капитальному ремонту многоквартирных домов за период 2009–2012 гг. выполнены в городах: Нижний Тагил – 597 домов (2,3 млн. кв. м), Каменск-Уральский – 522 дома (1,54 млн. кв. м), Асбест – 46 домов (153,5 тыс. кв. м).

Из аварийного жилого фонда монопрофильных городов переселено 2 685 человек. Общая расселяемая площадь превысила 40,8 тыс. кв. метров (снесены многоквартирные дома, находящиеся в аварийном состоянии или признанные ветхими, – 161 ед.). Наибольшие объемы работ по отселению граждан из аварийного и ветхого жилья выполнены в городах: Нижний Тагил (1538 жителей, 77 домов, расселенная площадь – 24,4 тыс. кв. м); Серов (571 житель, 50 домов, 7,7 тыс. кв. м); Карпинск (306 жителей, 20 домов, 4,4 тыс. кв. м).

В результате выполнения такого объема работ было создано либо сохранено более 2 тыс. рабочих мест.

3. В целях реализации мероприятий по поддержке малого и среднего предпринимательства в Свердловской области 15 монопрофильным муниципальным образованиям в 2010–2012 годах выделено из средств областного бюджета более 187 млн. руб., из бюджетов разных уровней – более 668 млн. руб. Реализация программ поддержки развития малого и среднего предпринимательства в моногородах продолжается. Получателями поддержки в моно-

профильных территориях (Нижний Тагил, Асбест, Каменск-Уральский) в 2010 году стали 5199 субъектов малого и среднего предпринимательства, в 2011 году – 2320, в 2012 году – более 500 субъектов малого и среднего предпринимательства, что позволило только в 2012 году сохранить более 700 рабочих мест.

4. В результате предоставленной государственной поддержки в указанных городах осуществлено также следующее:

- построено 13,2 км автомобильных дорог, в том числе 8,8 км в Асбесте (789 млн. руб. средств бюджетного кредита) и 4,4 км в Нижнем Тагиле (246 млн. руб. бюджетного кредита); на период строительства было создано более 899 временных рабочих мест;

- в Нижнем Тагиле выполнена реконструкция биологических очистных сооружений производительностью 15 тыс. куб. м (281,1 млн. руб. дотаций федерального бюджета), что позволило на сегодняшний день обеспечить водой 122,2 тыс. жителей Дзержинского района города и 2 промышленных предприятия – ОАО «Уралвагонзавод» и ОАО «Уралхимпласт», активизировать работы по созданию химического кластера на базе ОАО «Уралхимпласт». За три прошедших года общий объем частных инвестиций, привлеченных предприятием, превысил 740 млн. руб. (организовано производство новолачных смол, смонтирована установка вдувания пылеугольного топлива и реализованы другие проекты);

- обеспечено строительство транспортной развязки в городе Каменск – Уральский (426 млн. руб. бюджетного кредита) и проведена реконструкция 5,9 км улично-дорожной сети на подъезде к трубному кластеру, формируемому на базе ОАО «Синарский трубный завод»;

- завершается реконструкция ТЭЦ (665 млн. руб. дотации федерального бюджета), что позволит обеспечить надежной

системой теплоснабжения 50% жителей города Каменск-Уральский. За этот же период предприятием освоены производства по выпуску длинномерных труб, создано совместное предприятие с ГК «Роснано»; общий объем частных инвестиций превысил 1,6 млрд. руб.

В целом наблюдается положительная динамика в преодолении структурных ограничений, налагаемых на экономику муниципального образования «монопрофильностью» именно в моногородах, получивших государственную поддержку:

- доля среднесписочной численности работающих на градообразующих предприятиях в численности населения трудоспособного возраста муниципального образования снизилась за 2010–2012 годы: в городе Каменск-Уральский – с 14 до 13,2%, в Асбесте – с 18 до 16%;

- в Асбесте доля градообразующих предприятий в общегородском объеме отгруженных товаров, выполненных работ и оказанных услуг собственного производства снизилась с 72 до 63% соответственно;

- доля прибыльных организаций увеличилась в городе Каменск-Уральский с 65 до 88%, в Нижнем Тагиле – с 50,9 до 70,2%.

В настоящее время повышенное внимание ученых акцентировано на процессе институционального проектирования городов.

В частности, *В.Л. Тамбовцев* предложил следующую логику процесса институционального проектирования:

- осознание проблемной ситуации, т.е. формулировка проблемы;
- постановка цели;
- определение ограничений на множество возможных средств достижения цели;
- разработка, анализ и оценка вариантов достижения цели;
- постановка задачи принятия решения;

- принятие решения, т.е. выбор наилучшего варианта;

- детализация и оформление выбранного варианта [6].

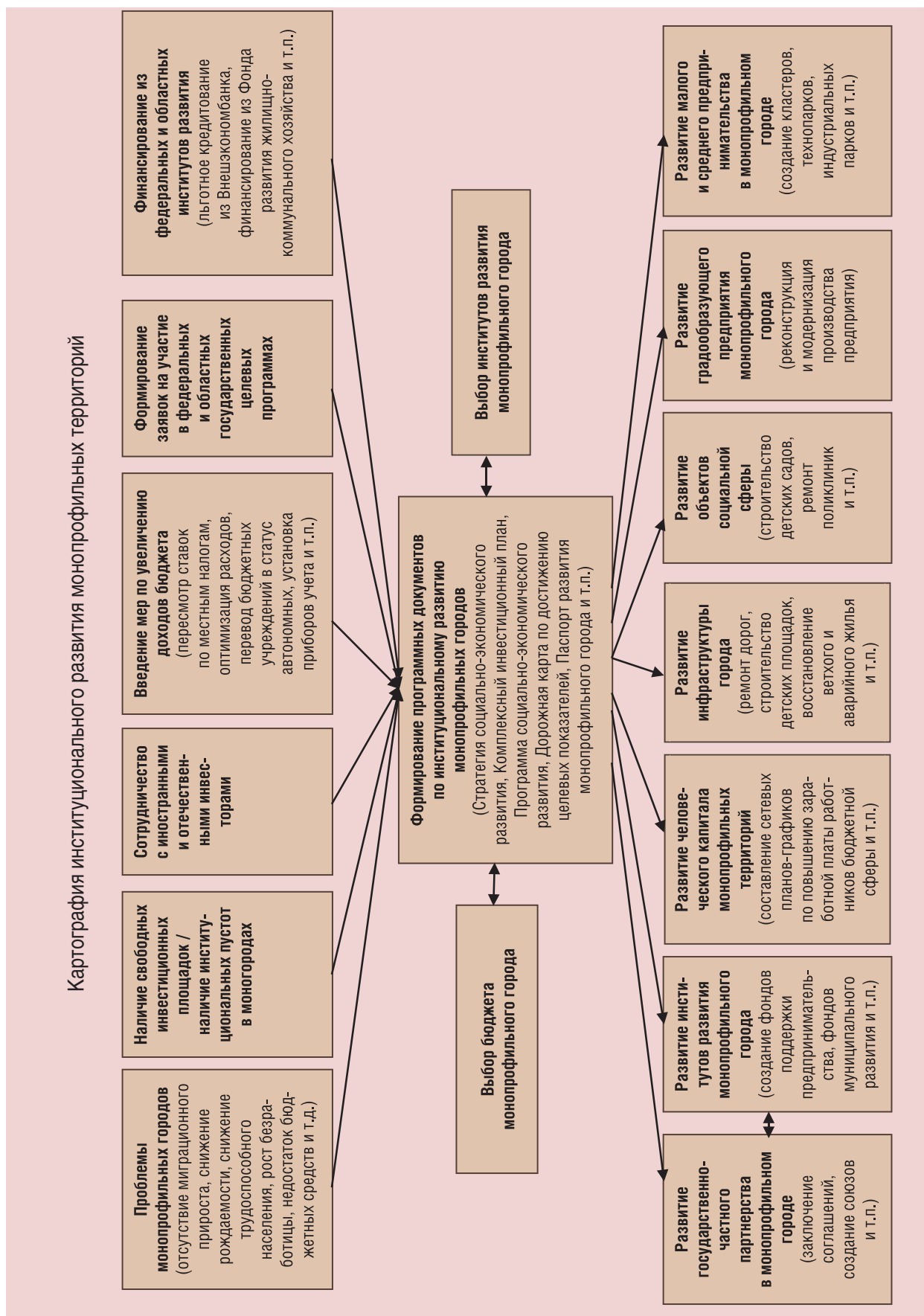
Автор считает, что актуальным и необходимым становится формирование научных подходов к проектированию институционального развития монопрофильных территорий.

На *рисунке* представлена **картографическая схема институционального развития монопрофильной территории**, включающая выявление проблем/провалов моногорода, комплектование имеющихся источников/возможностей по развитию моногорода, формирование стратегических программных документов, направленных на институциональное развитие монопрофильного города.

Важным становится точность **выбора бюджета, правильность выбора институтов развития монопрофильного города**.

Р.М. Нуреев, Ю.В. Латов представили следующую формулировку понятия: *институциональный выбор* – это такое изменение формальных и неформальных правил, а также способов принуждения к их исполнению, когда выбирается какой-либо один предпочтительный вариант из нескольких потенциально возможных. Понятие «институциональный выбор» практически сливается с понятием институциональной инновации. Ведь вряд ли есть хотя бы одна социально-экономическая проблема, которую можно решить единственным образом. Поэтому внедрение новых «правил игры» всегда требует предварительного выбора в отношении того, что именно мы будем внедрять из «меню» новых институтов [7].

В теории общественного выбора обозначено, что все действия, которые осуществляет государство в хозяйстве, связаны с выбором одной из имеющихся альтернатив. Самое важное – это *выбор бюджета*.

Все источники дохода являются взаимозаменяемыми. В то же время все статьи расходов конкурируют между собой, так как увеличение одной статьи означает уменьшение других. Таким образом, нужно решить, откуда взять деньги и куда их тратить [8].

Важным является точный **выбор направлений развития моногорода.**

Е.Г. Анимица, Н.В. Сбродова, С.Г. Зворыгин выделяют следующие основные направления реструктуризации экономики моногородов:

1. Развитие малого предпринимательства, которое превращается в новые очаги деловой активности и которое в современных российских условиях имеет более высокий потенциал развития.

2. Создание условий для осуществления активной сельскохозяйственной деятельности в тех моногородах, которые расположены в благоприятных природно-климатических условиях.

3. Развитие маятниковых поездок жителей моногородов в близрасположенные крупные и крупнейшие города.

4. Предложение временных общественных работ на период создания в городе новых рабочих мест.

5. Использование населением моногорода экономических возможностей рынков рабочей силы и жилья и переезд в другую местность (руководствуясь рыночными стимулами), т.е. миграция населения.

6. Развитие в моногороде зон отдыха и туризма с активным привлечением малого предпринимательства.

7. Возрождение в моногороде народных уральских промыслов.

8. Прочие направления диверсификации моногородов, обусловленные их специализацией и местоположением [9].

В комплексных инвестиционных планах монопрофильных городов Свердловской области органы местного самоуправления

выделяют следующие приоритетные направления развития секторов экономики.

Приоритетные направления развития промышленности:

— инновационное обновление традиционных секторов промышленности (металлургия, химическая промышленность и лесной комплекс) с целью закрепления и расширения конкурентных преимуществ городов, формирования базы для модернизации промышленного комплекса и экономики в целом;

— развитие производств, имеющих важное значение для устойчивого развития экономики городского округа;

— создание новых производств, позволяющих изменить структуру промышленного комплекса городского округа;

— многократный рост производительности труда;

— экологизация промышленного производства, внедрение экологически чистых (безотходных) технологий, применение современных высокоэффективных систем очистки воды и воздуха, утилизации отходов производства.

Приоритетные направления развития транспортной городской инфраструктуры:

— расширение и реконструкция магистральной улично-дорожной сети;

— совершенствование качества дорожного покрытия с применением инновационных технологий в ремонте и содержании дорог;

— обеспечение парковками транспортных средств граждан;

— использование инфраструктуры железнодорожного транспорта;

— обеспечение безопасности движения.

Приоритетные направления развития сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности:

— укрепление материально-технической базы сельхозпроизводителей;

– повышение эффективности использования сырьевых ресурсов, а также качества и конкурентоспособности выпускаемой продукции;

– повышение финансовой устойчивости организаций сельского хозяйства;

– повышение уровня использования производственных мощностей;

– внедрение новых технологий переработки сырья;

– расширение рынков сбыта.

Приоритетные направления развития сферы торговли и общественного питания:

формирование благоприятной среды для инвестирования частных капиталов в создание крупных (средних) торговых и

торгово-развлекательных комплексов, супермаркетов в разных районах городского округа;

приведение в соответствие с современными требованиями существующей сети предприятий розничной торговли и общественного питания [10].

Таким образом, на сегодняшний день становится важным и актуальным выполнение институционального проектирования монопрофильных городов, включающего расширенный анализ их пустот, имеющихся и дополнительных возможностей, выбор направлений расходования бюджетных и внебюджетных средств, выбор и формирование институтов развития монопрофильных территорий.

Литература

1. Социально-экономическое развитие муниципальных образований. Монопрофильные территориальные образования (моногорода) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://economics.gov-murman.ru/razvitie_municip/monoprofilnye_te/.
2. Концептуальные подходы к разработке стратегии развития монопрофильного города / Е.Г. Анимица (рук-ль авт. кол.), В.С. Бочко, Э.В. Пешина, П.Е. Анимица; под науч. ред. А.И. Татаркина, М.В. Федорова; Урал. гос. экон. ун-т, Институт экономики УрО РАН. – Екатеринбург: УрГЭУ, 2010. – С. 3.
3. Москаленко, И.О. Общие черты, проблемы и перспективы развития моногородов России [Электронный ресурс] / И.О. Москаленко // Актуальные вопросы экономики и управления: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Москва, апрель 2011 г.); Т. 2 / под общ. ред. Г.Д. Ахметовой. – М.: РИОР, 2011. – С. 157-160. – Режим доступа: <http://www.moluch.ru>.
4. Деятельность институтов развития: материалы Министерства экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.ru>.
5. Кризисные города России: пути и механизмы социально-экономической реабилитации и развития / В.Я. Любовный, О.С. Пчелинцев, Л.Я. Герцберг и др. – М., 1998. – Вып. 5 (Серия «Библиотека муниципального служащего»). – 95 с.
6. Тамбовцев, В.Л. Основы институционального проектирования: учеб. пос. / В.Л. Тамбовцев. – М.: ИНФРА-М, 2012. – С. 18-19.
7. Нуреев, Р.М. Институциональная теория экономической истории, которую предстоит создать: история как конкуренция институтов [Электронный ресурс] / Р.М. Нуреев, Ю.В. Латов. – М., 2005. – Режим доступа: http://unilib.donntu.edu.ua/fem/vip89-1/89-1_02.pdf.
8. Теория общественного выбора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://revolution.allbest.ru/political/00090863_0.html.
9. Анимица, Е.Г. Памятка по разработке и оформлению предложений (проектов) по диверсификации экономики и социальной сферы моногорода / Е.Г. Анимица, Н.В. Сбродова, С.Г. Зворыгин; Федер. агентство по образованию; Урал. гос. экон. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2009. – С. 6.
10. Официальный Интернет-ресурс Министерства экономики Свердловской области. – Режим доступа: <http://me.midural.ru/>.

Построение региональной инновационной системы и углубляющееся реформирование

В статье освещаются этапы формирования инновационных систем в регионах Китая. Представляются современное состояние этих систем и особенности их текущего и перспективного развития. Рассматриваются актуальные вопросы совершенствования управления инновационным развитием на региональном уровне.

Региональные инновационные системы, инновационный потенциал регионов Китая, его управление, сбалансированное развитие.

ГУН ЦЗЯНЬВЭНЬ

научный сотрудник, директор управления общего администрирования Академии общественных наук провинции Цзяньси

Согласно теории, формирование региональной инновационной системы представляет собой процесс эволюции и аккумуляции. Хотя исследования региональных инновационных систем проводятся в Китае с 1990-х годов, практическое изучение началось с политики реформ и открытости в 1978 году. Становление системы рыночной экономики явилось движущей силой процессов построения региональных инновационных систем. Таким образом, их развитие является результатом 30-летних непрерывных исследований, реформ и практики инновационной деятельности.

1. Эволюция и особенности региональной инновационной системы в Китае (рисунок).

Особенность 1: Градуальная модель развития региональной инновационной системы.

Как известно, реформы Китая проходят по градуальной модели, то есть страна осуществляет переход от плановой экономики к рыночной, от изоляции к открытости, двигаясь вперед многоступенчато и поэтапно. Поэтому процесс создания региональной инновационной системы отличается постепенностью и может быть разделен на следующие этапы [1].

I этап – с 1978 до 1984 г. – скрытый процесс, заложивший основы региональной инновационной системы.

Ход развития любого процесса в региональной инновационной системе Китая

После III пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва, состоявшегося в 1978 году, в Китае началась деятельность по реализации политики реформ и открытости. В условиях изменений внешней среды стали происходить экономические преобразования в отдельных восточных районах. Например, в провинции Чжэцзян быстро развивались малые и семейные профессиональные мастерские и малые предприятия. Они объединялись, чтобы выжить и развиваться на рынке, повышать технологический уровень, приобретая новое оборудование и перенимая прогрессивные технологии, что способствовало зарождению основ региональных инновационных систем.

II этап – с 1985 до 1995 г. – развитие региональной инновационной системы.

В ходе непрерывного углубления реформирования экономической системы и постепенного создания основ рыночной экономики внешние источники и внутренние импульсы региональной инновационной системы постепенно перешли от государственной поддержки отдельных предприятий к общей поддержке многочисленных субъектов рынка. Функция правительства, заключавшаяся ранее в прямом

участии, была преобразована в косвенное участие. На данном этапе по всей стране были созданы 84 новые высокотехнологичные национальные промышленные зоны. Промышленный кластер стал сконцентрированным выражением региональной инновационной системы. Для неё началась благоприятная полоса – произошло её укрепление и завершился процесс эволюции на пути к стадии совершенствования.

III этап – с 1996 г. – процесс совершенствования региональной инновационной системы.

Рыночная экономика и ее механизмы постепенно развиваются и совершенствуются, усиливается атмосфера рыночной конкуренции и сотрудничества. Предприятия уделяют все больше внимания вопросам сотрудничества и разделения труда. Все шире и крупномасштабнее становится сотрудничество в цепочке «промышленность – университетская деятельность – научные исследования». Возможности самостоятельной инновационной деятельности предприятий способствуют ускоренному совершенствованию и завершению становления региональной инновационной системы.

Особенность 2: Дисбаланс при создании региональной инновационной системы.

Со времени проведения политики реформ и открытости Китай по-прежнему ориентируется на планы, отдающие приоритет общему развитию регионов и областей, что ведет к несбалансированности инновационного развития. Между тем, в различных регионах и областях уровень экономического развития и обеспеченность природными ресурсами различаются, что приводит к невозможности соблюдения баланса при создании региональной инновационной системы.

Несбалансированность регионального распределения инновационных ресурсов

Согласно фактическим данным, показатели научно-технической деятельности, численности персонала, объема средств, выделяемых на науку и технику, количество заявок на получение патента, научных статей, опубликованных за рубежом, технологий рыночного оборота и т. д. снижается с запада на восток Китая. Сложилось три

уровня пространственного развития (восток, центр, запад). Восточная часть занимает 60%, центральная – 20%, а западная – 10%. Пекин, Шанхай и все другие мегаполисы, где в наибольшей степени сконцентрированы научные ресурсы и развита наука, расположены в восточном Китае, ставшем лидером в сфере научных ресурсов и инновационного развития страны.

(1) Несбалансированный инновационный потенциал

Дисбаланс при распределении научных ресурсов в значительной степени обуславливает дисбаланс регионального научно-инновационного потенциала, который распространяется на сферу научного и социального развития региона и обуславливает огромную дифференциацию в уровне экономического развития (*таблица*).

В процессе совершенствования рыночной экономики и механизмов рынка в Китае было создано несколько региональных «инновационных полюсов». Инновационная система городских округов

Изменение позиции инновационного потенциала и корректировка индекса во всех регионах Китая

Регион	Место в 2012 г.	Место в 2011 г.	Изменение позиции	Регион	Место в 2012 г.	Место в 2011 г.	Изменение позиции
Цзянсу	1	1	0	Внутренняя Монголия	17	21	4
Гуандун	2	2	0	Хэнань	18	17	-1
Пекин	3	3	0	Хэйлунцзян	19	20	1
Шанхай	4	4	0	Цзянси	20	18	-2
Чжэцзян	5	5	0	Хайнань	21	27	6
Шаньдун	6	6	0	Гуанси	22	22	0
Тяньцзинь	7	7	0	Гуйчжоу	23	24	1
Ляонин	8	8	0	Цзилинь	24	16	-8
Аньхой	9	15	6	Шаньси	25	23	-2
Хунань	10	11	1	Синцзян	26	28	2
Хубэй	11	13	2	Ганьсу	27	25	-2
Сычуань	12	9	-2	Юньнань	28	26	-2
Чунцин	13	10	-3	Цинхай	29	30	1
Шаньси	14	12	-2	Тибет	30	31	1
Хэбэй	15	19	4	Нинся	31	29	-2
Фуцзянь	16	14	-2				

Примечание. В изменениях рейтинга положительное число означает, что рейтинг идет вверх, отрицательное число означает падение рейтинга.

формировалась на основе опыта областей дельты Жемчужной реки (Гуандун), дельты реки Янцзы (Шанхай, Цзянсу и Чжэцзян) и побережья Бохайского залива (Пекин, Тяньцзинь, Ляонин и Шаньдун), которые превратились в «инновационную возвышенность» – территории с самым развитым в стране инновационным потенциалом. Если сравнить эти области, можно увидеть, что темпы создания региональных инновационных систем в средней и западной зонах были более медленными.

Особенность 3. Структурные различия региональной инновационной системы.

Поскольку реформы в Китае осуществляются и в сельской местности, и в городах, и движутся от прибрежной зоны вглубь страны, с востока на запад, регионы отличаются друг от друга не только темпом изменений, но и структурой, степенью своей открытости для преобразований, что приводит к дифференциации структуры региональных инновационных систем. Это можно проследить на примере таких технопарков, как Пекинский «Чжунгуаньцунь», «Чжанцзян» в Шанхае, «Шэньчжэнь» в провинции Гуандун и др.

(1) Пекинский технопарк «Чжунгуаньцунь»

В региональной инновационной системе Пекина доминируют государственные банки, а деятельность правительства сосредоточена на организации научных исследований и разработок. Опыт Пекина распространился и на другие регионы, которые реализовали свои ресурсы в научной деятельности. Например, преимущество «Чжунгуаньцунь» заключается в наличии «банка знаний», включающего Пекинский университет, Университет Цинхуа и Китайскую академию наук.

(2) Технопарк «Шэньчжэнь» в провинции Гуандун

Он имеет сильные позиции в сфере научных преобразований, применения

научных и технологических достижений. Здесь сформировалась самостоятельная инновационная система, в которой предприятия выступают как главные субъекты. Региональная инновационная система в основном полагается на «внедрение извне». «Шэньчжэнь» имеет благоприятное финансовое положение, ненапряженный политический климат, высокую коммерческую информированность и надежный рыночный механизм, чему благоприятствует близкое с Гонконгом географическое положение.

(3) Региональная инновационная система Шанхая является одновременно и рыночной, и контролируемой государством

Шанхай занимает лидирующие позиции по развитию регионального инновационного потенциала в силу продвинутой коммерческой среды, основательной промышленной базы, доминирующей инновационной роли предприятий, а также объема накопленных ресурсов в районе дельты реки Янцзы, а также в силу своей открытости и интернационализации.

Более того, региональная инновационная система провинций Цзянсу и Тяньцзинь также находится под рыночным и государственным контролем. Эти районы являются «восходящими звездами», обладая значительным потенциалом развития.

Цзянсу является лидером Китая по объему творческого потенциала и уровню комфортности среды. С одной стороны, данный район извлекает пользу от совершенствования рыночной экономической системы. С другой стороны, его благоприятная творческая среда способствует бурной инновационной деятельности предприятий [3].

2. Опыт и проблемы развития региональной инновационной системы Китая.

Главный вывод, который можно извлечь из анализа эволюции и особенностей реги-

ональных инновационных систем, заключается в следующем:

(1) Трансформация экономической системы и реформирование являются институциональной предпосылкой для развития региональной инновационной системы. Ключевым фактором, влияющим на её создание, выступает наличие механизмов, пробуждающих стремление к инновациям. Вместе с совершенствованием системы рыночной экономики, постепенно улучшается и региональная инновационная система. Достижение целей реформирования включает создание прочной и действенной системы макроэкономического регулирования и контроля, становление рыночной системы единства и открытости, равной конкуренции и закреплённых правил, разработку механизма адаптации предприятия к запросам рыночной экономики, содействие той форме собственности, при которой диверсифицированная экономика может сосуществовать и совместно развиваться. Сюда входит также становление и совершенствование системы социального обеспечения и т.д. Все это является для правительства институциональной предпосылкой к совершенствованию инновационной деятельности и экономического развития в регионах.

(2) Правительство играет решающую роль при создании региональной инновационной системы. Что касается Китая, то он находится пока в стадии развития рыночной экономики. Правительства на всех уровнях предпринимают решительные меры в отношении создания инновационной системы и играют существенную роль в обеспечении системного проектирования, мобилизации ресурсов, содействуют согласованности действий и т.д. Следовательно, создание и совершенствование региональной инновационной системы требует, чтобы правительство чаще выступало в качестве движущей силы этого процесса и эффективнее согласовывало действия, а также повышало

качество обслуживания в области интеграции ресурсов, координации деятельности субъектов инноваций [4].

(3) Существует прямая пропорциональная зависимость между степенью развития региональной инновационной системы и использованием автономного инновационного потенциала предприятий внутри региона. По мере совершенствования функций и механизмов действия региональной инновационной системы становится все более очевидной возможность автономных инноваций внутри региональных предприятий.

Однако здесь проблемы заключаются в следующем.

А. На высшем уровне пока отсутствует принципиальная схема управления региональной инновационной системой. В настоящее время в большинстве провинций и регионов она формируется в соответствии с их устоями и нуждами. Государство еще слабо участвует в этих процессах, играет недостаточную роль в общенациональной и региональной координации и планировании с целью их функциональной направленности. Это, безусловно, ведет к дисбалансу в распределении ресурсов между регионами, структурному дублированию между различными региональными инновационными системами, нечеткому разделению труда, а также медленному развитию в связи с отсутствием соответствующей политики поддержки.

В. Существуют значительные недостатки в функциональной направленности правительства. При построении региональной инновационной системы правительство иногда сосредоточивается на достижении целей управления и контроля в соответствии с образом мышления и методами, предусмотренными «планом». В региональной инновационной системе правительство работает эффективнее, но его возрастающее участие необходимо в макроуправлении, руководстве при определении стратегии и служебных функций.

С. Статус предприятия как субъекта технологической инновации неоднозначен. Большинство предприятий не принимают активного участия в научных разработках, в недостаточной мере инвестируют в развитие инноваций и неэффективны в организации механизма продвижения инноваций, что препятствует формированию и совершенствованию автономного инновационного потенциала предприятия.

Д. Отсутствует устойчивый механизм координации стабильного и длительного сотрудничества в области производства, а также в использовании механизма активизации исследований и разработок. Данные явления создают барьеры между высшим и низшим уровнями, или между различными ведомствами и регионами относительно научного потенциала. Существует изоляция и повторяемость, разрыв между наукой и экономикой. Это будет сдерживать технологические инновации, позитивный настрой технологического персонала в сфере инноваций и предпринимательства и снижать научно-технологические результаты индустриализации [4].

3. Углубление реформ, построение сбалансированной региональной инновационной системы

С общей точки зрения состояние региональных инновационных систем в Китае далеко от совершенства. Региональная инновационная система, пока не отвечает не только требованиям социалистической рыночной экономики, но и нормам научно-технологических инноваций. Она должна формироваться путем углубления реформ и совершенствования рыночной системы и механизмов рынка.

(1) Создание механизма совместного развития национальной инновационной и региональных инновационных систем

Для перехода страны к инновационной экономике необходимо создание нацио-

нальной инновационной системы (НИС), которая должна быть рациональной и эффективно функционирующей. Цель НИС — способствовать формированию действующих региональных инновационных систем (РИС).

Следовательно, в целях продвижения разделения труда и взаимодействия НИС и РИС необходимо следовать схеме «местный субъект — государственная поддержка», т.е. в действие должны быть приведены два стимула — центральный и местный. Национальная инновационная система фокусирует внимание на технологии, исходя из перспективности, фундаментальности и универсальности, а также на стратегических передовых технологиях. РИС делает акцент на технологии научных исследований и разработок, их продвижении на основе фактических потребностей региона, с учетом специализации промышленности, с опорой на ресурсные преимущества региона [5].

(2) Продвижение сбалансированного развития региональной инновационной системы

Необходимо создавать и совершенствовать рыночный механизм, совместимый с научной и технологической инновационной деятельностью, в полной мере используя его для укрепления конкурентоспособности предприятий и отраслей промышленности и сотрудничества между ними, установления взаимовыгодного и бесприоритетного сотрудничества в различных административных регионах и содействия факторам активного притока инновационных ресурсов. Требуется также создание региональной инновационной системы, преодолевающей границы административных районов, усиливающей инновационный потенциал региона и стимулирующей гармоничное развитие его экономики.

(3) Передача функции управления и создание среды, благоприятной для инновационного развития

Услуги для развития инноваций на предприятиях должны предоставляться в таких направлениях, как: создание региональных научно-исследовательских учреждений, региональной инфраструктуры, технологических инноваций, подготовка одаренных кадров, финансирование предприятий, формирование научно-исследовательского центра, включающего многонациональные корпорации и пр. Благоприятные для инновационной деятельности предприятий среда и стандарты должны быть предоставлены в сфере бюджетной и налоговой политики, защиты интеллектуальной собственности, совершенствования инновационной системы и др. Рыночная среда, предусматривающая свободную и честную конкуренцию предприятий, должна быть создана за счет поддержания рыночного заказа, ликвидации стратегических барьеров для вхождения в отрасль или выхода из нее.

(4) Создание системы и механизма исследований и инноваций в области промышленных технологий, ориентированных на интересы предприятия

Для этого необходимо: дальнейшее укрепление и совершенствование полити-

ческих мер; завершение создания механизма стимулирования инноваций внутри предприятия и подготовки инновационных талантов; ускоренное создание технологической инновационной системы, где предприятие выступает в качестве опоры с ориентацией на рынок, а также тесная связь производства, обучения и исследований; содействие предприятиям в организации научно-исследовательских разработок в области промышленных технологий; инвестиции в НИОКР; создание инновационных платформ; интеграция инновационных талантов; применение результатов интеллектуальной деятельности [6].

(5) Создание финансовой системы через инновационные услуги и расширение каналов финансирования инновационной деятельности

С целью достижения данных результатов в стране требуется поощрение развития венчурного инвестирования, повышение качества инвестиционных сделок в отношении всевозможных технологий и создание многоуровневого рынка капитала для содействия малым и средним банкам в предоставлении ими услуг по финансированию малых и средних предприятий, а также оказание финансовой поддержки в различных аспектах региональных инноваций.

Литература

1. Ван Хуаньсян, Сунь Фэй. Эволюционный анализ региональной инновационной системы Китая за 30 лет политики реформ и открытости. Научно-технологический прогресс и контрмеры, 2008 (9).
2. Лю Дунмэй, Ван Шухуа. Оптимизация распределения инновационных ресурсов и ускорения темпов создания региональной инновационной системы. Science Daily, 2012.9.3.
3. Дин Ган, Ху Ляньшэн. Изучение вопросов создания, статуса и особенностей региональной инновационной системы, характерной для Китая в процессе трансформации экономической модели развития, 2010 (7).
4. Ван Вэйдун. Положение и совершенствование управленческой функции в региональной инновационной системе в период трансформации. Форум Саньцзян, 2009 (9).
5. Гу Шэнцзу. Инновационная страна должна совершенствовать региональную инновационную систему. Народный политический консультативный совет Китая, 2008.1.18.
6. Линь Цзюан, Чжан Минхо, Е Линь. Попытки формирования научно-технологического управления и действующего механизма при преобладающей роли предприятий в промышленных технологических исследованиях. Научно-исследовательские разработки, 2012 (9).

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

УДК 628.52: 621.311.22: 502.3

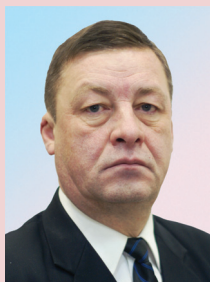
ББК 65.305.142

© Лобовиков А.О., Базылева Я.В.

Эколого-экономическая оценка эффективности технологии очистки выбросов тепловых электростанций

В статье обоснована актуальность применения наилучших доступных технологий очистки выбросов тепловых электростанций. Подробно рассмотрены доступные технологии очистки выбросов от диоксида серы тепловыми электростанциями. Предложена методика эколого-экономической оценки эффективности использования наилучшей доступной технологии на примере очистки выбросов от диоксида серы тепловыми электростанциями.

Эколого-экономическая оценка эффективности технологии очистки выбросов тепловых электростанций, наилучшие доступные технологии.

**Алексей Олегович
ЛОБОВИКОВ**

кандидат экономических наук, доцент Пермского
национального исследовательского политехнического университета
lobovik@yandex.ru

**Яна Вадимовна
БАЗЫЛЕВА**

магистрант Пермского национального исследовательского
политехнического университета
yanochka_92@list.ru

Одними из самых значительных источников загрязнения атмосферы в России и в зарубежных странах являются тепловые электростанции (ТЭС) и теплоэлектроцен-

трали (ТЭЦ), потому что, кроме главных продуктов сгорания, углерода и водорода, не являющихся токсичными, в атмосферу выбрасываются диоксиды серы (SO₂).

Современные ТЭС и ТЭЦ мощностью 2,4 млн. кВт выбрасывают в атмосферу около 50 тонн SO_2 в сутки. Учёными подсчитано, что ТЭС и ТЭЦ выделяют 46% всего сернистого ангидрида и 25% угольной пыли, выбрасываемой в атмосферу промышленными предприятиями [1].

Диоксид серы – бесцветный негорючий газ, обладающий раздражающим токсическим эффектом. Выбросы SO_2 наносят большой ущерб животному и растительному миру. Этот газ разрушает хлорофилл, имеющийся в растениях, повреждает листья и хвою. Для человека и животных он также является токсичным. Сернистый ангидрид, попадая в организм человека и животных, соединяется с гемоглобином крови, в результате чего в организме возникает недостаток кислорода и, как следствие, происходят различные нарушения нервной системы. Кроме того, SO_2 может вызывать фатальные аллергические реакции у больных астмой.

Диоксид серы очень хорошо разносится на расстояние и, естественно, наблюдается пропорциональное уменьшение его концентрации при удалении от очага загрязнений. Добавим, что, попав в атмосферу, он трансформируется в серный ангидрид, который также является загрязняющим и токсичным газом.

Таким образом, снижение содержания сернистого ангидрида в дымовых выбросах ТЭЦ и ТЭС является одной из актуальных задач внедрения наилучших доступных технологий производства тепла и электроэнергии.

Под наилучшей доступной технологией понимается совокупность применяемых для производства товаров (продукции), выполняемых работ, оказанных услуг на объектах, воздействующих на окружающую среду, технологических процессов, оборудования, методов, способов, приемов и средств, основанных на современных достижениях науки и техники, обладаю-

щих наилучшим сочетанием показателей достижения целей охраны окружающей среды и экономической целесообразности, при условии технической возможности их применения.

В настоящее время используются следующие доступные технологии снижения выбросов окислов серы энергетическими установками, сжигающими серосодержащее топливо:

- 1) предварительное (перед сжиганием) снижение концентрации серы в исходном топливе;
- 2) очистка дымовых газов, выбрасываемых в атмосферу, от окислов серы с помощью специальных установок;
- 3) использование вторичного топлива из отходов в качестве альтернативного топлива.

Метод десульфуризации (обессеривание исходного топлива) – перспективное направление снижения объёма выбросов предприятий теплоэнергетики. При использовании данной технологии наиболее полно решается задача устранения отрицательных последствий, связанных с образованием и прохождением по тракту котла окислов серы. В то же время не требуется утилизировать продукты десульфуризации, что повышает эффективность сжигания такого топлива. Однако этот процесс является сложным в техническом плане, а внедрение данной технологии требует больших затрат [2].

Наибольшее распространение получил второй метод – очистка выбросов от серы при помощи сероулавливающих установок.

В настоящее время известно более восьмидесяти модификаций способов удаления SO_2 из дымовых газов. Все эти способы организации технологического процесса удаления сернистого ангидрида из дымовых газов в зависимости от того, в какой фазе происходит процесс связывания сернистого ангидрида, можно разделить на сухие и мокрые.

В силу большей экономической и экологической эффективности предпочтение отдается мокрым методам очистки. При их использовании применяются дешевые расходные материалы (известь, известняк, вода). В результате появляется возможность получать товарный продукт (гипс). Кроме того, использование этих методов позволяет существенно снизить эмиссию оксидов серы, а также затраты на внедрение данной доступной технологии.

Но, наряду с этим, существующие доступные технологии имеют ряд недостатков. К ним относятся: наличие сточных вод, требующих очистки, громоздкость оборудования и необходимость создания систем жидкостного орошения, факт образования отходов, высокая энергоемкость технологических процессов [1].

Третий вариант снижения эмиссии диоксида серы – использование в качестве альтернативного топлива вторичного топлива из отходов. Топливо из отходов – refuse derived fuels (RDF) – продукт переработки отходов в систему, из которой негорючие материалы удаляются, а оставшиеся горючие материалы используются в качестве топлива для создания энергии. В США и Великобритании с 1970-х годов проводятся работы по переработке отходов в гранулированное топливо «Refuse Full» (RDF). Его длительное время можно хранить и транспортировать на относительно большие расстояния и при его сжигании негативное воздействие на окружающую среду значительно меньше.

Преимуществом использования вторичного топлива из отходов с точки зрения качественных характеристик является высокая теплотворная способность, низкое содержание золы и углерода. Кроме того, при этом уменьшается количество не утилизируемых отходов и снижается объем их размещения в окружающей среде.

К недостаткам применения вторичного топлива из отходов можно отнести неудобства, возникающие из-за гетерогенности их состава, трудностей соблюдения существующих в различных странах требований, касающихся сжигания отходов, в связи с необходимостью более полного мониторинга процесса сжигания, а также проведения переоборудования. Технология получения вторичного топлива из отходов является малоизученной и дорогостоящей для внедрения ее в городах России [2].

Для анализа, выполняемого с целью проведения эколого-экономической оценки эффективности технологии очистки выбросов тепловых электростанций, нами был использован метод экспертных оценок.

Из всех доступных технологий сероочистки можно выделить три наиболее распространенных и оценить их по трем группам показателей – экологических, экономических и социальных. При этом в каждой группе можно выделить несколько самых значимых факторов [3].

Результаты выбора наиболее эффективной (наилучшей) доступной технологии на основе метода экспертной оценки представлены в *таблице 1*.

Рассматриваемые нами доступные технологии обозначены следующим образом:

- технология 1 – предварительная десульфуризация;
- технология 2 – абсорбция SO_2 с помощью щелочноземельных соединений (снижение SO_2 в 60 раз);
- технология 3 – переход на использование топлива из отходов – refuse derived fuels (RDF).

Экспертная оценка проводилась по 5-балльной шкале. Оценка 1 балл выставлялась в том случае, если воздействие на окружающую среду максимально, затраты

Таблица 1. Выбор наилучшей доступной технологии снижения выбросов оксида серы

Критерий	Технология 1	Технология 2	Технология 3
<i>1. Экологические показатели (0,25)</i>			
1.1. Воздействие на атмосферный воздух	3	4	3
1.2. Воздействие на водные объекты	4	2	5
1.3. Воздействие на почву	3	3	4
1.4. Ресурсосбережение	4	3	5
1.5. Использование отходов в качестве продуктов	0	5	5
Сумма	3,5	3,5	5,5
<i>2. Экономические показатели (0,5)</i>			
2.1. Капитальные затраты	1	3	2
2.2. Эксплуатационные затраты	2	3	1
2.3. Спрос на вторичный продукт	0	5	3
Сумма	1,5	5,5	3
<i>3. Технологические и социальные показатели (0,25)</i>			
3.1. Безопасность персонала	4	3	5
3.2. Сложность технологического процесса	3	4	2
Сумма	1,75	1,75	1,75
Итого	6,75	10,75	10,25

наиболее высоки; оценка 5 отражает минимальное воздействие на окружающую среду, минимальные затраты. Остальные оценки (2, 3, 4 балла) – промежуточные. Для объективной оценки по группам показателей были введены следующие коэффициенты: для экологических и технологических показателей – 0,25, а для экономических – 0,5, так как данный критерий является в настоящее время основополагающим.

При экологической экспертной оценке рассматриваемых доступных технологий учитывалась возможная в результате их внедрения эмиссия (выбросы) загрязняющих веществ в атмосферный воздух (п. 1 табл. 1).

Технологии десульфуризации и использования в качестве топлива RDF будут иметь негативное влияние на атмосферный воздух (оценка 3 балла), а технология щелочноземельной абсорбции исключает его практически полностью (оценка 4 балла).

Однако эта технология, относящаяся к мокрым методам очистки, предполагает наличие больших объемов сточных вод (оценка 2 балла).

Воздействие на почву каждого из методов нельзя охарактеризовать как критическое (оценки 3, 4 балла). Однако при использовании щелочноземельной абсорбции возникает необходимость удалять отложение, которое образуется на стенках аппарата и подлежит захоронению.

С точки зрения ресурсосбережения наиболее выигрышными являются технологии десульфуризации и перехода на RDF в качестве топлива, так как ресурсов затрачивается минимум (оценки 5 и 4 балла). Для обеспечения технологии абсорбции необходимы известняк и большие объемы воды (оценка 3 балла).

Отход приобретает статус продукта при использовании технологии абсорбции (гипс, применяемый в строительстве), а применение RDF подразумевает использование отходов в качестве топлива.

При экспертной оценке экономической эффективности существующей доступной технологии (п. 2 табл. 1) было установлено, что технология снижения концентрации серы в топливе (десульфуризация) является самой экономически

невыгодной, так как очень высоки капитальные и эксплуатационные затраты на оборудование и обеспечение его дальнейшего функционирования (оценки 1, 2 балла). Подготовка отходов для возможности их использования в качестве топлива также предполагает большие затраты, прежде всего капитальные.

Экспертная оценка существующей доступной технологии по техническим параметрам (п. 3 табл. 1) показала, что наиболее безопасной для персонала является технология использования RDF (оценка 5 баллов), однако она мало изучена и не нашла широкого применения, что говорит о возможных сложностях ее обеспечения в технологическом плане (оценка 2 балла). Наличие сточных вод, необходимость постоянного подогрева газов и удаления отложений на стенках аппарата делают процесс абсорбции небезопасным (оценка 3 балла), но это компенсируется непрерывностью и относительной простотой технологического процесса (оценка 4 балла).

Таким образом, используя метод экспертных оценок, можно выявить самые эффективные технологии и выбрать из них наиболее доступную, которая удовлетворяла бы критериям как экономической, так и коммерческой эффективности инновационного проекта.

Судя по экспертным оценкам, технология предварительной десульфуризации топлива по сумме баллов оказалась самой неэффективной. Это объясняется тем, что ее реализация требует значительных единовременных затрат на оборудование, не всегда соответствующих имеющимся финансовым возможностям.

Новейшая технология RDF является перспективной, но дорогостоящей и в нашей стране пока практически нигде не реализуется из-за недоступности и нехватки сведений и разработок в этом направлении.

В результате использования метода экспертных оценок нами было установлено, что наилучшей доступной технологией с точки зрения эколого-экономической эффективности является технология абсорбции SO_2 щелочноземельными соединениями.

Кроме существенного экологического эффекта, применение наилучшей доступной технологии позволяет сторонним организациям получить дополнительный экономический эффект от реализации гипса, использованного в технологическом процессе.

Для количественной оценки коммерческой эффективности инновационного экологического проекта по внедрению наилучшей из существующих доступной технологии абсорбции SO_2 щелочноземельными соединениями нами были использованы «Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов», утвержденные Постановлением Госстроя РФ от 21 июня 1999 г. № ВК 477 [4].

В этих целях был выполнен расчет единовременных капитальных вложений (табл. 2) и эксплуатационных затрат (табл. 3) на примере одного из предприятий теплоэнергетики Пермского края [5]. Производительность установки абсорбции равна $1200 \text{ м}^3/\text{час}$.

Выполненный расчет текущих эксплуатационных затрат отражает непрерывность технологического процесса, его высокую энергоемкость и низкую стоимость сырья (табл. 3) [5].

Ежегодно предприятие получает от внедрения данной технологии дополнительный экономический эффект за счет снижения экологического ущерба. В качестве годовой прибыли используется величина предотвращенного экологического ущерба, рассчитанного в соответствии с

Таблица 2. Расчет капитальных вложений

Основные средства	Кол-во, ед.	Стоимость ед., руб.	Итого стоимость, руб.
Стоимость оборудования для абсорбции, руб.	5	900 000	4 500 000
Стоимость оборудования для производства суспензии, руб.	3	80 000	240 000
Стоимость оборудования по очистке сточных вод, руб.	2	100 000	200 000
Стоимость очистки абсорбера от отложений, руб.	1	20 000	20 000
Итого		4 780 000	

Таблица 3. Расчет эксплуатационных затрат

Расходы	Затраты, руб./год
На воду	87 600
На электроэнергию	1 200 850
На закупку извести	391 210
На закупку топлива	735 000
Вывоз отходов	585 000
Фонд оплаты труда, в том числе отчисления в ФОМС и ПФР	1 220 000
Итого	3 361 910

Таблица 4. Результаты расчетов экономического эффекта

Показатель	Ед. изм.	Значение
ЧДД (NPV)	Руб.	1745
$T_{ок}$	Лет	4,6
ВНД (IRR)	%	6,3
ИД (PI)	Ед.	1,37

«Временной методикой определения экологического ущерба» [6]:

$$Y_{\text{прг}} = Y_{\text{удг}} \cdot (M_1 - M_2) \cdot K_э \cdot J_d =$$

$$= 52,2 \cdot 51560 \cdot 1,7 \cdot 1,06 = 4850 \text{ тыс. руб.}$$

В результате расчетов, выполненных нами в соответствии с «Методическими рекомендациями по оценке эффективности инвестиционных проектов» [4], были определены основные показатели оценки экономической эффективности рассматриваемой нами наилучшей доступной технологии (табл. 4).

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что, поскольку чистый дисконтированный доход – ЧДД (NPV) = 1745 > 0, а индекс доходности – ИД (PI) = 1,37 > 1, проект следует принять к рассмотрению.

Срок окупаемости рассматриваемого инновационного экологического проекта ($T_{ок}$) составляет 4,6 года, а индекс доходности – ИД (PI) = 1,37, то есть данный проект является достаточно привлекательным для потенциальных инвесторов и кредиторов.

Кроме того, с точки зрения социально-экономической эффективности данный проект актуален и имеет практическую значимость для обеспечения экологической безопасности страны.

Для скорейшего внедрения наилучших доступных технологий в инновационные экологические проекты целесообразно, на наш взгляд, привлечение собственных средств предприятий и целевых кредитов под льготный процент, отечественных и зарубежных банков, а также негосударственных и муниципальных экологических фондов.

Литература

1. Буров, В.Д. Тепловые электрические станции: учебник для вузов / В.Д. Буров, Е.В. Дорохов, Д.П. Елизаров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во МЭИ, 2007. – 466 с.
2. Refuse Derived Fuel, Current Practice and Perspectives. European Commission – Directorate General Environment. – Final Report. WRc Ref: CO 5087_4. July 2003. – 219 p.
3. Лелеков, В.И. Комплексный анализ производственно-хозяйственной деятельности типовой тепловой электростанции: учебное пособие / В.И. Лелеков. – М.: Изд-во МГОУ, 2011. – 124 с.
4. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов: утв. Минэкономки РФ, Минфином РФ, Пост. Госстроя РФ от 21 июня 1999 г. № ВК 477 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.complexdoc.ru/ntdpdf/483870/metodicheskie_rekomendatsii_po_otsenke_effektivnosti_investitsionnykh_proek.pdf.
5. Сайт ОАО «Территориальная генерирующая компания – ТГК-9». – URL: <http://www.tgk9.ru/rus.html>
6. Временная методика определения предотвращенного экологического ущерба [Электронный ресурс] / Госкомэкологии РФ. – URL: <http://www.waste.ru/uploads/library/usherb.pdf>.

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

УДК 338.43(470.12)

ББК 65.32(2Рос-4Вол)

© Анищенко А.Н., Селименков Р.Ю.

Оценка функционирования сельского хозяйства региона

В статье представлена социально-экономическая характеристика деятельности сельхозорганизаций региона по результатам проведенного в 2013 г. анкетного опроса руководителей предприятий. На основе полученной информации выявлены проблемы функционирования сельского хозяйства Вологодской области и предложены направления по улучшению сложившейся ситуации.

Сельскохозяйственное производство, трудовой потенциал, инвестиции, инновации, Всемирная торговая организация (ВТО), управление в сельском хозяйстве, аграрная политика.

**Алеся Николаевна
АНИЩЕНКО**

младший научный сотрудник ИСЭРТ РАН
Anishchenko-AN@mail.ru

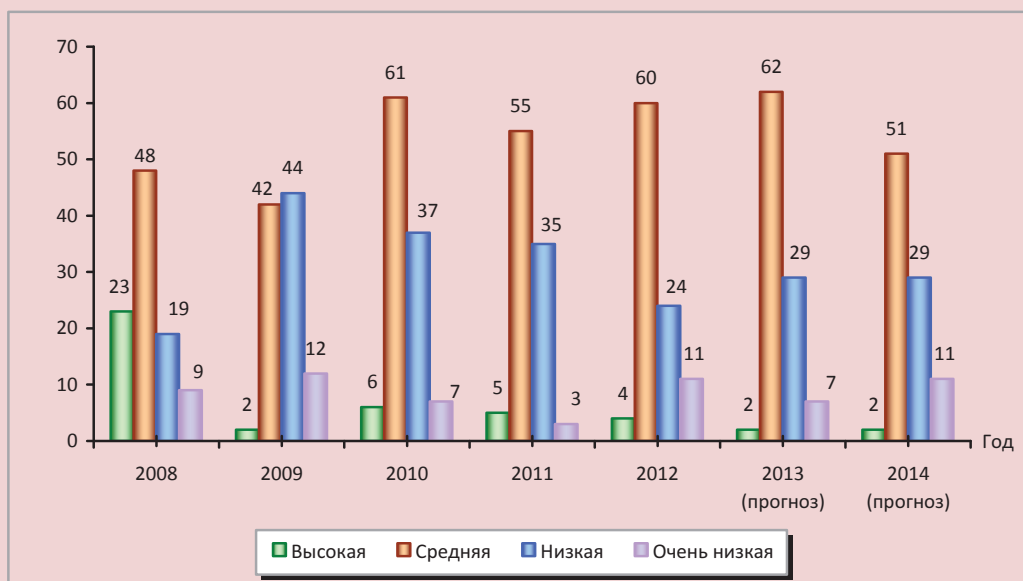
**Роман Юрьевич
СЕЛИМЕНКОВ**

кандидат экономических наук, зам. зав. отделом ИСЭРТ РАН
rus_vscc@mail.ru

Ослабление внимания к вопросам развития сельского хозяйства в первое десятилетие рыночных трансформаций в России привело к существенным общественным потерям. При этом реализация федеральных и региональных целевых программ не обеспечила качественных изменений в сельском хозяйстве региона [2; 3; 5; 7].

Развитие сельского хозяйства по-прежнему сдерживается целым рядом системных проблем, для решения которых необходим мониторинг деятельности сельхозорганизаций с целью изучения динамики оценок их руководителей в отношении состояния трудового потенциала, инвестиционной активности, взаимодействия с различными институтами, готов-

Рисунок 1. Оценка работы сельхозорганизаций
Вологодской области руководителями (в % от числа ответивших)

ности к модернизации, функционирования в условиях открытого рынка.

Анкетный опрос руководителей сельхозорганизаций Вологодской области¹, проведенный в 2013 г., позволил выявить основные тенденции и проблемы развития агросектора. Причем результаты опроса подтверждают данные статистики о сложностях, существующих в сельском хозяйстве региона.

Судя по результатам опроса, большинство ответивших руководителей дали

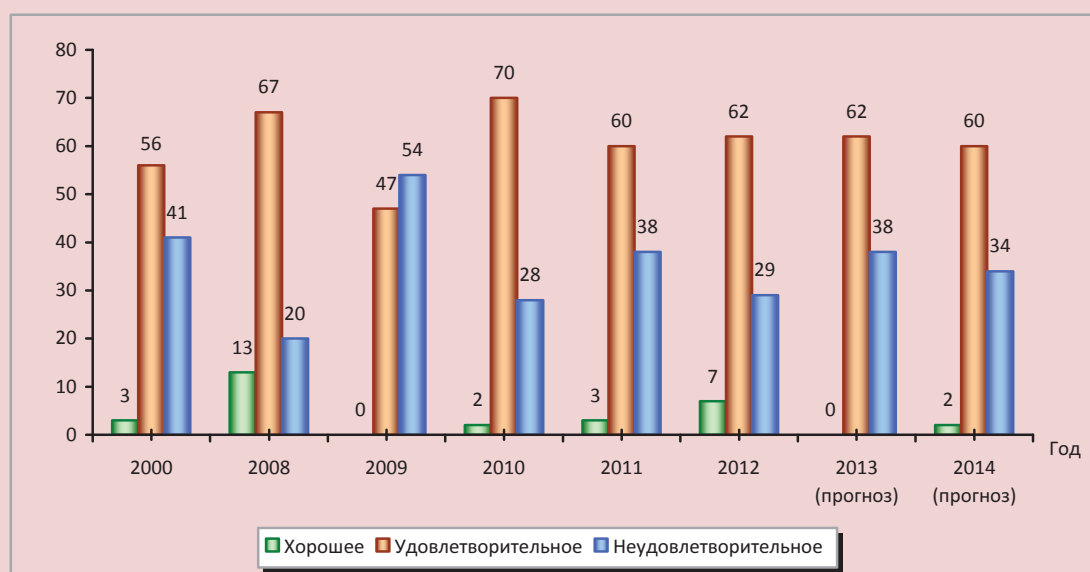
работе своих предприятий в 2012 г. среднюю и низкую оценки (60 и 24% соответственно). По сравнению с данными предыдущего года² наблюдается незначительное увеличение доли положительных и сокращение доли негативных оценок (рис. 1).

Вместе с тем улучшилась оценка финансового состояния сельхозорганизаций в 2012 г.: по сравнению с 2011 г. вырос удельный вес руководителей, оценивающих состояние организаций как хорошее (с 3 до 7% соответственно; рис. 2), при сокращении доли неудовлетворительных оценок (с 38 до 29%). При этом в перспективе, по мнению руководителей, финансовое состояние агросектора будет стабилизироваться, однако угроза банкротства в ближайшие два года будет существовать для 27% предприятий. Хотя более половины опрошенных (55%; в 2011 г. – 48%) считают, что финансовая ситуация в будущем позволит сельхозорганизациям «остаться на плаву».

¹ Опрос проводится ИСЭРТ РАН с 1992 г. Целью опроса является оценка состояния сельского хозяйства и определение направлений его улучшения. Инструментом исследования выступает анкета, которая состоит из вопросов со шкалой ответов, открытых и закрытых вопросов. Вопросник составлен с использованием секционного подхода (последовательно рассматриваются вопросы по отдельным темам – блокам вопросов). Анкеты были разосланы руководителям крупных и средних сельскохозяйственных организаций различных организационно-правовых форм собственности в марте 2012 года с условием соблюдения представительности выборки по районам области. Общее количество зарегистрированных в 2012 г. сельхозорганизаций области – 465. На вопросы анкеты ответили 45 респондентов из 26 муниципальных районов региона.

² Вопрос об оценке работы предприятия впервые начал задаваться с 2009 г.

Рисунок 2. Оценка руководителями сельхозорганизаций Вологодской области финансового состояния своих предприятий (в % от числа ответивших)

Вместе с тем прогнозные оценки показателей производственной деятельности на 2013 г. являются достаточно пессимистичными: более 80% опрошенных руководителей прогнозируют рост себестоимости и цен на выпускаемую продукцию; более трети – предполагают, что объем капвложений сократится или останется на прежнем уровне; по мнению 51% глав сельхозорганизаций, участвующих в опросе, уровень рентабельности по итогам 2013 г. сократится; о сохранении на прежнем уровне задолженности банкам заявлено 51% ответивших.

Среди факторов, препятствующих стабильному функционированию сельхозорганизаций, их руководители в 2012 г. чаще всего отмечали обострение диспаритета цен на производимую сельхозпродукцию (93%) и недостаточность бюджетной поддержки сельхозтоваропроизводителей (89%; табл. 1). Трудности в производственной деятельности аграриев в 2012 г. возникали также из-за высокого уровня налогообложения. Тем не менее в сравнении с

2011 г. на 14 п.п. уменьшился удельный вес руководителей, ощущающих нехватку оборотных средств (в 2011 г. – 30%).

Отметим, что вышеуказанные факторы остаются актуальными на протяжении уже нескольких лет. В то же время по сравнению с 2011 г. на 23 п.п. сократился удельный вес руководителей, которые среди первоочередных факторов, негативно влияющих на деятельность сельхозорганизаций, выделяют большую задолженность и неразвитость социальной инфраструктуры (почти в два раза и на 9 п.п. соответственно).

С целью адаптации к неблагоприятным экономическим условиям руководители сельхозорганизаций в 2012 г. предпринимали активные действия: более трети – проводили мероприятия по укреплению трудовой дисциплины, 27% – внедряли инновационные, ресурсосберегающие технологии. По сравнению с 2011 г. вдвое выросла доля опрошенных, считающих необходимым сокращение численности работников. Вместе с тем 18% опрошенных руководителей изменили структуру

Таблица 1. Основные факторы, сдерживающие развитие сельхозорганизаций Вологодской области (в % от числа ответивших)

Фактор	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Обострение диспаритета цен на производимую с/х продукцию и промышленные ресурсы для села	90	96	95	90	93
Недостаточность бюджетной поддержки сельхозпроизводителей	83	93	84	98	89
Нехватка кадров и низкий уровень их квалификации	38	41	65	48	38
Нехватка оборотных средств	54	61	44	30	16
Критическое состояние материально-технической базы	50	46	44	38	38
Низкий уровень материального стимулирования труда (зарплаты)	35	23	44	50	16
Большая задолженность и низкая платежеспособность	25	59	42	43	20
Неразвитость социальной инфраструктуры поселения, в котором работает Ваше предприятие	44	21	42	20	11
Высокий уровень налогообложения	-	21	42	45	40
Отсутствие государственного контроля за переработчиками, посредниками и торговыми организациями в вопросах ценообразования в сфере производства сельхозпродукции	54	57	35	50	33
Неблагоприятные природные условия	-	0	33	15	16
Введение новых норм технического регулирования качества сельхозпродукции	-	50	14	18	9

Таблица 2. Действия, предпринимаемые руководителями сельхозорганизаций Вологодской области для адаптации к современным экономическим условиям (в % от числа ответивших)

Действия	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г. (прогноз)
Улучшение качества производимой с/х продукции	28	66	51	70	38	42
Поиск новых рынков сбыта продукции	35	18	40	43	27	40
Сокращение поголовья скота	10	25	35	15	18	18
Внедрение инновационных, ресурсосберегающих технологий	70	50	33	53	27	33
Укрепление трудовой дисциплины	48	32	30	53	36	33
Увеличение поголовья животных	41	21	30	38	25	27
Улучшение условий труда	63	41	23	45	13	11
Сокращение численности работающих	21	11	21	10	20	18
Изменение структуры посевов	21	9	14	23	18	29
Открытие новых производств несельскохозяйственного профиля	19	7	14	5	4	9
Изменение организационной структуры	2	7	12	15	7	9
Внедрение рыночных механизмов взаимоотношений между подразделениями организации	7	0	5	3	2	4

посевов, 7% – организационную структуру, 18% – принимали меры по сокращению численности поголовья скота (табл. 2).

Удельный вес руководителей, считающих необходимым использование новых технологий, в 2012 г. составил 27%, что почти в половину ниже уровня 2011 г. Вдвое сократилась также численность опрошенных руководителей, планирующих улучшение качества производимой продукции

(в 2011 г. – 70%, в 2012 г. – 38%) и условий труда (в 2011 г. – 45%, в 2012 г. – 13%). Однако положительным, на наш взгляд, является то, что в перспективе руководители сельхозорганизаций планируют: искать новые рынки сбыта продукции – 40% (в 2012 г. – 27%); улучшать качество производимой продукции – 42% (в 2012 г. – 38%); изменять структуру посевов – 29%, увеличивать поголовье скота – 27%.

Трудовой потенциал организаций сельского хозяйства характеризуется оптимальным количеством и квалификацией трудовых ресурсов.

Так, по мнению руководителей, в 2012 г. по сравнению с 2011 г. степень обеспеченности сельхозорганизаций кадрами – удовлетворительная (53%). При этом увеличилась на 5 п.п. доля руководителей тех сельхозорганизаций, которые в 2012 г. ощущали нехватку высококвалифицированных рабочих ведущих профессий (табл. 3). Обеспеченность хозяйств специалистами и работниками среднего звена оценива-

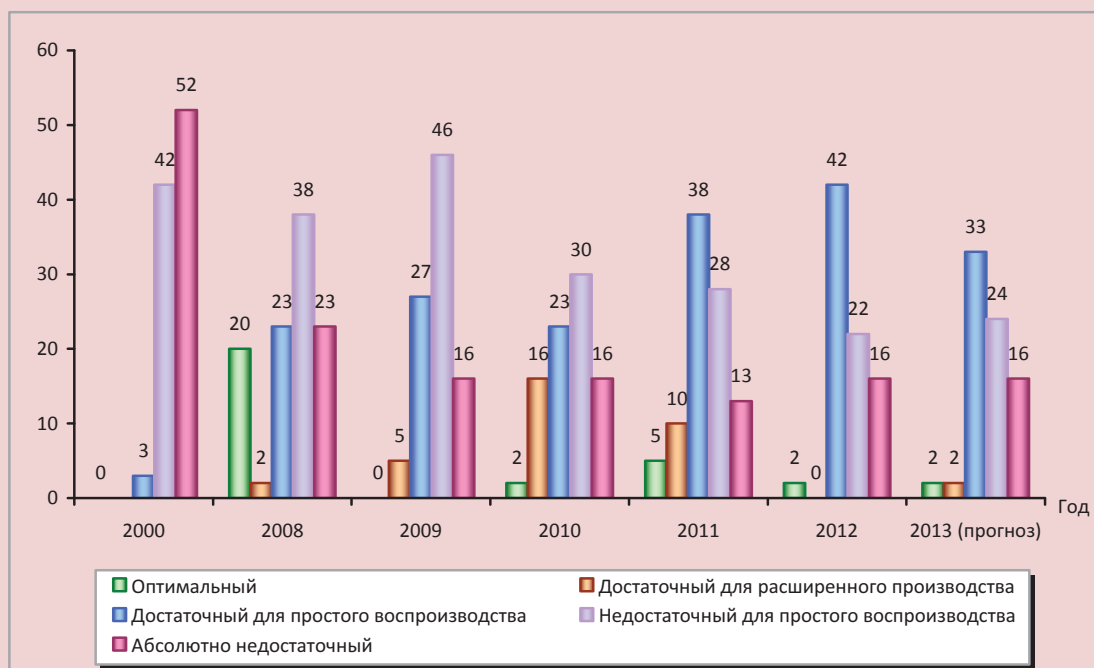
ется как удовлетворительная. По сравнению с результатами опроса, проведенного в 2012 г., увеличилась доля отметивших потребность в увеличении штата категории «специалист».

Как показали данные опроса, актуальной остается проблема нехватки средств, направляемых большинством сельхозорганизаций на инвестиционные цели. Их объем руководители сельхозорганизаций оценили как недостаточный для расширенного воспроизводства. В 2012 г. только 2% опрошенных считали уровень капитальных вложений оптимальным (рис. 3).

Таблица 3. Степень обеспеченности кадрами сельхозорганизаций Вологодской области (в % от числа ответивших)

Кадры	Степень обеспеченности														
	Удовлетворительная					Недостаточная					Очень низкая				
	2008	2009	2010	2011	2012	2008	2009	2010	2011	2012	2008	2009	2010	2011	2012
В целом работники сельхозпредприятий	76	65	49	43	53	24	30	44	53	33	0	2	7	5	9
Высококвалифицированные рабочие ведущих профессий	22	17	16	25	9	59	55	51	55	60	17	29	26	15	22
Работники среднего звена	70	57	44	55	53	22	31	40	35	27	9	5	14	5	11
Специалисты	78	47	49	60	58	22	37	42	35	24	0	16	9	5	11

Рисунок 3. Оценка уровня капитальных вложений в развитие сельхозорганизаций Вологодской области (в % от числа ответивших)

Как можно заметить, доля руководителей, которые назвали уровень капитальных вложений недостаточным и абсолютно недостаточным, уменьшилась за пять лет на 23 п.п., а по сравнению с 2000 г. — в два раза. Снижение доли отрицательных оценок связано с тем, что многие сельхозорганизации при относительно благоприятной экономической конъюнктуре взяли долгосрочные кредиты на обновление основного капитала. Прогнозные оценки руководителей, касающиеся объема инвестиций в 2013 г., остались на уровне 2012 г.

Несмотря на это, капитальные вложения позволили относительно стабилизировать состояние материально-технической базы сельхозорганизаций. Как следует из результатов опроса, в 2012 г. основные фонды сельхозорганизаций были изношены в среднем на 58%, что на 5 п.п. ниже уровня 2011 г.

Необходимо подчеркнуть, что, по мнению 73% опрошенных руководителей сельхозпредприятий, активизацию инвестиционной деятельности на протяжении последних лет сдерживали, главным образом, высокие цены на оборудование и стройматериалы, высокий процент по банковскому кредиту (73%), необходимость погашения долгов (53%), недостаток оборотных средств (33%; табл. 4).

Основным источником инвестиций для сельхозорганизаций остаются привлеченные средства. Большая часть ответивших руководителей сельхозорганизаций региона (76%) отметили, что в 2012 г. они пользовались банковским кредитом (в 2011 г. — более 80%). Удовлетворены условиями получения краткосрочного кредита 41% опрошенных, тогда как годом ранее — 42% (табл. 5). Долгосрочные (инвестиционные) кредиты на развитие сельхозпроизводства

Таблица 4. Причины, сдерживающие развитие инвестиционной деятельности в сельхозорганизациях Вологодской области (в % от числа ответивших)

Причины	2000 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Высокие цены на оборудование, стройматериалы	32	84	71	62	75	73
Высокий процент по банковскому кредиту	19	72	55	61	48	78
Недостаток оборотных средств	25	70	64	58	55	33
Необходимость погашения долгов	19	35	66	54	63	53
Несвоевременная выплата субсидий по предоставленным ранее кредитам	-	-	64	23	18	29
Отсутствие необходимых подрядчиков на выполнение работ	0	5	0	2	0	7

Таблица 5. Степень удовлетворенности руководителей сельхозорганизаций Вологодской области условиями получения банковского кредита (в % от числа ответивших)

Вариант ответа	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
<i>Краткосрочный кредит</i>					
Да	6	8	0	3	3
Скорее да, чем нет	53	26	21	42	38
Скорее нет, чем да	31	47	33	30	29
Нет	8	16	7	6	12
Затрудняюсь ответить	3	3	5	9	18
<i>Долгосрочный (инвестиционный) кредит</i>					
Да	0	0	0	3	3
Скорее да, чем нет	27	17	14	27	15
Скорее нет, чем да	39	33	19	27	18
Нет	15	43	7	12	18
Затрудняюсь ответить	18	7	7	9	47

представители банковского сектора выдавали на условиях, которые не устроили 36% руководителей, при этом почти половина опрошенных испытывали затруднения при ответе на данный вопрос.

Основными трудностями, с которыми столкнулись руководители опрошенных организаций агросектора при получении кредита в 2012 г., были высокая процентная ставка – 82% (в 2011 г. – 67%), длительная процедура оформления необходимой документации – 38% и жесткие требования залога под обеспечение – 27% (табл. 6). Одним из позитивных изменений, произошедших в условиях кредитования за прошедший год, можно считать снижение доли тех, кто не испытывал трудностей при получении кредита.

Однако доступность кредитных ресурсов не повлияла на инновационную активность сельхозорганизаций. Их инновационная деятельность, по мнению 20% опрошенных руководителей, сводится к покупке апробированных на зарубежном рынке продуктов (в 2011 г. их доля составляла 13%) [1, с. 130]. Более половины сельхозорганизаций вообще не участвуют в инновационных процессах.

Устойчивые связи с научными институтами и вузами имели только 4% опрошенных организаций сельского хозяйства региона (в 2011 г. – 8%), в экспериментах и апробации нововведений были заняты 2%.

По мнению товаропроизводителей, ключевыми факторами, сдерживающими инновационную активность, являются

высокая стоимость нововведений (64%), недостаточность бюджетной поддержки со стороны государства (58%) и отсутствие необходимого объема собственных денежных средств (53% от числа опрошенных руководителей, что на треть ниже уровня 2011 г. – 88%; рис. 4). Среди барьеров, сдерживающих инновационное развитие агросектора региона, были также отмечены длительные сроки окупаемости новшеств (44%) и нехватка квалифицированных кадров (40%).

Данные опроса позволили определить направления и частоту осуществления различных инноваций в сельском хозяйстве региона (рис. 5).

Из диаграммы видно, что 62% сельхозорганизаций, участвующих в опросе, ежегодно либо один раз в несколько лет применяли современные материалы (в 2011 г. – 73%), 57% – использовали прогрессивную технику, 44% – осваивали новые каналы сбыта и 44% – улучшали породность животных.

Вместе с тем необходимо обратить внимание на следующие негативные результаты оценок: 56% сельхозорганизаций не использовали новые схемы оплаты труда, 56% – не осваивали новые виды продукции; 56% – не изменяли структуру управления.

По мнению большинства опрошенных руководителей (82%), активизация инновационной деятельности в сельском хозяйстве невозможна без усиления государственной поддержки.

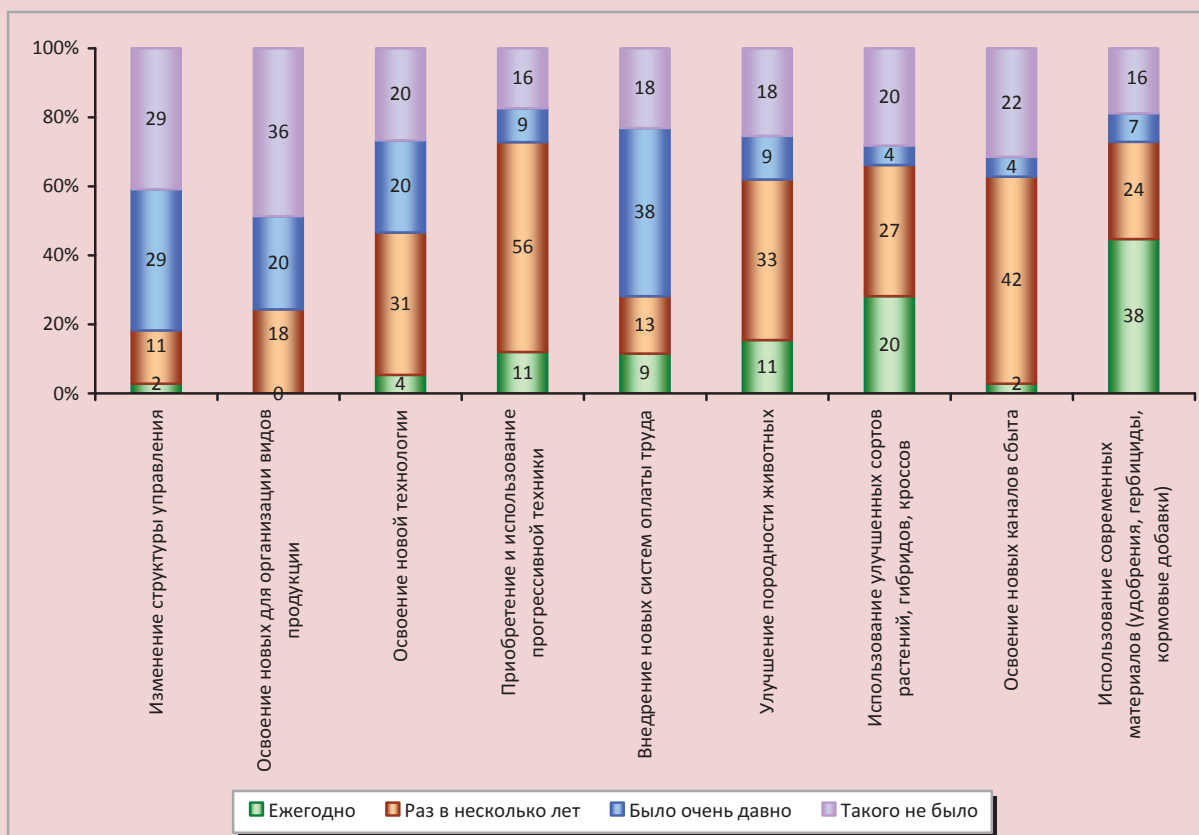
Таблица 6. Трудности, испытываемые руководителями сельхозорганизаций Вологодской области при получении кредита (в % от числа ответивших)

Вариант ответа	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Высокая процентная ставка	78	90	47	67	82
Требования залога под обеспечение	62	42	40	52	27
Длительность оформления кредита	56	68	21	36	38
Сроки предоставления кредита	33	8	14	6	9
Трудностей не было	4	3	9	18	6
Отказ банка в предоставлении долгосрочных кредитов	38	24	0	6	15

Рисунок 4. Факторы, сдерживающие инновационную активность сельхозорганизаций Вологодской области, 2012 г. (в % от числа ответивших)

Рисунок 5. Частота осуществления нововведений в сельхозорганизациях Вологодской области, 2012 г. (в % от числа ответивших)

Более половины ответивших (58%) считали, что для перехода АПК на инновационный путь развития требуется реализация специальных целевых программ в инновационной сфере; 29% – указали на важность усиления интеграции науки с производством и изменение принципов ее финансирования.

Позитивным моментом является то, что за последние 5 лет наблюдений сохраняется тенденция увеличения доли опрошенных руководителей, отмечающих развитие деловых связей их хозяйств с основными контрагентами АПК. Отчасти укрепление партнерских отношений было обусловлено необходимостью снижения рисков и величины потерь сельхозорганизаций в результате ухудшения экономической конъюнктуры.

Как показали результаты опроса, в 2012 г. 58% руководителей опрошенных хозяйств агросектора региона (в 2011 г. – 70%) были удовлетворены взаимоотношениями с поставщиками и подрядчиками (табл. 7).

Отсутствовали серьезные нарекания в сфере сотрудничества с налоговыми органами (53%), покупателями и заказчиками (49%).

В 2012 г. по сравнению с 2011 г. удельный вес опрошенных руководителей, отметивших контрпродуктивный характер взаимоотношений сельхозорганизаций с банками, увеличился с 33 до 60%, со страховыми организациями – на 18 п.п. (в 2011 г. – 33%).

Что касается мест сбыта продукции сельхозорганизаций Вологодской области, то в 2012 г. предприятия агросектора региона реализовывали свою продукцию преимущественно на районном рынке (табл. 8). Увеличилась доля хозяйств, поставляющих продукцию в областной центр (в 2012 г. – до 53%) и на рынки соседних районов (с 25% в 2011 г. до 44% в 2012 г.). Вывоз продукции в другие регионы России также увеличился (с 15 до 22% соответственно). По сравнению с результатами предыдущего опроса почти втрое сократилась доля опрошенных, реализующих свою продукцию на рынках соседних областей.

Таблица 7. Удовлетворенность руководителей сельхозорганизаций Вологодской области взаимоотношениями с отдельными субъектами рынка (в % от числа ответивших)

Субъекты рыночных отношений	Вариант ответа									
	Да, скорее да					Нет, скорее нет				
	2008	2009	2010	2011	2012	2008	2009	2010	2011	2012
Поставщики и подрядчики	65	74	58	70	58	35	26	40	18	36
Банки	68	58	54	63	33	33	43	44	33	60
Покупатели и заказчики	65	47	54	68	49	35	53	35	13	44
Налоговые органы	52	68	49	53	53	48	32	51	43	40
Перерабатывающие предприятия	48	38	47	45	53	53	62	47	35	36
Предприятия агросервиса	71	84	33	50	36	29	16	47	23	36
Страховые организации	-	33	28	55	31	-	67	58	33	51

Таблица 8. Места сбыта продукции сельхозорганизаций Вологодской области (% от числа ответивших)

Места сбыта	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Районный рынок	48	73	58	58	64
Рынки соседних районов	46	48	51	25	44
Областной центр	48	41	40	48	53
Рынки соседних областей	28	16	35	28	9
Вывоз в другие области РФ	35	11	12	15	22

Основными потребителями продукции предприятий агросектора в 2012 г., по мнению 76% (в 2011 г. – 78%) опрошенных руководителей, были перерабатывающие организации. Можно отметить, что существенных изменений в распределении сельхозпродукции по основным потребителям в 2012 г. не произошло.

Для решения проблем со сбытом продукции более трети ответивших руководителей в 2012 г. реализовывали мероприятия по снижению ее себестоимости (в 2011 г. – 43% опрошенных), 29% – занимались поиском новых каналов ее распределения.

По результатам опроса выявлено, что 44% глав сельхозорганизаций информированы об условиях функционирования сельхозорганизаций на открытом рынке лишь частично, треть – вообще не обладает информацией о ВТО.

Для адаптации к условиям работы, диктуемым ВТО, треть опрошенных планирует провести оценку возможных выгод и потерь, 24% – техническое и технологическое переоснащение предприятия, 13% – маркетинговые исследования рынков сбыта продукции, 11% – активизировать работу по стандартизации и сертификации продукции; менее чем по 10% – организовать производство продукции по международным стандартам качества и провести подготовку кадров, владеющих проблематикой ВТО.

В целом 71% опрошенных руководителей сельхозорганизаций считают, что в перспективе будет иметь место ряд негативных последствий от вступления России в ВТО, по мнению 22% респондентов, это не отразится на деятельности организации.

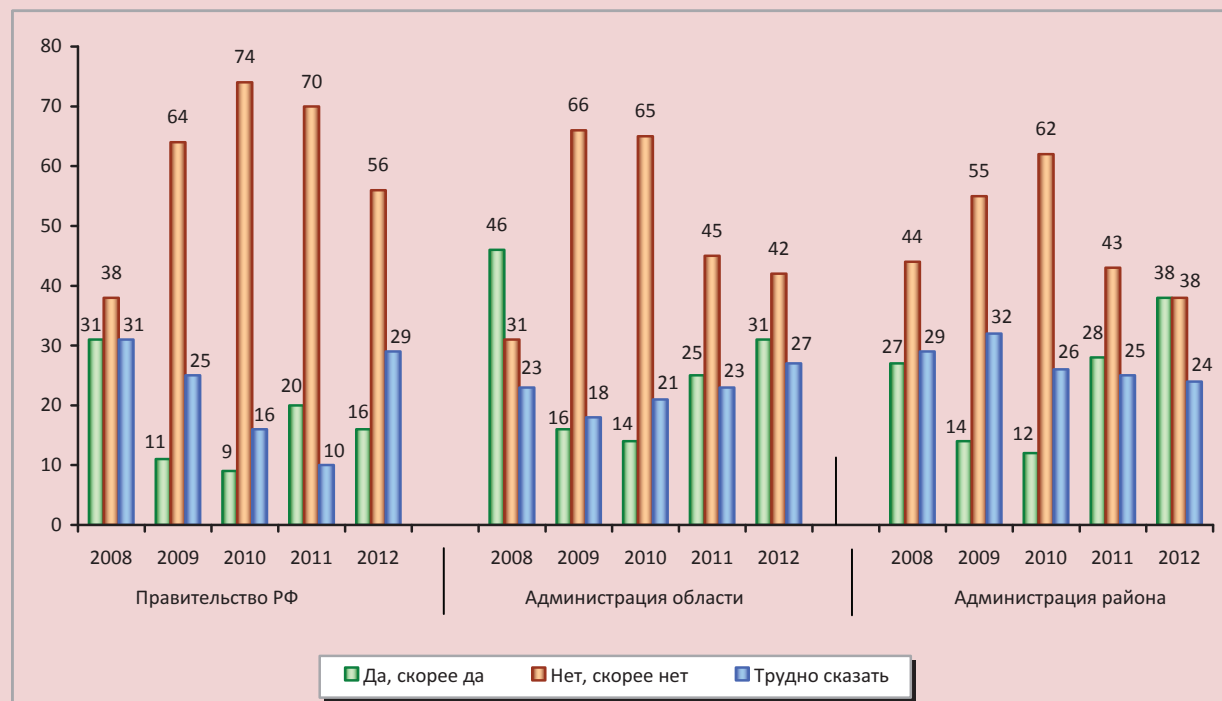
Одним из основных направлений государственной политики является бюджетная поддержка сельхозорганизаций. Результаты опроса свидетельствуют о том, что в 2012 г. бюджетная поддержка была оказана 87% сельхозпредприятий региона, участвовавших в опросе (ниже уровня 2011 г. на 13 п.п.), однако ее размер не удовлетворил 43% ответивших руководителей и крайне не удовлетворил треть опрошенных. Более 70% руководителей в 2012 г. получили субсидии на приобретение горюче-смазочных материалов, 72% – с помощью бюджетных средств компенсировали затраты на покупку минеральных удобрений, 56% – выплатили проценты по банковским кредитам (табл. 9). Выросла доля тех руководителей, кто получил субсидии на поддержку элитного семеноводства (почти в два раза по сравнению с уровнем 2011 г.).

Более половины руководителей сельхозорганизаций (56%) в 2012 г. считали политику РФ, проводимую по отношению к аграрному комплексу, неправильной (в 2011 г. – 70%). Однако в целом уровень положительных оценок в 2012 г. по сравнению с 2011 г. увеличился (рис. 6).

Таблица 9. Формы бюджетной поддержки сельхозорганизаций Вологодской области (в % от числа ответивших)

Форма поддержки	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Субсидии на приобретение ГСМ	80	88	84	73	77
Субсидии на приобретение удобрений	75	81	72	80	72
Субсидии на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам	91	84	70	73	56
Субсидии на животноводческую продукцию	34	28	51	23	36
Субсидии на поддержку племенного животноводства	64	30	33	20	21
Субсидии на поддержку элитного семеноводства	30	16	33	18	31
Субсидии на уплату части страхового взноса при страховании урожая с/х культур	30	21	9	5	0
Субсидии на закладку многолетних насаждений и уход за ними	2	7	0	0	0

Рисунок 6. Распределение ответов руководителей сельхозорганизаций Вологодской области на вопрос: «Считаете ли Вы правильной современную экономическую политику, проводимую по отношению к аграрному комплексу?» (в % от числа ответивших)

По сравнению с результатами опроса, проведенного в 2009–2012 гг., доля руководителей, давших положительную оценку действиям органов власти, в целом увеличилась. При этом существует необходимость повышения эффективности уже принятых мер по разработке и реализации новых инструментов и механизмов, способствующих устойчивому развитию сельского хозяйства.

Основными шагами, которые будут способствовать улучшению ситуации в аграрном секторе, на наш взгляд, должны стать снижение цен на ГСМ, минеральные удобрения и снижение налогового бремени. Такого же мнения придерживаются и опрошенные руководители сельхозорганизаций (табл. 10).

При этом 27% респондентов отмечают, что органам власти следует обеспечить защиту сельхозорганизаций от монополи-

стов, 24% – считают необходимым принять дополнительные меры по ограничению импорта сельхозпродукции и увеличению объемов госзакупок сельхозпродукции. За борьбу с коррупцией в государственных структурах высказались 24% опрошенных, что почти в два раза ниже уровня 2011 г. (43%).

Отметим, что доля руководителей, которые годом ранее указали на необходимость реализации вышеперечисленных мер государственного регулирования, также осталась значительной.

На наш взгляд, для обеспечения устойчивого роста агропроизводства в регионе требуется реализовать комплекс широкомасштабных мероприятий.

Так, на федеральном уровне следует:

- усилить государственный контроль за ценами на ГСМ, минеральные удобрения, технику, электроэнергию и другие

Таблица 10. Наиболее важные для сельхозорганизаций Вологодской области меры государственного регулирования (в % от числа ответивших)

Меры государственного регулирования	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Снижение цен на ГСМ	96	100	98	93	96
Снижение цен на удобрения	83	80	86	78	89
Снижение налогового бремени для товаропроизводителей	76	50	61	50	73
Борьба с коррупцией в государственных структурах (взяточничество)	46	23	49	43	24
Обеспечение защиты от монополистов – посредников или переработчиков	46	43	40	23	27
Ограничение импорта	41	46	30	30	24
Совершенствование механизма страхования урожая, включение в систему страхования сельхозтехники и животных	37	27	26	15	16
Развитие системы приобретения сельхозтехники на условиях лизинга	33	25	23	43	22
Увеличение объемов госзакупок с/х продукции по гарантированным ценам	44	43	23	33	24
Списание долга/части долга по кредиторской задолженности	44	30	19	33	22
Улучшение инвестиционного климата (введение налоговых, таможенных и прочих льгот при реализации инвестиционных проектов)	41	27	16	13	16
Стимулирование интеграционных связей между с/х организациями, переработкой и торговлей (агрохолдинги)	17	18	14	10	11
Развитие земельного рынка	13	7	9	8	2
Содействие в развитии отраслевых союзов сельскохозяйственных производителей	4	0	2	10	4

товары, приобретаемые сельхозорганизациями (регулирование предельных отпускных оптовых и розничных цен);

- проводить в интересах национального производителя гибкую таможенно-тарифную политику (рационализация структуры импорта за счет снижения в нем доли готовой продукции в целях создания импортозамещающих производств на территории РФ);

- стимулировать развитие интеграционных связей аграрной науки и производства (создание агротехнопарка) и др.

На региональном уровне основными мерами государственного регулирования сельхозпроизводства являются:

- увеличение объемов бюджетного финансирования целевых программ, направленных на развитие сельского хозяйства и сельских территорий;

- активизация работ по переподготовке и повышению квалификации работников сельского хозяйства, в т.ч. за рубежом;

- увеличение объемов закупочных интервенций по гарантированным ценам;

- организация работы служб по информированию сельхозтоваропроизводителей о технических новинках и передовом опыте;

- принятие дополнительных мер по реструктуризации задолженности организаций сельского хозяйства перед кредиторами;

- развитие взаимоотношений между секторами сельского хозяйства, повышение роли кооперации на селе и др.

Вместе с тем стратегическими направлениями стабилизации и развития сельского хозяйства в регионе, на наш взгляд, остаются:

- достижение финансовой устойчивости предприятий АПК;

- техническая и технологическая модернизация агросектора;

- ускоренное развитие животноводства и растениеводства;

- создание высококвалифицированного кадрового потенциала и улучшение кадрового обеспечения агропроизводства;

- увеличение объемов бюджетной поддержки.

Таким образом, реализация данного комплекса мероприятий позволит вывести сельское хозяйство Вологодской области на путь устойчивого развития.

В противном случае может произойти деградация сельских территорий и снижение продовольственной безопасности региона.

Литература

1. Анищенко, А.Н. Оценка функционирования агропромышленного комплекса Вологодской области / А.Н. Анищенко, Р.Ю. Селименков // Проблемы развития территорий. – 2012. – № 6 (62). – С.123-134.
2. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы: Постановление Правительства РФ от 14.07.2012 г. № 717 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vologda-agro.ru/gprogramms>
3. Государственная программа «Развитие агропромышленного комплекса и потребительского рынка Вологодской области на 2013–2020 годы»: Постановление Правительства Вологодской области от 22.12.2012 г. №1222 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vologda-agro.ru/gprogramms>
4. Мониторинг функционирования агропромышленного комплекса Вологодской области [Текст]: заключительный отчёт о НИР / Т.В. Ускова, М.Ф. Сычев, А.Н. Чекавинский. – Вологда, 2010. – 83 с.
5. О развитии сельского хозяйства: Федеральный закон РФ от 29.12.2006 г. №264-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mcx.ru/documents/document/show/3640.172.htm>
6. Ускова, Т.В. Агропромышленный комплекс региона: состояние, тенденции, перспективы [Текст]: монография / Т.В. Ускова, Р.Ю. Селименков, А.Н. Чекавинский. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – 136 с.
7. Федеральная целевая программа «Социальное развитие села до 2013 года»: Постановление Правительства РФ от 03.12.2002 г. №858 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mcx.ru/documents/document/show/7952.172.htm>

Проблемы и перспективы финансирования социальной сферы в России

В статье содержится обзор таких основных тенденций финансового обеспечения социальной сферы России, как рост объема финансирования, опережающее наращивание пенсионного обеспечения, сохранение приоритетной роли централизованных источников и сглаживание межрегионального неравенства. Представлен сценарный прогноз финансирования социальных систем до 2020 г., согласно которому решение главных задач ближайших лет – адаптации к демографическим изменениям и устранения диспропорций в оплате труда – потребует объединения усилий государства, бизнеса, граждан и самих работников.

Бюджет, здравоохранение, культура, образование, регион, Север, социальная защита, социальное обеспечение, социальные расходы, финансы.

**Максим Михайлович
СТЫРОВ**

кандидат экономических наук, научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН
Styrovmm@mail.ru

В настоящее время и власть, и общество приходят к пониманию того, что не столько отвлеченные показатели экономического и технического развития государства, сколько здоровое духовно-нравственное, социальное и физическое состояние личности должно выступать целью и критерием правильности всех принимаемых решений. Более того, в ходе активной дискуссии о направлениях и способах модернизации страны стало очевидным, что в первую очередь именно в трудовом и творческом потенциале человека, а не в количественном росте масштабов хозяйства кроются и главные возможности преобразования к лучшему всего общества.

«Интеллектуальная, духовная культура нации сегодня, как никогда раньше, становится основным фактором социально-экономического прогресса. Модернизация невозможна без достаточного общекультурного уровня населения» – так эту мысль выражает академик РАН О.Т. Богомолов¹.

В связи с этим очень заметными и болезненными для России оказались проблемы социального неблагополучия, хотя и имевшие место всегда, но особенно резко

¹ Богомолов О.Т. Потенциал национальной культуры в обновлении российского общества // Модернизация России: социально-гуманитарные измерения / под ред. акад. Н.Я. Петракова; РГНФ; РАН. – М.; СПб: Нестор История, 2011. – С. 52-53.

усилившиеся в период рыночных реформ конца XX в.: критическое положение семьи и детства, демографические неурядицы, слабое здоровье и низкая продолжительность жизни, огромная неравномерность материального достатка, упадок общей культуры и разгул преступности, иждивенчество и потребительство, всевозможные зависимости — алкогольная, наркологическая, табачная, телекоммуникационная, игровая и т.д. В этих препонах сегодня видится важнейшая угроза развитию и безопасности страны.

Впрочем, подчеркнём ещё раз, благополучие человека не должно рассматриваться лишь как *средство* экономического роста или поддержания геополитической значимости страны, но получает свою подлинную оценку *через призму смысла жизни* каждой конкретной личности. «Государства и народы, отрицавшие значимость духовной жизни, исчезли с исторической сцены, — говорит Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. — Поэтому так важно, говоря об экономике и росте благосостояния, не забывать об их высшем предназначении — служить материальной основой для духовного роста личности, служить общему благу — материальному и духовному, не препятствовать, а помогать спасению человека»². И с этим утверждением всё чаще соглашаются не только общественные деятели, но и учёные-экономисты. «Жизнь ценна не потому, что человек может создавать всё больше материальных благ и услуг.

Человеческие нужды выходят далеко за экономические рамки, в них всё большую

² Кирилл, митр. Смоленский и Калининградский, впоследствии Патриарх Московский и всея Руси. Экономика — это изначально благословенный Творцом род деятельности // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. — 2008. — №3(36).

роль приобретают духовные, эстетические ценности», — полагает, например, советник РАН Н.М. Римашевская³.

Исходя из этих позиций становится понятным наблюдаемое увеличение внимания к социальной сфере⁴, ведь качество жизни каждого человека в очень значительной степени зависит от её направленности и продуктивности: система *образования* обеспечивает вхождение гражданина в общество и подготовку к трудовой деятельности; *здравоохранение* поддерживает его нормальное физическое состояние; *культура* призвана содействовать духовно-нравственному развитию личности, сохранять целостность общества и преемственность поколений; *социальная защита* обеспечивает стабильность материального положения людей в разные периоды их жизни и в различных жизненных ситуациях.

В свою очередь, ключевым условием эффективности функционирования этих систем служит их финансовое обеспечение, поскольку финансы являются денежным выражением реальных хозяйственных процессов и действенным рычагом управления ими.

³ Римашевская Н.М. Сбережение народа — стратегический императив России // Неэкономические грани экономики: непознанное влияние / под ред. О.Т. Богомолова, рук. проекта Б.Н. Кузык. — М.: Институт экономических стратегий, 2010. — С. 642.

⁴ Под социальной сферой в настоящей статье понимается совокупность следующих социальных систем: образования, здравоохранения (включая физическую культуру и спорт), культуры и социальной политики. Из рассмотрения исключены такие ее составляющие, как доходы и расходы населения, жилищно-коммунальное хозяйство, защита окружающей среды и др. В свою очередь, социальная политика (или социальная защита) включает в себя мероприятия, относящиеся в бюджетном учете к одноименному разделу бюджетной классификации: пенсионное обеспечение, социальное обеспечение, социальная поддержка и социальное обслуживание населения, охрана семьи и детства и прикладные научные исследования в данной сфере.

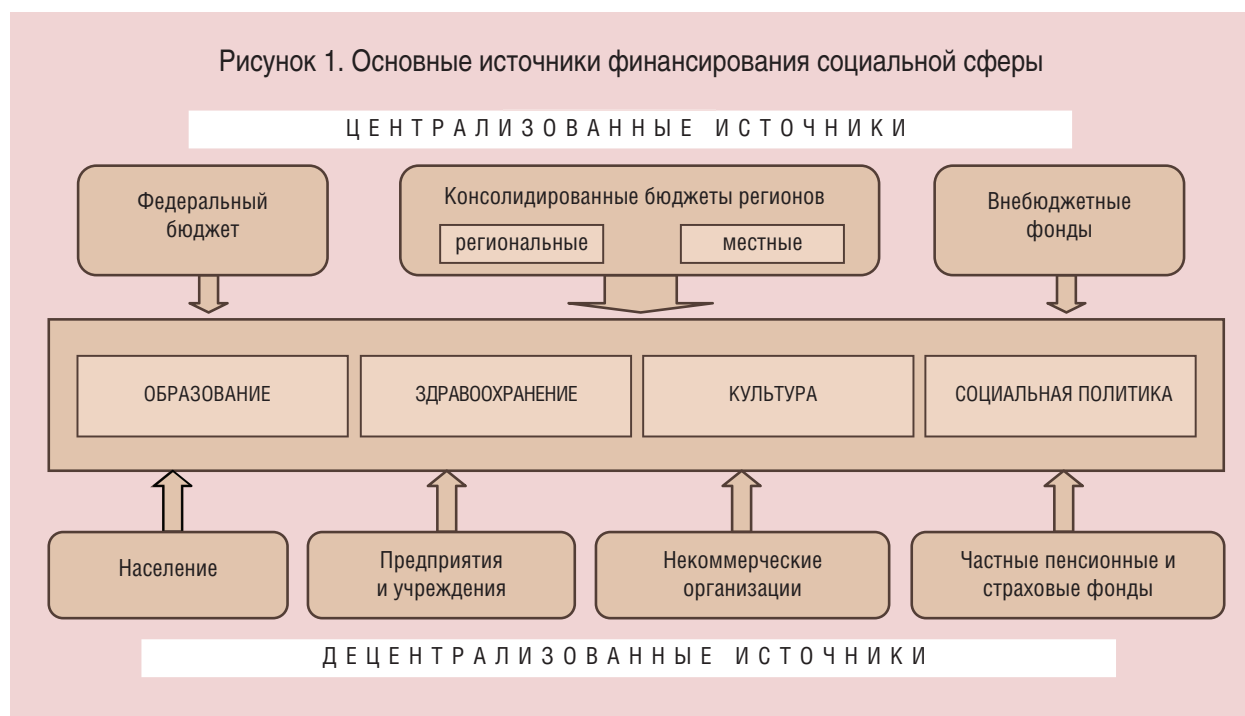
Финансирование социальной сферы можно рассматривать как важный индикатор, своеобразную «лакмусовую бумажку» внутренней силы и здоровья общества. В известном смысле оно характеризует отношение не только власти, но и большинства жителей страны к своей истории, своему настоящему и своему будущему.

Мировая экономическая история знает немало различных моделей финансирования социальных расходов, почти все они известны и в России. В дореволюционное время – ориентация на самостоятельность, взаимовыручку и меценатство при малом объеме централизованного финансирования. Затем – построение советского «государства благоденствия» с максимально возможным обеспечением потребностей граждан за счет государственного бюджета. В годы рыночных реформ конца XX в. – резкое сокращение социальных программ в связи с экономическим спадом и пересмотром идеологических установок при сохранении социальной ста-

бильности преимущественно по инерции, на имеющихся традициях и энтузиазме работников. Однако к рубежу третьего тысячелетия негативные последствия пренебрежения социальной сферой достигли критического уровня, поэтому начиная с 2000 г. стало происходить постепенное возвращение к приемлемым нормам социального обеспечения, а сегодня, как уже было отмечено, в связи с широким обсуждением стратегии развития страны поиск путей оздоровления общества вошел в число первостепенных задач.

Всё вышесказанное обуславливает необходимость изучения состояния и основных тенденций финансирования социальной сферы России на современном этапе развития, а также прогнозирования возможных направлений его совершенствования.

Источники финансирования социальной сферы. Источники финансирования социальной сферы подразделяются на централизованные и децентрализованные (рис. 1).

Под *централизованными* понимаются фонды денежных средств, находящиеся в распоряжении государства и органов местного самоуправления, функционирующие по общеобязательным для всей территории страны и всех экономических субъектов правилам и формируемые в основном за счет налоговых поступлений и страховых взносов. К их числу относятся федеральный бюджет, бюджеты регионов, местные бюджеты и государственные внебюджетные фонды — пенсионный, социального страхования и обязательного медицинского страхования. Централизованные источники играют ведущую роль в финансировании социальных расходов, обеспечивая более 80% их общего объема.

Основной элемент *децентрализованных источников*, на который приходится около 2/3 их общей величины, — это расходы граждан на платные услуги в сфере образования, здравоохранения, культуры. В частном финансировании социальной сферы также участвуют предприятия и учреждения в форме прямой оплаты за обучение, лечение, добровольное медицинское страхование, досуг и отдых своих сотрудников и членов их семей, софинансирования пособий по временной нетрудоспособности и материальной помощи в трудных жизненных ситуациях.

Некоммерческие организации (как отечественные, так и зарубежные) к которым относятся благотворительные фонды, общественные и религиозные объединения, профессиональные союзы и т.д., финансово поддерживают социальную сферу в виде безвозмездных выплат. Частные пенсионные фонды и страховые компании предоставляют гражданам возможность добровольного страхования на случай неизбежных или непредвиденных трудных жизненных ситуаций. К сожалению, информация о децентрализованных

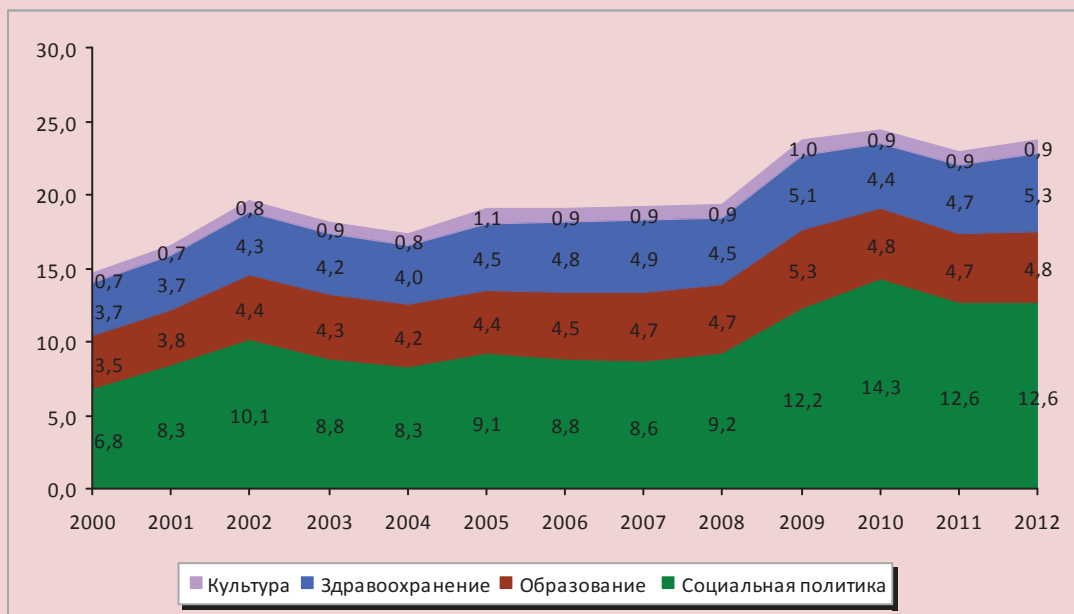
источниках, кроме средств населения, приведена в открытой статистике не в полном объеме и поэтому не включена в анализ.

Очевидно, что помимо регистрируемых статистикой денежных потоков в действительности имеют место неформальные платежи за услуги и немалые трансферты между группами людей разного возраста и разного достатка, являющиеся своеобразным механизмом социального выравнивания. Предпринимаются попытки оценить эти неофициальные денежные потоки косвенными методами, например с помощью социологических опросов, однако эти сведения фрагментарны и поэтому не изучались нами.

Основные тенденции финансирования социальных систем. Минувшее десятилетие характеризовалось *существенным увеличением финансирования социальных расходов из всех источников*. Основной характеристикой финансирования социальной сферы является его удельный вес в валовом внутреннем продукте, иначе говоря — доля в суммарном экономическом достатке народа, которая позволяет оценить степень внимания последнего к тем или иным секторам, сравнить их значимость между собой, а также произвести международные сопоставления. В рассматриваемом периоде динамика финансирования социальной сферы значительно опережала темпы экономического роста, в результате чего суммарный удельный вес государственных и частных социальных расходов в ВВП возрос с 14,7 до 23,6% (рис. 2)⁵. Особенно быстрое увеличение в относительном выражении наблюдалось в период финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг., когда правительством России, несмотря

⁵ Здесь и далее рассчитано автором по данным Единой межведомственной информационно-статистической системы (<http://fedstat.ru/indicator/data.do>) и информации Федерального казначейства России об исполнении бюджетов (<http://www.roskazna.ru/reports/cb.html>).

Рисунок 2. Удельный вес социальных расходов в ВВП России за 2000–2012 гг., %

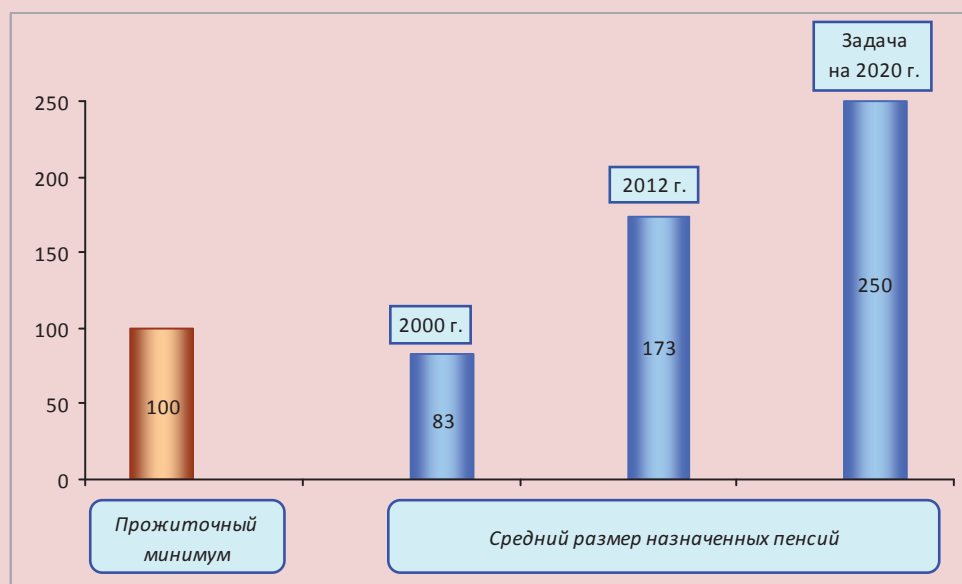
на экономический спад, был принят курс на полное выполнение принятых социальных обязательств. В целом это, безусловно, позитивная тенденция, подтверждающая тезис о начавшемся социальном оздоровлении страны.

Поиск причин столь быстрого роста социальных расходов открывает следующую значимую тенденцию рассматриваемого периода – *приоритетное увеличение финансирования социальной политики, и в первую очередь – пенсионного обеспечения*. За 2000–2011 гг. номинальные расходы Пенсионного фонда РФ (без учета средств негосударственных пенсионных фондов) возросли в 16 раз, а в процентном отношении к ВВП – с 4,7 до 8,7%, что и обеспечило подавляющую часть общего прироста социальных расходов. Это позволило значительно улучшить характеристики пенсионного обеспечения: отношение среднего размера назначенных пенсий к прожиточному минимуму пенсионера возросло за эти годы вдвое – с 83 до 173% (рис. 3).

И действительно, повышение уровня жизни пенсионеров в эти годы было заметно и невооруженным глазом. Тем самым преодолена ненормальная ситуация несоответствия государственных пенсионных выплат даже минимальным нормам жизнеобеспечения, что является большим шагом вперед и одновременно свидетельствует о реальной возможности изменения действительности к лучшему при сильной и последовательной политической воле.

Вместе с тем вряд ли успехи в пенсионном обеспечении можно считать безупречными и окончательными. Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития России, средний размер трудовой пенсии в 2016–2020 гг. должен составить 2,5–3 прожиточных минимума пенсионера (и, судя по нижеследующему прогнозу, этот норматив при определенных условиях может быть достигнут). Важно также отметить, что повышение доли расходов на пенсионное обеспечение в ВВП во многом было обусловлено

Рисунок 3. Соотношение среднего размера назначенных пенсий с величиной прожиточного минимума пенсионера в России за 2000–2012 гг. и целевое на 2020 г., %

существенным увеличением относительной численности лиц пожилого возраста — с 262 до 283 человек на 1000 человек населения, а ведущим фактором положительного изменения уровня пенсий и прожиточного минимума стал общий экономический подъём в стране. Такой же важный индикатор, как отношение величины пенсий к среднему размеру начисленной заработной платы, который наглядно характеризует нравственное состояние общества по отношению к старшему поколению, за эти годы остался практически неизменным — около 36%. С учетом средств негосударственных пенсионных фондов эта цифра увеличивается примерно до 40%. Если ориентироваться на лучшие достижения других государств⁶, соизмеряя их с собственными представлениями о материальном обеспечении людей почтенных возрастов, следует, по меньшей мере, стремиться к нормативу 50–60%.

⁶ Гурвич Е. Принципы новой пенсионной реформы // Демоскоп Weekly. — 2012. — №499-500. — 20 февраля — 4 марта.

Впрочем, для выработки окончательного суждения по этому поводу следовало бы также рассмотреть данные о неформальных денежных трансфертах, иначе говоря — непосредственной материальной помощи пожилым людям со стороны трудоспособных граждан. Небезынтересным было бы перейти от оперирования понятием средней пенсии к изучению её дифференциации по профессиональным группам, в частности госслужащих и военных, с одной стороны, остальных работников бюджетной сферы (врачей, учителей, работников культуры, социальных работников) — с другой, а негосударственного сектора — с третьей. К сожалению, и те и другие данные в распоряжении автора отсутствуют, к тому же такое углубление выходит за рамки настоящей статьи.

Естественно, многолетняя тенденция роста социальных расходов не могла не отразиться на налогово-бюджетной политике. Рост социальных обязательств потребовал в 2011 г. существенного увеличения налоговых отчислений с заработной платы,

что оказалось особенно чувствительным для малых предприятий: для них обязательные платежи по этой статье увеличились в 2,5 раза. В 2013 г. резкий рост налогов затронул индивидуальных предпринимателей. В этой ситуации тревогу вызывает не столько сам факт роста налоговой нагрузки (как будет показано далее, она может ещё более увеличиться), сколько его скачкообразный и поспешный характер, а также возложение основной тяжести этого роста на наиболее слабых, не имеющих отлаженных механизмов консолидации и защиты своих интересов субъектов хозяйствования.

Если основной «точкой роста» социальных расходов в 2000-е годы выступило пенсионное обеспечение, то в отношении средств, выделяемых на *образование и здравоохранение*, рост был гораздо более умеренным. Их величина в процентном отношении к ВВП увеличилась на 1,3 и 1,6% соответственно, причём наибольший подъем пришелся на начальную фазу рассматриваемого периода.

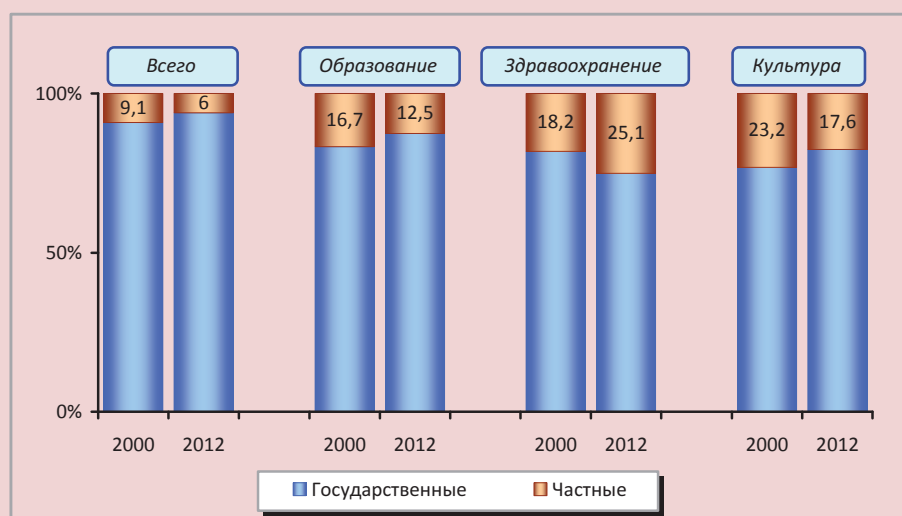
В целом же можно сказать, что на протяжении последних десяти лет данные направления развивались сообразно всей экономике страны. Хотя финансовое обеспечение образования и здравоохранения за данный период, действительно, заметно улучшилось — ушли в прошлое многомесячные задержки заработной платы, несколько вырос её уровень, постепенно проводится модернизация оборудования и помещений, — однако это улучшение находится в русле общего восстановительного экономического подъёма России этого периода (за последние 12 лет рост материального достатка произошёл примерно вдвое). Глубокого же, коренного изменения роли образования и здравоохранения в списке жизненных приоритетов общества пока не наблюдается, их удельный вес в валовом продукте по-прежнему низок на фоне не только развитых, но и многих развивающихся стран.

Лишь начиная с 2011 г. наметился поворот государственной политики в сторону более быстрого увеличения инвестиций в эти секторы, особенно в здравоохранение (см. рис. 2), что может являться первым признаком смещения точек интереса с социальной защиты как основы справедливости и стабильности общества на человеческий капитал как решающий фактор развития страны.

Значимость *культуры* в видовой структуре социальных расходов за рассматриваемый период несколько увеличилась (с 0,7 до 0,9%) и пока остаётся стабильной. Однако, наблюдая примеры социального и нравственного благополучия современного российского общества, вряд ли можно считать эту долю достаточной. Обнадёживающим является происходящее сейчас переосмысление роли культуры в жизни страны и предпринимаемые усилия по её повышению, ведь именно культура во многом сдерживает социум от морального разложения и устремляет вектор его развития к высшим идеалам.

Анализ финансирования социальных расходов невозможен без рассмотрения *структуры их источников*. Несмотря на то что в условиях роста платности всех видов услуг нередко складывается впечатление о ведущей и при этом постоянно возрастающей значимости частного финансирования, статистические данные свидетельствуют, что это не так. За 2000—2012 гг. доля децентрализованных средств в общем объёме даже несколько снизилась — с 9 до 6% (рис. 4). Таким образом, хотя, безусловно, роль частных источников и является значимой, но непреобладающей. Даже при том, что в этих расчетах из-за отсутствия полных данных не учтены некоторые второстепенные частные денежные потоки — добровольное страхование (медицинское, пенсионное, жизни и здоровья) и средства организаций, которые в совокупности, по

Рисунок 4. Соотношение государственных и частных источников в финансировании социальной сферы России в 2000 и 2012 гг.

авторской оценке, не превышают 5% всех социальных расходов, — все равно доля централизованного финансирования оказывается выше 80%.

Конечно, данную ситуацию вовсе не следует воспринимать как сетование на недостаточность участия частных средств в финансировании социальной сферы и призыв к их увеличению. А такая мысль весьма популярна в научных публикациях и особенно в государственных программах. Намерения исследователей и чиновников имеют свой рациональный мотив: это чаще всего стремление повысить эффективность деятельности бюджетных учреждений, иногда — желание преодолеть «потребительское» отношение к получаемым бесплатно услугам. В качестве аргументов звучат также ссылки на опыт некоторых западных стран, где доля частных средств иногда довольно высока.

Что в ответ на это можно возразить? Эффективность работы бюджетных учреждений действительно бывает низка, и её нужно повышать, но *не следует этого*

делать рыночными методами. Механизм коммерческого интереса, зачастую оправдывающий себя в производственной сфере, способен увеличить производительность труда и в сфере социальной, но нередко приводит к снижению его качества. Особенно это касается сферы образования и культуры, где движущей силой для специалистов в первую очередь должны выступать высокие духовные и нравственные идеалы воспитания личности, а не сиюминутные успехи в «натаскивании» и «окультуривании» населения. «Превращение коммерческой деятельности средств массовой информации в их главную функцию имеет резко негативные последствия для государственного и общественного развития», — пишет академик РАО А.С. Запесоцкий, и эти слова совершенно справедливы для всей сферы культуры⁷.

⁷ Запесоцкий А.С. СМИ как фактор трансформации российской культуры // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов / под ред. О.Т. Богомолова. — М.: Институт экономических стратегий, 2010. — 800 с. — С. 230-260.

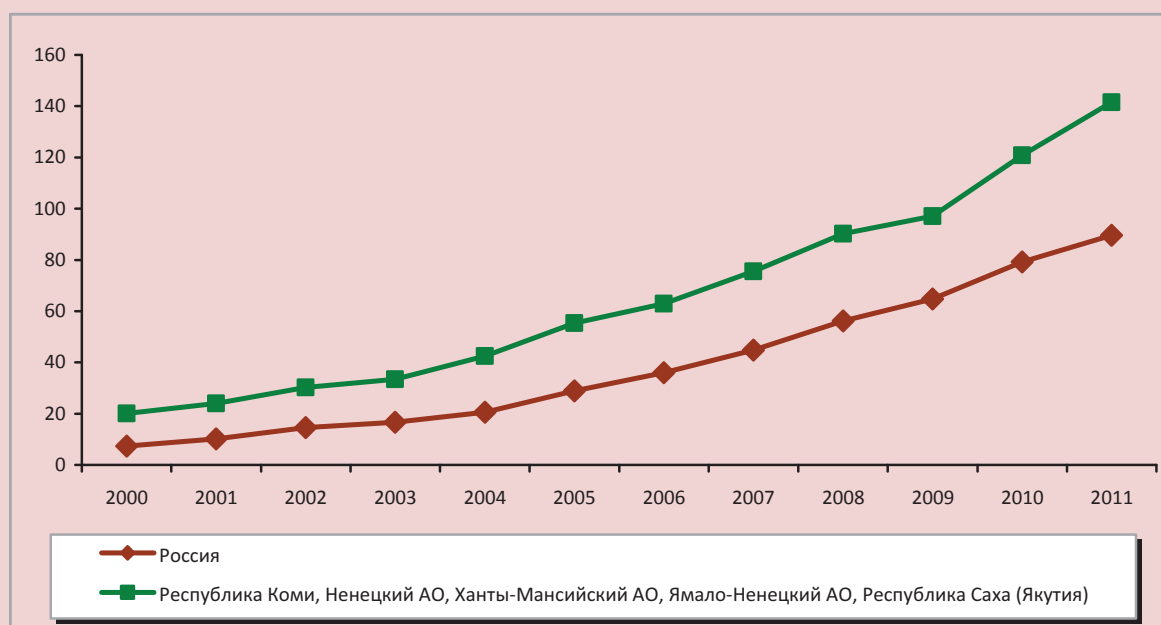
Снижение качества образования, особенно высшего, в условиях самоустранения государства и ускоренной коммерциализации обстоятельно описывается д.э.н. И.В. Соболевой⁸. Позиция этих авторов подерживается многими другими учёными.

Большая же коммерческая составляющая в деятельности социальной сферы за рубежом неслучайна, она неразрывно связано с многовековыми традициями общественного контроля и социальной ответственности бизнеса, которые пока просто не могли успеть сформироваться в нашей стране. Не следует забывать и о том, что бюджетное финансирование в противовес частному призвано кроме всего прочего выступать мощным механизмом социального выравнивания, гарантом всеобщего доступа граждан к возможностям личностного развития. А вот тот опыт, которому

России действительно стоит поучиться у других стран, — это их усилившаяся в посткризисный период ориентация именно на централизованное финансовое обеспечение науки и образования⁹.

Политические и экономические перемены 2000-х годов оказали влияние и на межрегиональную дифференциацию финансирования социальных расходов. Так, если в 2000 г. степень отрыва наиболее высокообеспеченных регионов (Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого и Ненецкого автономных округов, республик Коми и Якутии), имеющих большие доходы за счёт экспорта углеводородного сырья и других природных ресурсов, составляла 2,7 раза (20 тыс. против 7 тыс. руб. на человека), то к 2011 г. она последовательно сократилась до 1,6 раза (141 тыс. против 90 тыс. руб.; рис. 5).

Рисунок 5. Подушевое финансирование социальных расходов в регионах России за 2000–2011 гг., в текущих ценах, тыс. руб. / чел.

⁸ Соболева И.В. Развитие образования — вклад в будущее нации // Неэкономические грани экономики: непознанное влияние / под ред. О.Т. Богомолова; рук. проекта Б.Н. Кузык. — М.: Институт экономических стратегий, 2010. — С. 518-550.

⁹ Там же. — С. 543.

Удельные социальные расходы на Севере объективно выше, чем в других регионах страны, это связано не только с дополнительными рентными доходами, но в первую очередь с действием удорожающих факторов – суровых климатических условий, слабой обеспеченности транспортной и другой инфраструктурой, низкой плотности населения, необходимости сохранения культуры коренных малочисленных народов¹⁰.

Однако эти объективные причины не должны становиться поводом к излишней «местечковости» и концентрации ресурсной ренты лишь в пределах самих территорий, ведь природные богатства являются общим достоянием нации. Поэтому заслуживает положительной оценки тот факт, что в 2000-е годы при общем улучшении финансового обеспечения социальной сферы в России рост в перечисленных регионах-донорах несколько сдерживался перераспределением финансовых ресурсов в пользу отстающих территорий, что служит признаком усиливающейся консолидации страны, увеличения степени солидарности между отдельными территориями.

Прогнозирование социальных расходов. Полученная картина дает основание перейти к прогнозированию финансирования социальной сферы России для выявления возможностей и скрытых угроз при различных вариантах развития экономики и общества. Срок прогнозирования целесообразно гармонизировать с большинством стратегических документов страны, т.е. охватить период до 2020 г., что относит разрабатываемый прогноз к категории долгосрочных.

¹⁰ Более подробная количественная характеристика удорожающих факторов представлена в работе: Стыров М.М. Тенденции финансового обеспечения социальной сферы северных регионов России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – №2(20).

Основным методом прогнозирования является моделирование, в рамках которого осуществляется разработка отдельных показателей методами экстраполяции и экспертных оценок. Моделирование производится в рамках сценарного подхода, который сочетает в себе содержательный логико-эвристический анализ с формальными методами исследования. Сценарий – это гипотетическая картина последовательного развития во времени и пространстве событий, составляющих в совокупности эволюцию социально-экономического объекта в интересующем исследователя разрезе. Сценарный подход позволяет определить область реально возможного, т.е. диапазон «вероятных траекторий» развития изучаемой системы. Для этого обычно задаются сценарии с наилучшим и наихудшим набором значений факторов, влияющих на неё¹¹. Основными элементами модели являются ВВП, удельный вес социальных расходов в нём и их внутренняя видовая структура, параметры демографической динамики¹².

Разрабатываемый прогноз должен содержать поисковую и нормативную часть. Под *поисковым* прогнозом понимается определение возможных состояний объекта в будущем путем экстраполяции тенденций развития изучаемого явления в прошлом и настоящем при абстрагировании от возможных решений, способных повлиять на эти тенденции. Такой прогноз отвечает на вопрос: что, вероятнее всего, произойдет при условии сохранения существующих тенденций?

¹¹ Прогнозирование социально-экономического развития региона / под ред. В.А. Черешнева, А.И. Татаркина, С.Ю. Глазьева. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2011.

¹² Методика прогнозных расчётов подробно описана в работе: Стыров М.М. Финансирование социальных систем в северных регионах России: тенденции и перспективы // Проблемы прогнозирования. – 2013. – №4.

Нормативный же подход состоит в определении путей и сроков достижения возможных желательных состояний объекта на основе заранее заданных норм, идеалов, стимулов, целей. Иначе говоря, отвечает на вопрос: какими путями достичь желаемого?¹³

Поисковый прогноз составлен исходя из предположения, что отношение как государственных, так и частных расходов к ВВП в период до 2020 г. будет неизменным. Такой подход является пассивным, он не требует от органов власти каких-либо специальных решений, так же как и от граждан не требует существенных изменений в привычных пропорциях своих расходов.

В таком случае финансирование социальной сферы в России будет увеличиваться гармонично с общим экономическим ростом, темп которого может составить в этот период, в зависимости от внутренних и внешних условий, от 3 до 6% в год¹⁴. Соответственно, реальный объём социальных расходов возрастёт за этот период на величину от 30 до 60%. Это немалая цифра. Будучи абстрагирована от прочих обстоятельств, она означает, например, достижение целевой планки «трудовая пенсия = 2,5-3 прожиточных минимума пенсионера», а для работников бюджетной сферы – рост материального достатка, сопоставимый с произошедшим в период с 2000 г. до настоящего времени.

Однако такой инерционный сценарий развития социальной сферы не учитывает необходимости решения двух серьёзных задач, и поэтому вряд ли он может быть признан удовлетворительным.

¹³ Бестужев-Лада И.В. Социальное прогнозирование. Курс лекций. – М.: Педагогическое общество России, 2002.

¹⁴ Сценарные условия долгосрочного прогноза социально-экономического развития РФ до 2030 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.ru>

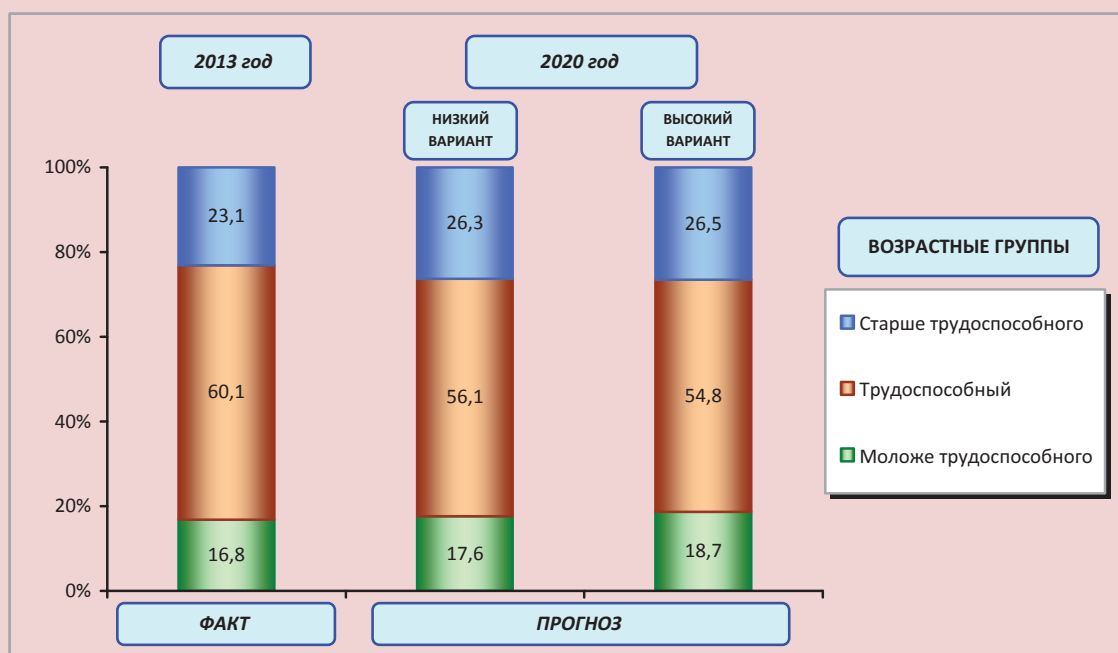
Первая такая задача – *демографическая*. Согласно прогнозу Росстата, после неблагоприятной ситуации с рождаемостью на протяжении двух десятилетий Россия в ближайшие годы неизбежно столкнётся со значительным увеличением доли населения старше трудоспособного возраста в общей численности населения – с 23 до 26–27% (рис. 6).

Следовательно, при реализации этого сценария величина трудовых пенсий в связи с опережающим ростом численности пожилых граждан будет возрастать гораздо медленнее прироста доходов всего населения, т.е. благосостояние пенсионеров относительно других групп населения будет снижаться, что вызовет социальное напряжение. Даже с учетом того, что частные источники финансирования в этой области несколько сгладят остроту проблемы, она будет очень значимой и может потребовать альтернативных мер регулирования.

Кроме того, нужно быть готовыми к возможному увеличению численности детей. Если по низкому варианту демографического прогноза она изменится не очень значительно, то согласно высокому сценарию морально-волевой подъём нации и активная государственная политика могут привести к увеличению удельного веса детей в возрасте до 16 лет в общей численности населения почти на 2%.

Следовательно, пассивная политика в отношении финансирования, например, системы образования может вылиться в острый дефицит мест в соответствующих учреждениях и в сверхнормативную перегрузку последних либо в перекладывание государственных социальных обязательств на плечи самих граждан. И то, и другое, и третье стало негативной чертой современной жизни и является следствием недальновидной политики прошлых лет.

Рисунок 6. Прогнозная возрастная структура населения России в 2020 году

Источник: Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 г. [Эл. рес.]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn3.htm

Естественно, рост демографической нагрузки в связи с ростом относительной численности детей и пожилых граждан приведёт к значительному расширению потребности в услугах здравоохранения, а также социальной защиты (выплата «декретных» пособий, оплата больничных листов и т.д.).

Вторая насущная задача – *преодоление имеющихся диспропорций в оплате труда работников бюджетной сферы*. Как становится ясным из сценарных условий инерционного варианта, образование, здравоохранение, культура и социальная защита будут развиваться соразмерно со всем национальным хозяйством. Т.е., несмотря на рост материального достатка их работников в абсолютном выражении, отставание этих секторов от других отраслей экономики по уровню оплаты труда и другим показателям останется неизменным.

Сегодняшнюю же ситуацию с уровнем оплаты труда вряд ли можно считать способствующей решению обозначенных в начале данной статьи задач по оздоровлению и гармоничному развитию России.

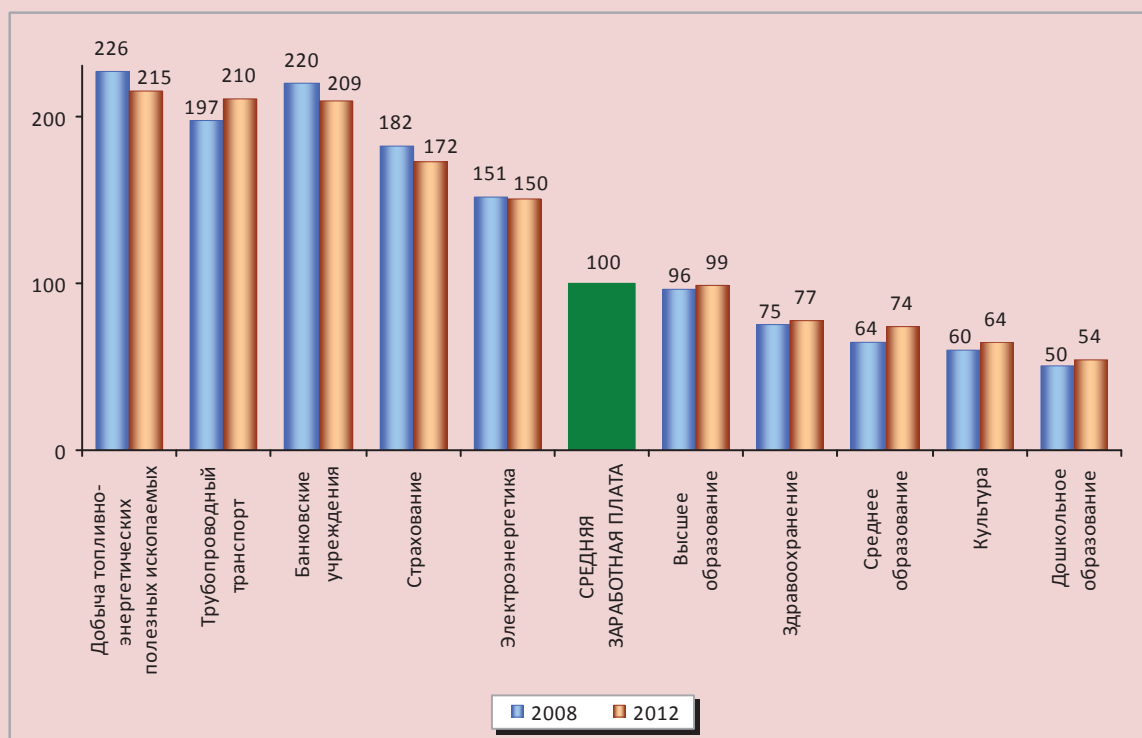
Данные рисунка 7 свидетельствуют, что в настоящее время в дошкольном образовании уровень оплаты труда почти вдвое ниже, чем в среднем по экономике. В среднем общем, а также начальном и среднем профессиональном образовании заработная плата ниже средней примерно на 1/4. В высшем образовании в целом по России уровень оплаты труда практически соответствует среднему по экономике. В сфере здравоохранения сохраняется 20-процентное отставание, а в учреждениях культуры заработная плата почти на 40% ниже средней. Таким образом, во всех ключевых элементах социальной сферы наблюдается существенная недооценка труда работающих.

Правда, в последние годы уже отмечается пусть и недостаточно динамичное, но устойчивое сокращение имеющегося разрыва в уровне оплаты труда. Так, например, в общем образовании за последние пять лет этот разрыв снизился на 10%, в культуре и дошкольном образовании — на 4%, в здравоохранении и высшем образовании — на 2%. Для сравнения: в электроэнергетике официальная заработная плата составляла 150%, в страховых организациях — 170%, а в банковских учреждениях, в добыче топливно-энергетических ресурсов и в трубопроводном транспорте — более 200% от средней по экономике. Если разрыв зарплат между промышленностью и транспортом можно в некоторой степени объяснить сложными условиями труда, то диссонанс между социальной сферой и финансово-кредитными учреждениями явно свидетельствует о серьёзных «неисправностях»

в приоритетах развития нашего общества. Однако и здесь в большинстве случаев отрадно отметить постепенное сокращение дифференциации доходов со среднеэкономическим уровнем, что ведёт к сглаживанию разрыва с социальной сферой и в чем видится признак движения к оздоровлению страны (рис. 7).

Для решения этих задач нужен другой сценарий — *целевой*, в котором во главу угла ставились бы не те или иные темпы роста благосостояния, а справедливость и солидарность как приоритет социально-экономического развития и главная объединяющая сила общества: «Экономика не может быть эффективной, если она не строится на принципах социальной справедливости и ответственности. Но стремление приумножить личное благосостояние — это не единственный мотив, который должен двигать экономическими отношениями.

Рисунок 7. Соотношение уровня оплаты труда в отдельных отраслях со средней по экономике России в 2008 и 2012 гг., %

С точки зрения православной этики, другим таким мотивом является стремление помочь ближнему, желание видеть, что результаты труда приносят пользу не только конкретному человеку, но и стране, обществу»¹⁵.

Исходя из этого в качестве первоочередной задачи рассматривается преодоление существующих диспропорций в оплате труда работников отраслей, ответственных за сохранение, развитие трудового и творческого потенциала населения, — образования, здравоохранения и культуры. Именно уровень оплаты труда показывает действительную оценку властью и обществом значимости этих систем в жизни общества. Достойная в сравнении с зарплатой занятых другими профессиями заработная плата создаёт *необходимые* (хотя и ещё недостаточные) предпосылки для выполнения работниками данных отраслей должной роли — не просто «оказания социальных услуг» остальной части населения или «формирования кадров» для нужд экономики, но подлинного интеллектуального и нравственного лидерства в движении всего общества к полноценной и здоровой жизни. Материальное вознаграждение должно позволять специалистам обеспечивать жизненные нужды своих семей без несения сверхнормативных трудовых нагрузок и тем самым создавать условия для повышения прежде всего качества, а не количества выполняемой работы.

Кроме того, обозначенные идейные установки предполагают, что должно обеспечиваться сохранение достигнутых параметров социального обеспечения нетрудоспособного (пожилого и молодого) населения посредством учета демографической динамики.

¹⁵ Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Общество, экономика, этика в служении Русской Православной Церкви // Неэкономические грани экономики: непознанное влияние / под ред. О.Т. Богомолова, рук. проекта Б.Н. Кузык. — М.: Институт экономических стратегий, 2010. — С. 107.

Первые шаги по реализации целевого сценария уже сделаны. Указом Президента РФ «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» от 7 мая 2012 г. №597 определены следующие целевые ориентиры, которые должны быть достигнуты к 2018 г.:

— доведение средней заработной платы педагогических работников образовательных учреждений общего и дошкольного образования, преподавателей и мастеров производственного обучения начального и среднего профессионального образования, работников учреждений культуры, младшего и среднего медицинского персонала *до средней заработной платы в соответствующем регионе;*

— повышение средней заработной платы преподавателей образовательных учреждений высшего профессионального образования, научных сотрудников и врачей *до двукратного размера средней заработной платы в соответствующем регионе.*

На первый взгляд заданные ориентиры очень высоки, если не сказать недостижимы: рост самих зарплат должен составить около 70%. Вместе с тем очевидно, что такое опережающее развитие социальной сферы должно базироваться не столько на высоких темпах экономического роста, сколько на структурных изменениях. В связи с этим выполнен прогноз возможностей достижения целевых показателей. Основой для расчетов послужили данные о существующем уровне оплаты труда работников соответствующих сфер, удельном весе затрат на оплату труда в общей величине бюджетных расходов и удельном весе профильных работников в общем фонде оплаты труда¹⁶.

¹⁶ Формула расчёта представлена в работе: Стыров М.М. Финансирование социальных систем в северных регионах России: тенденции и перспективы // Проблемы прогнозирования. — 2013. — №4.

Согласно проведенным расчетам, для устранения существующих диспропорций в оплате труда необходимо увеличить сверх базового темпа экономического роста социальные расходы бюджета на образование в среднем на 22%, здравоохранение – на 13%, культуру – на 17%.

На основе рассчитанных темпов прироста бюджетных расходов можно определить удельный вес социальных расходов в ВВП, обеспечивающий финансовое покрытие повышения зарплат, – 1,9%. Найденная величина весьма существенна, однако представляется вполне посильной и может быть достижима путем отнюдь не революционных изменений в налоговой системе или в списке приоритетов государственных расходов.

Однако, как уже было сказано, целевой сценарий предполагает не только приведение к желаемому уровню оплаты труда в бюджетной сфере, но и неотступное следование параметров финансирования за демографическими изменениями по высокому варианту прогноза. Согласно расчётам автора, это потребует увеличения удельного веса социальных расходов в

ВВП на 2,4%. В комплексе с повышением оплаты труда решение этой задачи приведёт к суммарному росту социальной нагрузки на экономику на 4,3% (рис. 8).

Рассмотрим возможные пути решения данной задачи. *Первый подход*, наиболее простой и кардинальный, заключается в покрытии данного разрыва за государственный счет при соответствующем увеличении налоговой нагрузки. Однако подобный быстрый рост налогового бремени на экономику небезопасен по последствиям и нелегок по возможности осуществления, особенно с учетом произошедшего недавно повышения ставок. Поэтому в качестве главного резерва здесь следует рассматривать введение прогрессивного налогообложения сверхдоходов граждан и предприятий, поскольку разрыв в доходах 10% самых богатых и 10% самых бедных граждан сегодня в России является непомерно высоким и достигает 17 раз, а по неофициальным оценкам – 30 раз¹⁷. В этом вопросе единодушны такие ведущие экономисты России, как академики РАН О.Т. Богомолов, С.Ю. Глазьев, Д.С. Львов, В.Л. Макаров, Р.И. Нигматулин, Н.Я. Петраков,

¹⁷ Иванов В.Н., Суворов А.В. Доходы и потребление российского населения в условиях кризиса и альтернативы государственной политики в этой сфере // Проблемы прогнозирования. – 2009. – №6.

чл.-корр. РАН Н.М. Римашевская, д.э.н. А.И. Агеев, А.В. Суворов¹⁸, и многие общественные деятели.

Подход к решению этой задачи должен, на наш взгляд, заключаться не столько в поспешном усилении административного давления на бизнес и предпринимателей, сколько в основательной и последовательной работе по формированию у них внутреннего ответственного отношения к Родине и осознания неразрывной связи собственного благополучия с социальным оздоровлением нации.

Вместе с тем увеличение государственного финансирования может и должно производиться не только за счёт увеличения налогового бремени. Немалые резервы можно изыскать при пересмотре списка приоритетов бюджетных расходов и путём наведения порядка в использовании средств. Оставляя конкретные решения в компетенции руководителей государства, приведём некоторые цифры в подтверждение этой мысли: если необходимый объём дополнительного финансирования социальной сферы в целом по стране составляет примерно 2,7 трлн. руб. (около 1/5 годового федерального бюджета), то в то же самое время суммарная величина Резервного фонда и Фонда национального благосостояния России равняется 5,3 трлн. руб., а суммарная стоимость «мегапроектов» последних лет (газовый проект «Южный поток», Олимпиада-2014 в г. Сочи, саммит АТЭС) — более 4 трлн. руб. Сопоставимы с искомой величиной и даже самые осторожные оценки масштабов государственной и корпоративной коррупции в стране.

¹⁸ Модернизация России: социально-гуманитарные измерения / под ред. акад. Н.Я. Петракова; РГНФ; РАН. — М.; СПб.: Нестор История, 2011; Неэкономические грани экономики: непознанное влияние / под ред. О.Т. Богомолова, рук. проекта Б.Н. Кузык. — М.: Институт экономических стратегий, 2010.

Совершенно неприемлем, на наш взгляд, и *второй, радикальный подход* — возложить всю тяжесть дополнительного финансирования на плечи самих граждан, частного бизнеса и некоммерческих организаций, поскольку в таком случае расходы этих экономических агентов должны будут увеличиться в относительном выражении примерно в 3 раза, в то время как для низкообеспеченных групп населения нередко обременительной является и существующая нагрузка.

Поэтому, чтобы не назвать поставленные задачи совершенно невыполнимыми, следует признать, что для их решения необходим поиск компромиссов и объединение усилий всех заинтересованных сторон. Ведь простое механическое увеличение бюджетных расходов даже если и не нарушит сбалансированности бюджетной системы, может не привести к достижению второй важнейшей наряду с ростом благосостояния трудящихся цели — повышению качества работы социальных систем.

Со стороны органов власти в эти годы необходимы постепенное и дифференцированное увеличение налоговой нагрузки и обеспечение повышения эффективности самих расходов, осмотнительное совершенствование системы оплаты труда, усиление принципа адресности социальных льгот и бесплатных услуг в зависимости от благосостояния получателей, возможно — привлечение негосударственных организаций к выполнению госзаданий.

Граждане и заинтересованные предприятия должны быть морально и организационно готовы к увеличению степени своего участия в финансировании образования, здравоохранения, культуры и социальной защиты и наряду с этим — к формированию более активной позиции в отношении повышения эффективности их функционирования. Самим же работникам бюджетной сферы следует осознать, что

увеличение уровня оплаты труда не может оставаться «механическим» и «внешним» — оно должно быть гармонично увязано с ростом квалификационных требований и определенным повышением интенсивности труда.

Хотелось бы в завершение подчеркнуть, что духовное и нравственное возрождение России является как необходимым условием, так и конечной целью эффективности функционирования всех остальных сторон жизни — экономической, политической, научно-технической, культурной, общественной. Вместе с тем моральное состояние народа — очень сложное и многогранное явление, зависящее не столько от политических или экономических решений правительства, сколько от вектора личной энергии каждого человека. Но комплексность и всеохватность его как раз и предполагает задействование всех имеющихся механизмов общественной жизни, в том числе и в очень значительной степени — финансирования социальной сферы, что и является главной идеей настоящей статьи.

Итак, основные выводы исследования состоят в следующем:

- Благополучие России в первую очередь предполагает всестороннее — духов-

ное, нравственное, физическое и социальное — оздоровление человека.

- Инерционное развитие социальной сферы повлечет за собой консервацию существующих диспропорций в оплате труда работников и снижение подушевого уровня финансирования расходов по причине грядущего увеличения демографической нагрузки.

- Финансовое обеспечение является хотя и далеко не единственным, но очень важным фактором социального развития, поэтому приоритетной задачей социальной политики ближайших лет становится существенное увеличение ассигнований на образование, здравоохранение и культуру для обеспечения нормального уровня оплаты труда.

- Главный источник дополнительных вложений — средства государства за счет пересмотра приоритетов бюджетной политики и прогрессивного налогообложения сверхдоходов.

- Для действенного улучшения социально-экономической ситуации недостаточно только мер государственной политики, но требуется объединение усилий всех заинтересованных сторон.

Литература

1. Бестужев-Лада, И.В. Социальное прогнозирование. Курс лекций / И.В. Бестужев-Лада. — М.: Педагогическое общество России, 2002.
2. Богомолов, О.Т. Потенциал национальной культуры в обновлении российского общества / О.Т. Богомолов // Модернизация России: социально-гуманитарные измерения / под ред. акад. Н.Я. Петракова; РГНФ; РАН. — М.; СПб.: Нестор История, 2011. — 448 с.
3. Гурвич, Е. Принципы новой пенсионной реформы / Е. Гурвич // Демоскоп Weekly. — 2012. — №499–500. — 20 февраля — 4 марта. — Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0499/analit01.php>
4. Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://fedstat.ru/indicator/data.do>
5. Запесоцкий, А.С. СМИ как фактор трансформации российской культуры / А.С. Запесоцкий // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов / под ред. О.Т. Богомолова. — М.: Институт экономических стратегий, 2010. — 800 с.
6. Иванов, В.Н. Доходы и потребление российского населения в условиях кризиса и альтернативы государственной политики в этой сфере / В.Н. Иванов, А.В. Суворов // Проблемы прогнозирования. — 2009. — №6.

7. Информация Федерального казначейства об исполнении бюджетов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.roskazna.ru/reports/cb.html>
8. Кирилл, митр. Смоленский и Калининградский, впоследствии Патриарх Московский и всея Руси. Экономика – это изначально благословенный Творцом род деятельности // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. – 2008. – №3(36).
9. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Общество, экономика, этика в служении Русской Православной Церкви // Неэкономические грани экономики: непознанное влияние / под ред. О.Т. Богомолова; рук. проекта Б.Н. Кузык. – М.: Институт экономических стратегий, 2010.
10. Модернизация России: социально-гуманитарные измерения / под ред. акад. Н.Я. Петракова; РГНФ; РАН. – М.; СПб.: Нестор История, 2011. – 448 с.
11. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn3.htm
12. Прогнозирование социально-экономического развития региона / под ред. В.А. Черешнева, А.И. Татаркина, С.Ю. Глазьева. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2011.
13. Римашевская, Н.М. Сбережение народа – стратегический императив России / Н.М. Римашевская // Неэкономические грани экономики: непознанное влияние / под ред. О.Т. Богомолова; рук. проекта Б.Н. Кузык. – М.: Институт экономических стратегий, 2010. – С. 642.
14. Соболева, И.В. Человеческий и социальный капитал – определяющие факторы современного экономического развития / И.В. Соболева // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. Научные записки и очерки / под ред. О.Т. Богомолова. – М.: Институт экономических стратегий, 2008. – 440 с.
15. Стыров, М.М. Тенденции финансового обеспечения социальной сферы северных регионов России / М.М. Стыров // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – №2(20).
16. Стыров, М.М. Финансирование социальных систем в северных регионах России: тенденции и перспективы / М.М. Стыров // Проблемы прогнозирования. – 2013. – №4.
17. Сценарные условия долгосрочного прогноза социально-экономического развития РФ до 2030 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.ru>

Summary

Povarova A.I.

Accounts Chamber of the Russian Federation: 2014-2016 draft budget will not allow Presidential Decrees of May, 2012 to be executed

The article presents the comparative analysis of the conclusions of the Accounts Chamber on the draft laws on the federal budget, executed in 2013 and 2012. The specifics of the conclusion on the draft law on the federal budget for 2014–2016 are characterized. The article highlights critical remarks of the Accounts Chamber of the Russian Federation on the given draft law, in particular with regard to the economic and financial parameters associated with the implementation of the Decrees of the President of the Russian Federation of May 7, 2012.

Key words: accounts Chamber of the Russian Federation, draft federal budget, economic parameters, income and expenses, risks.

Lastochkina M.A., Shabunova A.A.

Opportunities for and constraints in the modernization development of the regions of the Northwestern Federal District

Nation-wide modernization is possible only if it is carried out in all of the regions of a country. And the elaboration of the plans for the country's (regions') modernization implies quite reasonably the comparison of the key parameters of the territory's modernization with those of developed countries, the countries leading in innovation development. Due to significant territorial differences in Russia's development, it is necessary to differentiate the approach to determining the level of the regions' modernization. A scientifically proved strategy is required specifically for each federal district and region (supported by the population and implemented by management authorities), such a strategy should take into consideration the problems hindering modernization in the given territory.

Key words: modernization of the regions, socio-economic development, levels of modernization, technological mode, R&D.

Kirillova S.A., Kantor O.G.

Region management in terms of sustainable development

The article considers the approach towards the improvement of the management of regional development, which is based on determining the character and direction of the influence of a number of factors on regional development by applying the method of principal components. The approbation of the suggested approach to the statistical data of the regions of the Russian Federation for 2000–2010 in terms of the region's major subsystems allowed the absence of progressive development tendencies to be stated, as well as the character and the direction of the influence of the investigated factors, which in the regional management practice permit taking the regions to the sustainable development pathway, to be determined.

Key words: sustainable development, safe and balanced development, regional development management, method of principal components, vector of generalized influence, vector of development, factors of regional efficiency.

Buryi O.V., Kalinina A.A., Lukanicheva V.P.

The role of the fuel sector of subarctic regions in the Komi Republic economy

The article is devoted to the fuel and energy sector of the Pechora-Ural Arctic. It presents detailed information on six subarctic regions of the Komi Republic in the context of basic types of economic activities. Their role in the region's economy and Russia is defined. The crucial problems of their development are defined. The conclusion is made about the necessity of positioning the subarctic regions of the Komi Republic as a rear echelon of infrastructure support to develop the energy resources of the Russian Arctic zone, with a focus on the domestic sustainable development.

Key words: Barents/Euro-Arctic region, Pechora- Ural Arctic, fuel and energy resources, infrastructure.

Gasnikova A.A.

The role of conventional and alternative energy in the regions of the North

The article considers the specifics of energy supply in the Northern regions of Russia, the advantages and disadvantages of conventional and alternative energy. It is shown that large power plants will focus on conventional sources of energy for a long time. Alternative energy can play an important role in supplying power to small decentralized consumers. The development of alternative energy is also necessary to test new power generation technologies.

Key words: power generation, alternative energy, the North.

Vasilyev A.M.

Deep processing – the main direction in enhancing the efficiency of fish utilization

The article proves that the modern level of processing of catches does not correspond to the objectives of marine fishing development contained in the Concept for the development of fishery in the Russian Federation for the period until 2020 and the Russian Federation State Programme "Development of fishery complex". The article proves that to achieve the targets set out in the documents, the following measures should be carried out: the development of coastal fishing, the introduction of innovation technologies and equipment at coastal enterprises, the creation of integrated enterprises for production and processing of aquatic organisms, the enhancement of export efficiency, the promotion of unloading fish products onto Russia's shores.

Key words: marine fishing, Northern basin, the level of processing of catches, high-tech products.

Popova L.A., Terentyeva M.A.

Comparative characteristic of labour potential dynamics in the regions of the Northwestern Federal District

The article considers the methodological approaches to the quantitative and qualitative assessment of the region's labour potential. The comparative analysis of labour potential dynamics of the regions of the Northwestern Federal District of Russia for 2002–2010, the Komi Republic by the level of labour potential development among the district's regions has been carried out. The main reasons for the favourable dynamics of labour potential development index are revealed.

Key words: labour potential, labour potential development index, Northwestern Federal District.

Terebova S.V.

Small business as the factor increasing the employment rate and incomes of the population

Small and medium business is the most important source of increasing employment and incomes of the population. The statistics show that at present the potential of this sphere is not used to the fullest extent in Russia. In order to overcome the existing difficulties, involve the population in business, it is necessary to implement a set of measures aimed at the improvement of the business climate and the disclosure of the population's entrepreneurial potential. Furthermore, an important step is the development and adoption of the concept of the long-term development programme of small and middle business in the region.

Key words: small and medium business, region's economy, entrepreneurial abilities of the population.

Tomilina N.S.

Russian model of fiscal federalism: competition or cooperation?

The article presents the characteristic of the Russian model of fiscal federalism, structurally represented by expenditure commitments, tax authorities and financial assistance. The operating effect of the Russian budget model, based on the principles of cooperation with the prevailing elements of centralized management is evaluated. It is noted that the budgets of the subjects of the Russian Federation have wide range of expenditure commitments, but they do not have sufficient financial sources to cover this liability, and the financial assistance mechanism does not even the situation. Defining the type of the Russian model of fiscal federalism as competitive or cooperative will enable the new reforming of inter-budget relations (which is objectively bound to happen) to be adequate and noncontroversial to the principles and characteristics of mature fiscal model, to bring positive results.

Key words: fiscal federalism, competition, cooperation, inter-budget relations, expenditure commitments, tax authorities, financial assistance.

Piankova S.G.

Institutional development planning of non-diversified territories

The article presents development trends of one-company towns, ways of the state support provided to such towns in Russia and abroad. It describes the results of monotown development, obtained with the state support, and presents the planning scheme of the institutional development of a company town.

Key words: non-diversified territories, planning, indicators, institutes for development.

Gong Jianwen

Regional innovation system construction and deepening reformation

The article considers the stages of formation of innovation systems in China's regions. It presents the current condition of these systems and the specifics of their present and future development. The topical issues concerning the improvement of innovation development management at the regional level are highlighted.

Key words: regional innovation systems, innovation potential of China's regions, its management, balanced development.

Lobovikov A.O., Bazyleva Ya.V.

Eco-economic evaluation of emission treatment technologies efficiency at thermal power stations

The article substantiates the necessity of introducing the best available emission treatment technologies at thermal power plants. It studies in detail the available technologies of removing sulphur dioxide from thermal power stations' emissions. The article proposes a methodology for evaluating eco-economic efficiency of using the best available technology on the example of sulphur dioxide emissions treatment by thermal power stations.

Key words: eco-economic evaluation of emission treatment technologies efficiency at thermal power stations, the best available technologies.

Anishchenko A.N., Selimenkov R.Yu.

Assessment of the performance of the region's agriculture

The article presents the socio-economic characteristics of the activity of the region's agricultural enterprises by the results of the questionnaire survey of enterprises' managers conducted in 2013. The obtained information has been the basis for identifying problems in the functioning of the Vologda Oblast agriculture and proposes the ways to improve the current situation.

Key words: agricultural production, labour potential, investment, innovation, World Trade Organization (WTO), management in agriculture, agrarian policy.

Styrov M.M.

Problems and prospects of social sphere financing in Russia

The article contains an overview of such main trends in the financial support of Russia's social sphere, as growth in funding, priority increase of pension provision, maintenance of the priority role of centralized sources and evening-out the inter-regional inequalities. The article presents a scenario forecast of the social systems funding up to 2020, according to which the solutions of the main tasks of the coming years, which include adaptation to demographic changes and the elimination of disproportions in remuneration, will require joint efforts of the government, business, citizens and employees.

Key words: budget, health care, culture, education, region, the North, social protection, social security, social expenditure, finance.

Сведения об авторах

Анищенко Алеся Николаевна	
Учёная степень	
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий РАН
Занимаемая должность	Младший научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах
Служебный тел./факс	(8172) 59-78-10
E-mail	Anishchenko-AN@mail.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Базылева Яна Вадимовна	
Учёная степень	
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Пермский национальный исследовательский политехнический университет
Занимаемая должность	Магистрант кафедры «Охрана окружающей среды»
Служебный тел./факс	
E-mail	yanochka_92@list.ru
Почтовый адрес организации	614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский проспект, д. 29
Бурый Олег Валерьевич	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН
Занимаемая должность	Зав. лабораторией комплексных топливно-энергетических проблем
Служебный тел./факс	(8212) 71-87-62
E-mail	buryi@energy.komisc.ru
Почтовый адрес организации	167982, Россия, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26
Васильев Анатолий Михайлович	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН
Занимаемая должность	Зав. отделом
Служебный тел./факс	(81555) 7-64-72 / 7-93-10
E-mail	iep@iep.kolasc.net.ru
Почтовый адрес организации	184209, Россия, г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а
Гасникова Анастасия Александровна	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН
Занимаемая должность	Научный сотрудник
Служебный тел./факс	(81555) 7-96-37 / 7-48-44
E-mail	agasnikova@iep.kolasc.net.ru, aag80@inbox.ru
Почтовый адрес организации	184209, Россия, г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а

Гун Цзяньвэнь	
Учёная степень	
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Академия общественных наук провинции Цзяньси
Занимаемая должность	Научный сотрудник, директор управления общего администрирования
Служебный тел./факс	
E-mail	
Почтовый адрес организации	
Ильин Владимир Александрович	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	Профессор, заслуженный деятель науки РФ
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий РАН
Занимаемая должность	Директор
Служебный тел./факс	(8172) 59-78-01
E-mail	ilin@vscc.ac.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Калинина Альбина Александровна	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	Старший научный сотрудник, заслуженный деятель науки Республики Коми
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского Отделения РАН
Занимаемая должность	Ведущий научный сотрудник лаборатории комплексных топливно-энергетических проблем
Служебный тел./факс	(8212) 24-10-08
E-mail	kalinina@energy.komisc.ru
Почтовый адрес организации	167982, Россия, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26
Кантор Ольга Геннадиевна	
Учёная степень	Кандидат физико-математических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН
Занимаемая должность	Старший научный сотрудник сектора экономической безопасности
Служебный тел./факс	(347) 235-55-33
E-mail	o_kantor@mail.ru
Почтовый адрес организации	450054, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, пр. Октября, д. 71
Кириллова Светлана Александровна	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	Доцент
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН
Занимаемая должность	Ученый секретарь, старший научный сотрудник сектора экономической безопасности
Служебный тел./факс	(347) 278-84-76
E-mail	kirillova_sa@mail.ru; isei@anrb.ru
Почтовый адрес организации	450054, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, пр. Октября, д. 71
Ласточкина Мария Александровна	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий РАН
Занимаемая должность	Старший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения
Служебный тел./факс	(8172) 59-78-10
E-mail	mashkop@mail.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

Лобовиков Алексей Олегович	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Пермский национальный исследовательский политехнический университет
Занимаемая должность	Доцент кафедры «Экономика и организация промышленного производства»
Служебный тел./факс	(342) 219-82-64
E-mail	lobovik@yandex.ru
Почтовый адрес организации	614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский проспект, д. 29
Луканичева Вера Павловна	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН
Занимаемая должность	Старший научный сотрудник лаборатории комплексных топливно-энергетических проблем
Служебный тел./факс	(8212) 24-10-08
E-mail	lukanicheva@energy.komisc.ru
Почтовый адрес организации	167982, Россия, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26
Поварова Анна Ивановна	
Учёная степень	
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий РАН
Занимаемая должность	Старший научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах
Служебный тел./факс	(8172) 59-78-10
E-mail	air150663@yandex.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Попова Лариса Алексеевна	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	Доцент
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН
Занимаемая должность	Зам. директора по научной работе
Служебный тел./факс	(8212) 24-57-95 / 24-42-67
E-mail	porova@iespn.komisc.ru
Почтовый адрес организации	167982, Россия, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26
Пьянкова Светлана Григорьевна	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Институт экономики Уральского отделения РАН
Занимаемая должность	Доцент
Служебный тел./факс	(343) 362-16-37
E-mail	silen_06@list.ru
Почтовый адрес организации	620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29
Савченко Евгений Степанович	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	Член-корреспондент Россельхозакадемии, профессор
Полное название организации – места работы	
Занимаемая должность	Губернатор Белгородской области
Служебный тел./факс	
E-mail	
Почтовый адрес организации	

Селименков Роман Юрьевич	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий РАН
Занимаемая должность	Зам. зав. отделом проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах
Служебный тел./факс	(8172) 59-78-24
E-mail	rus_vsc@mail.ru
Почтовый адрес организации	160000, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Стыров Максим Михайлович	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук
Занимаемая должность	Научный сотрудник лаборатории финансово-экономических проблем
Служебный тел./факс	(8212) 44-06-84
E-mail	Styrovmm@mail.ru
Почтовый адрес организации	167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26
Теребова Светлана Викторовна	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий РАН
Занимаемая должность	Зав. отделом инновационной экономики
Служебный тел./факс	(8172) 59-78-07
E-mail	svetlana-ter@mail.ru
Почтовый адрес организации	160000, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Терентьева Марина Алексеевна	
Учёная степень	
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН
Занимаемая должность	Младший научный сотрудник
Служебный тел./факс	(8212) 24-88-84
E-mail	iesp@mail.ru
Почтовый адрес организации	167982, Россия, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26
Томилина Наталья Сергеевна	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН
Занимаемая должность	Научный сотрудник
Служебный тел./факс	(81555) 7-97-07
E-mail	tomilina@iep.kolasc.net.ru
Почтовый адрес организации	184209, Россия, г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а

Шабунова Александра Анатольевна	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	Доцент
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий РАН
Занимаемая должность	Зам. директора по научной работе, зав. отделом исследования уровня и образа жизни населения
Служебный тел./факс	(8172) 59-78-20
E-mail	aas@vscc.ac.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Швецов Александр Николаевич	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	Профессор
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт системного анализа РАН
Занимаемая должность	Зам. директора по научной работе
Служебный тел./факс	8-499-135-43-25
E-mail	san@isa.ru
Почтовый адрес организации	117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, д. 9

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Предлагаемые статьи должны содержать результаты исследований, обладающие новизной и практической направленностью, являться доступными по форме изложения для широкого круга читателей, соответствовать научной направленности журнала (экономические и социологические науки).

Статья должна, как правило, содержать следующие аспекты: цель работы; метод и методологию проведения работы; её результаты; область применения результатов; выводы. Выводы могут сопровождаться рекомендациями, предложениями, гипотезами, вытекающими из содержания статьи. При представлении в статье результатов социологических исследований необходимо указать следующую информацию: сведения о методологии и методике; дату, место (территорию) и организацию, проводившую исследование; структуру генеральной совокупности; тип, объем и ошибку выборки; описание методов сбора и анализа данных. Данную информацию следует изложить в одном из следующих вариантов: в специальном разделе (параграфе) статьи; непосредственно в тексте; в сноске. При оформлении таблиц важно пояснить, как считаются проценты: от числа ответивших на данный вопрос или от совокупности опрошенных. Пристатейный список литературы должен быть представительным, демонстрировать профессиональный кругозор и качественный уровень исследований авторов. Работы в пристатейном списке располагаются в алфавитном порядке сначала на русском, затем на английском (или любом другом — на латинице) языке. При ссылке в тексте даётся номер работы в квадратных скобках.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, статистических и социологических данных, имён собственных, географических названий и прочих сведений, а также за то, чтобы в статье не содержалось данных, не подлежащих открытой публикации.

Приводимые в таблицах (графиках) стоимостные показатели, относящиеся к разным временным периодам, представляются, как правило, в сопоставимой оценке. Если в таблицах (графиках) содержатся сравнительные данные по отдельным территориям, видам экономической деятельности и т.п., то они представляются в ранговом порядке с указанием периода, по которому производится ранжирование.

Объём статьи — не более 40 000 знаков (1 а.л.), включая пробелы и сноски, для докторов и кандидатов наук (в том числе при соавторе, не имеющем учёной степени) и не более 20 000 знаков (0,5 а.л.) — для остальных авторов. Исключения по объёму возможны только по предварительной договорённости с редакцией.

Автор представляет текст статьи и сопроводительные сведения в печатном виде по почте (один экземпляр, на одной стороне листа) и идентичные материалы по электронной почте. Печатный вариант обязательно подписывается автором (авторами).

Текст статьи направляется в формате MS Word в соответствии со следующими параметрами: гарнитура Times Roman, размер шрифта — 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5, сноски в порядке упоминания в тексте в конце текста арабскими цифрами. Графики и диаграммы для электронного варианта статьи выполняются в программе MS Excel и даются отдельным файлом, который должен содержать не только сами графические материалы, но и исходные данные (таблицы). Блок-схемы оформляются в формате MS Word или MS VISIO-2003.

Статье должен быть присвоен **индекс УДК** (располагается до заголовка статьи).

Статью должны сопровождать **аннотация** (600 — 700 знаков; предполагается описание следующих позиций: формулировка проблемы, указание методики исследования и источников информации, характеристика основных результатов исследования, варианты решения проблемы) и **ключевые слова на русском и английском языках, библиографические списки**.

К статье прилагаются (отдельным файлом) **сведения об авторах статьи**, содержащие: заголовок статьи (**на русском и английском языках**), фамилию, имя, отчество (полностью), учёную степень, учёное звание, полное название и адрес организации — места работы, занимаемую должность, телефон и факс, адрес электронной почты, почтовый адрес для переписки.

К электронному варианту статьи прилагается **цветная фотография автора (авторов)** размером 4×6 см в формате tif (предпочтительно) или jpeg разрешением 300 dpi.

В соответствии с требованиями Гражданского кодекса РФ между авторами и редакцией журнала должен быть заключён Лицензионный договор с приложением к нему Акта приёма-передачи произведения. Эти документы, составленные по приведённой ниже форме и подписанные всеми авторами статьи, представляются в редакцию вместе с текстом статьи. Подписанный редакцией экземпляр договора будет направлен авторам по почте вместе с авторским экземпляром номера журнала.

Рукописи следует направлять **Почтой России** по адресу: 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ИСЭРТ РАН, редакция журнала, с пометкой «для публикации в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», а также **на электронный адрес: common@vscc.ac.ru**.

Факс: 8(8172)59-78-02. Тел.: 8(8172)59-78-31.

При полной или частичной перепечатке рукописей в другом издании обязательна ссылка на журнал.

Все рукописи подлежат рецензированию. Если у рецензента возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Датой поступления статьи считается дата получения редакцией окончательного варианта статьи. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений и сокращений, не искажающих смысла статьи.

С 2010 года в журнале открыта рубрика «Молодые исследователи», в которой публикуются рукописи аспирантов. Статья должна быть без соавтора, заверена научным руководителем, рекомендована научной организацией, за которой закреплён аспирант.

Внимание! В случае несоблюдения указанных требований статья редакцией не рассматривается.

С электронной версией журнала можно ознакомиться по адресу: <http://esc.vscc.ac.ru>.

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____

_____ (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ИСЭРТ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
ГРКЦ ГУ Банка России по Вологодской
области, г. Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____

Паспорт: серия _____ номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____
подпись ф. и. о. полностью

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые коллеги!

Предлагаем Вам оформить подписку на журнал
«**Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз**».

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН» (ИСЭРТ РАН).

В журнале публикуются результаты исследований по оценке эффективности функционирования региональных социально-экономических систем Северо-Западного федерального округа России, секторов экономики субъектов округа и муниципальных образований по направлениям:

- стратегия развития;
- региональная экономика;
- социальное развитие;
- внешнеэкономические отношения;
- информационная экономика;
- проблемы расширенного воспроизводства и др.

Журнал включён в **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России №6/6 от 19 февраля 2010 года журнал включён в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.

Главная цель издания – предоставление широким слоям научной общественности и практическим работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения региональной экономики, принимать участие в обсуждении этих проблем.

Редакционная коллегия, осуществляющая независимую экспертизу научных статей, состоит из ведущих ученых ряда регионов России.

Журнал выходит 6 раз в год.

Журнал включён в межрегиональную часть каталога российской прессы «Почта России»: подписной индекс **83428**.

Каталожная цена одного номера журнала составляет 250 руб. (без учёта доставки). Подготовленный подписной бланк приведён в приложении.

Ф. СП-1		Министерство связи РФ											
		АБОНЕМЕНТ на ☐ газету ☐ журнал										83428	
		(индекс издания)											
		«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»											
		(наименование издания)										Количество комплектов:	
		на 20__ год по месяцам:											
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда													
		(почтовый индекс)						(адрес)					
Кому													
		(фамилия, инициалы) Тел.											
		Доставочная карточка											
ПВ		место литер		на		☐ газету ☐ журнал		83428					
		(индекс издания)											
		«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»											
		(наименование издания)											
Стоимость		подписки		руб.		коп.		Количество комплектов					
		пере-адресовки		руб.		коп.							
		на 20__ год по месяцам:											
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда													
		(почтовый индекс)						(адрес)					
Кому													
		(фамилия, инициалы)											

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
	Е.С. Нефедова
Корректор	Н.С. Киселева

Подписано в печать 30.10.2013.
Дата выхода в свет 05.11.2013.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 23,8. Тираж 500 экз. Заказ № 316.
Цена свободная.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-49490 от 20 апреля 2012 г.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук (ИСЭРТ РАН)

Адрес издателя и редакции:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а,
телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02, e-mail: common@vscc.ac.ru